

Но совѣтъ избиралъ не однихъ только профессоровъ, а еще и почетныхъ членовъ. Спрашивается: на сколько удачно велось это дѣло? Какія лица получили званіе почетныхъ членовъ университета въ 1-е десятилѣтіе его существованія ¹⁾? Еще до открытія Харьковскаго университета въ его почетные члены были *опредѣлены* исправлявшимъ должность попечителя Н. Н. Новосильцевымъ—надворный совѣтникъ *Адемуи* и профессоръ Московскаго университета *Баузе*, а въ корреспонденты женевскій гражданинъ Степанъ *Дюмонъ* (по политической экономіи) и профессоръ медицины Моисей *Лабандъ* (по естественной исторіи). Совѣтомъ были избраны (и утверждены Министерствомъ) въ 1805 году—Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Викторъ Павловичъ *Кочубей* и графъ Илья Андреевичъ *Безбородко*. Въ 1806 г. въ почетные члены избранъ дѣйств. стат. сов. академикъ *Палласъ*, въ 1807 году—тайный совѣтникъ, президентъ Академіи Наукъ, членъ Главнаго Правленія училищъ, Николай Николаевичъ *Новосильцовъ*, дѣйств. стат. сов., Членъ Главнаго Правленія училищъ, Петръ Николаевичъ *Франкъ*, профессоръ Геттингенскаго университета надв. сов. *Шлецеръ*, президентъ Императорскаго Ерлангскаго общества любителей естественной исторіи *Шрейеръ*, надв. сов. Россійскій исторіографъ Николай Михайловичъ *Караминъ*, придворн. маршалъ и астрономъ [въ Готѣ *Цахъ*, профессоръ Геттингенскаго университета *Мейнерсъ*, профессоръ того же университета *Гайне*, профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Страховъ*, профессоръ физики и химіи Гальскаго университета *Гильбертъ*; тогда же въ корреспонденты: стат. сов. баронъ *Биберштейнъ* (по естественной исторіи), профессоръ Пештскаго университета *Шедіусъ* (по эстетикѣ и латинской словесности) Императорскій Россійскій консулъ въ Лейпцигѣ надв. сов. Иванъ Ивановичъ *Шварцъ*, членъ Парижскаго института *ГЕвекъ* (по исторіи), протоіерей при Императорскомъ Россійскомъ поольствѣ въ Лондонѣ *Смирновъ*, венгерскій исторіографъ *Эмель* ²⁾). Но эти лица не были утверждены министерствомъ ни въ 1807, ни въ

¹⁾ Въ вопросѣ о почетныхъ членахъ Харьковскаго университета мы пользовались слѣдующими матеріалами: 1) извѣстной рукописной „исторіей дѣлъ, относящихся къ Императорскому Харьковскому университету со времени его учрежденія“ и 2) Дѣломъ о почетныхъ членахъ Харьковскаго университета, хранящимся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія (1803 г. № 5443, картонъ 152). Этому же вопросу посвящена статья М. М. Плохинскаго, составленная по протоколамъ совѣта Харьковскаго университета (Записки Импер. Харьк. университета, 1895 г. № 1).

²⁾ М. М. Плохинскій еще называетъ Мааса, избраннаго корреспондентомъ по немецкой словесности.

1808, ни въ 1809 году, только въ 1810 г. послѣдовало утвержденіе *Новосильцова, Франка, Карамзина, Страхова, Шрейбера, Цаха, Мейнера, Гейне, Гильберта и Биберштейна* (представленнаго равнѣше въ корреспонденты) почетными членами и *Шварца* — корреспондентомъ ¹⁾ (изъ 17—11). Сверхъ того министерство утвердило вновь избранныхъ въ 1809 г. и „знаменитыхъ ученостью мужей“, дѣйств. тайн. сов. Гаврилу Романовича *Державина*, дѣйств. тайн. сов. Андрея Андреевича *Нартова*, тайнаго сов. министра юстиціи Ивана Ивановича *Дмитріева*, тайн. сов. графа Дмитрія Ивановича *Хвостова*, дѣйств. стат. сов. графа Дмитрія Петровича *Бутурлина*, вице-адмирала Александра Семеновича *Шичкова*, майора Александра Александровича *Палицына*. Совѣтъ „будучи удостовѣренъ, что связь съ учеными мужами, кои отличались или ученостью, или покровительствомъ наукамъ и стремленіемъ къ распространенію ихъ, можетъ много содѣйствовать къ чести и благосостоянію сего университета“ и избралъ своими почетными членами: дѣйств. тайнаго сов. графа Петра Васильевича *Завадовскаго*, тайн. сов. графа Ивана Осиповича *Потоцкаго* въ 1810 г. и дѣйств. стат. сов. слободско-украинскаго гражданскаго губернатора Ивана Ивановича *Бахтина*, находящагося при комиссіи о составленіи законовъ доктора философіи Людвигъ Кондратьевича *Якоба*, профессора Дерптскаго университета Ивана Ивановича *Гута*, дѣйств. стат. сов. Николая Ивановича *Фуса*, дѣйств. стат. сов. Николая Яковлевича *Озерецковскаго*, дѣйств. стат. сов. профессора Московскаго университета Вильгельма Михайловича *Рихтера*, дѣйств. стат. сов. директора департамента министерства народнаго просвѣщенія Ивана Ивановича *Мартинова*, стат. сов. академика Андрея Карловича *Шторха*, надв. сов. академика Александра Ивановича *Шерера*, стат. сов. Василия Назарьевича *Каразина*, профессора Гальскаго университета *Шпретеля*, профессора Пражскаго университета, члена многихъ ученыхъ обществъ аббата *Добровскаго* и профессора Петербургскаго педагогическаго института Якова Яковлевича *Белленъ де Баллю*; въ члены корреспонденты были избраны венгерскій исторіографъ *Эмель* и профессоръ Пештскаго университета *Шедіусъ* (всѣ въ 1811 г.); всѣ эти лица были утверждены въ своемъ новомъ званіи министерствомъ. Въ 1812 г. были избраны въ почетные члены—адмиралъ Николай Семеновичъ *Мордвиновъ*, министръ внутреннихъ дѣлъ Осипъ Петровичъ *Козодавлевъ*, Херсонскій военный губернаторъ Эммануилъ Осиповичъ *Дюкъ*

¹⁾ М. М. Плохинскій говоритъ, что корреспондентомъ былъ избранъ и утвержденъ еще Аделунгъ, первоначально опредѣленный по нашимъ источникамъ, въ почетные члены Новосильцовымъ, но, вѣроятно, не утвержденный министерствомъ.

де *Ришелье*, профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Фишеръ*, профессоръ медико-хирургической академіи *Ефремъ Осиповичъ Мушинъ*, дѣйств. стат. сов. *Семенъ Михайловичъ Кочубей*, и въ корреспонденты—*Рисъ де Ренансъ*, директоръ ботаническаго сада въ Горенъ-гахъ *Фишеръ* и надворный сов. *Павель Степановичъ Бутягинъ*; всѣ эти выборы въ томъ же году министръ утвердилъ.

Протоіерея *Смирнова* (въ Лондонѣ) совѣтъ избралъ членомъ-корреспондентомъ еще въ 1807 г., затѣмъ другой разъ ходатайствовалъ о немъ въ 1811 г., третій разъ — въ 1812 г., а утвержденъ онъ былъ только 22 января 1813 г. Въ 1813 г. избраны были Полтавскій генералъ губернаторъ князь *Лобановъ — Ростовскій*, ректоръ Московскаго университета *Геймъ*, адмиралъ *Чичаговъ*; въ 1814 г.—извѣстный меценатъ к. канцлеръ *Н. П. Румянцевъ*, оберъ прокуроръ Святѣйшаго Синода князь *Голицынъ* и профессоръ медико-хирургической академіи *Бушъ*.

Просматривая списокъ избранныхъ, мы находимъ, что всѣхъ почетныхъ членовъ и членовъ корреспондентовъ избрано было совѣтомъ за первыя десять лѣтъ существованія Харьковскаго университета 57 чел. (47 почетныхъ членовъ и 10 членовъ корреспондентовъ); но не всѣ они были утверждены министерствомъ; изъ нихъ проживало въ Россіи—42 чел.¹⁾, за границей 15 чел. Избирались какъ лица, приобрѣвшія себѣ извѣстность выдающимися научными заслугами, такъ и государственные са-ловники, которые могли оказать и дѣйствительно оказывали университету свою помощь и содѣйствіе въ разныхъ нуждахъ и ходатайствахъ, какъ иногородніе, такъ и мѣстные дѣятели, принесшіе пользу дѣлу просвѣщенія своими пожертвованіями или научно-литературными трудами. Вообще совѣтъ Харьковскаго университета разумно и широко пользовался своимъ правомъ избранія, чтобы отмѣтить лицъ, дѣятельность которыхъ была ему полезна въ томъ или иномъ отношеніи. На небольшими исключеніями, гдѣ дѣйствовали личные мотивы или слишкомъ неумѣренная предупредительность по отношенію ко власти имущимъ, всякое избраніе мотивировалось болѣе или менѣе вѣскими ображеніями. Мы приведемъ нѣкоторые изъ нихъ въ ихъ подлинномъ неприкосновенномъ видѣ, какъ они представлены были отъ имени совета въ Министерство народнаго просвѣщенія. Вотъ, напримѣръ, какъ мотивировалось избраніе въ члены корреспонденты жившаго въ Лондонѣ протоіерея русской посольской церкви *Смирнова*. „Совѣтъ разсуждая,

¹⁾ Въ числѣ ихъ было впрочемъ много иностранцевъ, не принявшихъ русскаго подданства и даже не знавшихъ по русски.

что уроженецъ Слободско-украинской губерніи протоіерей *Смирновъ*, мужъ ученостію своею извѣстный и могущій, по мѣстопробыванію его въ Лондонѣ, оказать университету значительныя услуги, хотя и избранъ былъ университетомъ августа 30 дня 1807 г. въ дѣйствительные его корреспонденты, но не былъ утвержденъ начальствомъ въ семь званіи, и утверждаясь на вышеизложенныхъ причинахъ, удостовѣряющихъ его въ выгодахъ, кои съ собою принести можетъ назначеніе г. *Смирнова* его корреспондентомъ, испрашиваетъ у Вашего Сіятельства утвержденія г. *Смирнову* въ семь званіи съ тѣмъ, чтобы получалъ онъ и опредѣленное уставомъ университета по мѣсту сему жалованье—по 200 р. въ годъ, которое однакожъ не прежде ему отпускается будетъ, какъ со времени замиренія съ Англіей, и когда политическія обстоятельства позволятъ будутъ университету имѣть съ нимъ *Смирновымъ* сношеніе“ (17 іюня 1811 г.). Дальнѣйшіе факты показали, что университетъ сдѣлалъ полезный выборъ въ лицѣ протоіерея *Смирнова*; этотъ послѣдній, въ качествѣ корреспондента, оказалъ значительныя услуги по части доставки изъ Англіи разныхъ инструментовъ. Въ томъ же году совѣтъ избралъ въ почетные члены свои Харьковскаго губернатора *Ив. Ив. Бахтина*, который, какъ мы видѣли, игралъ видную роль въ дѣлѣ основанія университета и затѣмъ относился къ нему съ неизмѣннымъ сочувствіемъ во все время своего губернаторства. Вотъ мотивировка этого избранія. „Совѣтъ въ засѣданіи своемъ мая 10 дня текущаго года опредѣлилъ состоящаго въ Слободско-украинской губерніи гражданскимъ губернаторомъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кав. *Ив. Ив. Бахтина* избрать въ свои почетные члены, который, по предварительномъ законномъ о томъ оповѣщеніи членовъ совѣта, въ засѣданіи онаго текущаго мая 17 дня, по учиненномъ баллотированіи, получивъ 10 избирательныхъ противу двухъ неизбирательныхъ шаровъ, избранъ въ почетные члены сего университета. Причины, побудившія совѣтъ приступить къ сему выбору, были слѣдующія: 1) членамъ университета онъ г. *Бахтинъ* извѣстенъ какъ со стороны превосходныхъ его качествъ, такъ и со стороны его учености; 2) заслуги, университету имъ оказанныя, особливо же въ доставленіи большей части уѣздныхъ училищъ Слободско-украинской губерніи училищныхъ домовъ, каковую услугу и вновь оказалъ онъ асигнованіемъ на постройку Богодуховскаго училищнаго дома 1500 р.; въ 3) во многихъ случаяхъ явилъ онъ свое покровительство университетскимъ сочленамъ; и въ 4) университетъ надѣется черезъ доставленіе ему сего отличія видѣть дальнѣйшіе его опыты относительно вспомоствованій его г. *Бахтина*, клонящихся къ устроенію учебныхъ заведеній въ сей губерніи. Совѣтъ, донося о семъ своемъ выборѣ и основываясь на выше-

изложенныхъ причинахъ, къ сему его побудившихъ, покорнѣйше просить ваше сіятельство утвердить г. Слободско-украинскаго гражданскаго губернатора и кавалера *Ив. Ив. Бахтина* почетнымъ членомъ сего университета“ (21 мая 1811 г.). О знаменитомъ славистѣ *Добровскомъ* было сдѣлано такое предложеніе: „совѣтъ въ засѣданіи своемъ августа 10 дня приступилъ къ избранію въ почетные свои члены состоящаго профессоромъ въ Прагскомъ университетѣ *Добровскаго*, руководствуясь въ семъ выборѣ: во 1-хъ) извѣстною его *Добровскаго* ученостію и знаніемъ въ превосходной степени славянскаго языка, ибо послѣ покойнаго *Шлецера* (!) не отыщется никого въ иностранныхъ земляхъ, кто бы искуснѣе былъ его по сей части, и во 2-хъ) тѣмъ, что какъ онъ состоитъ профессоромъ въ Прагѣ, столичномъ городѣ Богемскаго королевства, населенномъ единоплеменнымъ россиянамъ народомъ, то ученая съ нимъ *Добровскимъ* связь можетъ послужить къ усовершенствованію познаній нашихъ въ славянскомъ языкѣ. По учиненному баллотированію онъ г. *Добровскій* единодушно избранъ былъ въ почетные члены сего университета; посему совѣтъ, донося о семъ вашему сіятельству, испрашиваетъ ему *Добровскому* утвержденія въ семъ званіи“. (20 августа 1811 года). Отмѣтилъ совѣтъ и заслуги знаменитаго русскаго исторіографа *Николая Михайловича Карамзина*, котораго какъ мы уже знаемъ, онъ раньше приглашалъ въ профессора русской исторіи, а въ 1807 году избралъ своимъ почетнымъ членомъ; къ сожалѣнію не сохранилось мотивовъ его избранія. Виновника своего основанія *Василія Назаровича Каразина* совѣтъ избралъ въ почетные члены въ 1811 году, хотя 1-е представленіе объ этомъ было внесено въ совѣтъ еще въ 1805 году (но тогда оно было признано несвоевременнымъ) ¹⁾. Едва ли нужно прибавлять, что мотивировка ²⁾, приведенная совѣтомъ въ пользу этихъ выборовъ, вполнѣ оправдывается фактами и свидѣтельствуетъ о томъ, что, не смотря на размолвки и несогласія съ *В. Н. Каразинымъ* попечителя *Потоцкаго* и нѣкоторыхъ профессоровъ, профессорская корпорація *Харьковскаго университета* проявила въ данномъ случаѣ и безпристрастіе, и чувство общественной благодарности, и даже гражданское мужество, такъ какъ многіе смотрѣли на *Каразина*, какъ на опаснаго мечтателя, и во всякомъ случаѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія должно было остаться

¹⁾ Оно внесено было *Балленъ де-Баллю*; но ректоръ *Рижскій* предложилъ отложить его на извѣстное время. (*Харьк. унив. архивъ, Acta 1805 г. стр. 50*).

²⁾ Хотя мы раньше уже приводили эту мотивировку совѣта въ латинскомъ подлинникѣ, но для связи напомнимъ ее здѣсь въ русскомъ переводѣ: „совѣтъ подвинутъ къ выборамъ этого мужа, кромѣ выдающихся познаній, которыми онъ отличается, еще также чувствомъ благодарности, потому что единственно его старанію и труду можно приписать учрежденіе въ *Харьковѣ университета*“.

о немъ непріятное воспоминаніе. Нельзя не отмѣтить также рядомъ съ этимъ и выборовъ еще двухъ выдающихся харьковскихъ дѣятелей — писателя и архитектора А. А. Палицына и извѣстнаго ботаника барона Биберштейна. Помѣщикъ с. Поповки, А. А. Палицынъ, какъ намъ уже извѣстно, стоялъ во главѣ цѣлаго литературнаго кружка, извѣстнаго подъ шуточнымъ названіемъ „Поповской академіи“. Свои литературныя произведенія онъ печаталъ въ университетской типографіи и отчасти даже въ пользу университета. Не менѣе (если не болѣе) важна была въ культурномъ отношеніи и другая сторона его дѣятельности — его труды, какъ архитектора; онъ выстроилъ цѣлый рядъ зданій и способствовалъ развитію вкуса къ красивымъ сооруженіямъ. Избраніе въ почетные члены университета дало ему новыя силы къ продолженію литературныхъ занятій, какъ это можно видѣть изъ письма его къ извѣстному писателю Ив. Ив. Дмитріеву. „Если вамъ угодно будетъ спросить, писалъ ему Палицынъ, что сдѣлалъ я въ долговременное ваше отсутствіе, то я стану въ пень, потому что ничего больше не сдѣлалъ, какъ только поправилъ нѣсколько писемъ къ Элоизѣ для другого ея изданія, да лѣтъ за семь уже изъ переведенныхъ мною С. Ламбертовыхъ годовыхъ временъ переписалъ одно лѣто и то черезъ силу потому только, что эту поэму посвящаю я нашему университету, какъ малую дань благодарности за то, что онъ удостоилъ меня избрать почетнымъ своимъ членомъ, хотя еще и бездипломнымъ“ ¹⁾ (7-го іюля 1810 года, с. Поповка).

Ботаникъ Биберштейнъ также долженъ быть причисленъ къ категоріи мѣстныхъ дѣятелей, хотя и въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ инспекторомъ по части шелководства въ южной Россіи, но проживалъ въ Харьковской губ., въ с. Мерефѣ; научную извѣстность онъ пріобрѣлъ главнымъ образомъ своимъ классическимъ трудомъ о Кавказской флорѣ. За сочувствіе къ дѣлу мѣстнаго просвѣщенія были выбраны въ почетные члены еще два лица — знаменитый дѣятель Новороссійскаго края Дюкъ-де-Ришелье и Полтавскій помѣщикъ Кочубей. Въ представленіи о первомъ совѣтъ писалъ министру: „составъ, разсуждая объ отличномъ расположеніи и дѣйстви на пользу учебныхъ заведеній г. Одесскаго градоначальника, Таврической, Екатеринославской и Херсонской губ. военнаго губернатора Дюка-де-Ришелье, какъ во уваженіе и признательность къ таковымъ его подвигамъ, такъ и для пріобрѣтенія тѣмъ выщей пользы и чести университету, въ заведеніи своемъ марта 27 всѣми присутствующихъ членовъ шарами избралъ его въ почетные члены сего университета и имѣеть честь пред-

¹⁾ Русская старина 1895 г., № 3, стр. 194.

ставить избраніе сіе вашему сіятельству на утвержденіе“ (31 марта 1812 г.). Избраніе второго было мотивировано такъ: „ректоръ университета въ совѣтъ семъ предложилъ объ избраніи почетнымъ членомъ дѣйств. стат. сов. Кочубея, оказавшаго многіе опыты благотворенія въ содержаніи на своемъ иждивеніи юношества въ Полтавской гимназіи и воспитаніи благородныхъ дѣвицъ, который теперь желаетъ содержать одного студента при здѣшнемъ университетѣ; совѣтъ, избравъ его единогласно въ почетные члены университета, имѣетъ честь представить на утвержденіе вашему сіятельству“. Изъ государственныхъ дѣятелей совѣтъ съ полнымъ основаніемъ избралъ въ свои почетные члены адмирала Чичагова въ знакъ признательности своей, какъ говорится въ представленіи министру, за то что онъ „въ продолженіе командованія имъ Россійскою арміею прислалъ въ Харьковскій университетъ значительное собраніе отбитыхъ у непріятеля монетъ“.

Какъ образецъ нѣкотораго опортюнизма, можно представить дѣло о выборѣ въ почетные члены министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева. Этотъ послѣдній, получивъ отъ Харьковскаго университета экземпляръ рѣчей, произнесенныхъ на торжественномъ актѣ, принялъ таковое подношеніе за доказательство избранія его въ почетные члены и просилъ министра народнаго просвѣщенія увѣдомить его, когда Харьковскій университетъ почтилъ его этимъ избраніемъ. Министръ народнаго просвѣщенія (гр. А. К. Разумовскій) обратился за разъясненіемъ этого обстоятельства къ совѣту. Совѣтъ далъ на это такой отвѣтъ: „университетъ препровождалъ до сего времени торжественно произнесенныя рѣчи ко многимъ почетнымъ особамъ, хотя онѣ и не состояли почетными членами университета, каковымъ также не былъ и г. министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ. Но какъ было уже прежде разсуждаемо о пользѣ и чести, которую пріобрѣтетъ университетъ, ежели онъ, г. министръ Козодавлевъ и въ государственномъ совѣтѣ предсѣдатель департамента государственной экономіи адмиралъ Мордвиновъ выбраны будутъ почетными членами, то по сему оба они, бывъ по сему предложены къ избранію установленнымъ порядкомъ, единогласно всѣмъ совѣтомъ университета избраны“ (13 янв. 1812 г.). Такъ разрѣшилось это нѣсколько странное дѣло, въ которомъ совѣтъ, благодаря министру Козодавлеву, попалъ въ очень щекотливое положеніе и могъ выйти изъ него только, конечно, избравъ его въ свои почетные члены и, быть можетъ, угадавъ такимъ образомъ его тайное желаніе.

Всѣ эти избранія относятся къ дѣятельности совѣта; но намъ нужно отмѣтить одинъ случай, когда избраніе членовъ корреспондентовъ состоялось по распоряженію попечителя. Петербургскій попечитель

Новосильцевъ, управлявшій въ отсутствіе Потоцкаго дѣлами Харьковскаго учебнаго округа, еще до открытія университета, своею властью, избралъ для него двухъ корреспондентовъ и мотивовалъ это слѣдующимъ образомъ: „сообразно съ идеями попечителя Харьковскаго округа, предусматривая ощутительную пользу отъ того, что университетъ сего имени, при самомъ открытіи своемъ, будетъ имѣть корреспондентовъ въ чужихъ краяхъ и внутри имперіи, я обратилъ вниманіе на людей, которые бы талантами, дѣятельностію и извѣстностію въ ученomъ свѣтѣ, могли безъ замедленія и непосредственно соединить сіе новое заведеніе съ общею областью наукъ. На первый случай избралъ я въ таковое званіе по части политической экономіи граждаина Женевскаго г. Етіенъ Дюмонъ (Dumont)—краснорѣчиваго изложителя законодательной Бентамовой системы, мужа уваженія достойнѣйшаго и по собственнымъ сочиненіямъ; а по части естественной исторіи доктора медицины г. Моисея Лабанда, отправившагося въ извѣстное россійское путешествіе вокругъ земли на корабль Нева. Съ согласія ихъ, я доставилъ обоимъ подписанные мною предварительные виды на званіе корреспондентовъ и о семъ имѣю честь покорнѣйше донести вашему сіятельству“¹⁾ (31 іюля 1803 г.). Назначая членами корреспондентами этихъ лицъ, Новосильцевъ дѣйствовалъ въ интересахъ имѣвшаго открыться вскорости Харьковскаго университета и не нарушалъ этимъ ничьихъ интересовъ; можно только сказать, что выборы эти были нѣсколько преждевременны и едвали могли доставить полное удовлетвореніе тѣмъ лицамъ, коихъ они коснулись. Нѣсколько инымъ характеромъ отличалось вмѣшательство въ дѣло выборовъ попечителя Потоцкаго. Мы знаемъ уже, какъ энергично хлопоталъ онъ объ открытіи Харьковскаго университета, какія усилія употреблялъ для привлеченія въ него преподавателей и студентовъ; ему приходилось дѣйствовать для этого

¹⁾ Всѣ эти документы извлечены мною изъ дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія (1803 г. № 5443, картонъ 152). Пользуясь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить глубокую признательность его сіятельству г. Министру народнаго просвѣщенія графу Н. Д. Делянову, г. директору департамента Н. М. Аничкову и директору архива Н. П. Барсукову за разрѣшеніе заниматься въ этой огромной сокровищницѣ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Работая здѣсь, я вспомнилъ, что приближается моментъ столѣтняго юбилея Министерства народнаго просвѣщенія (8 сентября 1902 г.) и высказалъ пожеланіе, чтобы къ этому времени былъ изданъ сборникъ матеріаловъ для характеристики просвѣтительной дѣятельности его за истекшее столѣтіе; мысль эта была встрѣчена сочувственно и можно только пожелать, чтобы къ исполненію ея приступили заблаговременно. Для себя я нашелъ здѣсь массу драгоценныхъ данныхъ и при томъ такихъ, каковыхъ не было и даже не могло быть въ архивѣ Харьковскаго университета. Раньше меня навлекалъ отсюда матеріалы для исторіи Харьковскаго университета академикъ Мих. Ив. Сухомлиновъ.

самолично, по собственной инициативѣ; да и въ первое время по открытіи университета ему нерѣдко нужно было направлять дѣятельность его въ желательную сторону. При этомъ самъ Потоцкій смотрѣлъ на себя какъ на человѣка компетентнаго въ оцѣнкѣ ученой дѣятельности выдающихся представителей русской и западно-европейской науки; и онъ былъ въ значительной степени правъ: будучи чрезвычайно просвѣщеннымъ человѣкомъ, онъ находился кромѣ того въ сношеніяхъ со многими видными дѣятелями на этомъ поприщѣ. Этимъ, по всей вѣроятности, нужно объяснить и роль, которую онъ игралъ въ дѣлѣ избранія почетныхъ членовъ Харьковскаго университета. Онъ представилъ въ совѣтъ университета списокъ тѣхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ (преимущественно послѣднихъ), которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало избрать въ почетные члены ¹⁾. Конечно, этимъ онъ производилъ давленіе на совѣтъ — и этотъ послѣдній дѣйствительно руководствовался въ послѣдствіи спискомъ попечителя. Но такъ какъ при этомъ избирали и лицъ, не поименованныхъ въ попечительскомъ списокѣ, и обходили кандидатовъ, числившихся въ немъ, то Потоцкій очевидно обидѣлся и задержалъ представленіе совѣта обо всѣхъ тѣхъ, кои были избраны въ 1807 г., такъ что только нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видѣли, были утверждены и то же 3 года спустя. Изъ другихъ выборовъ отмѣтимъ выборы знаменитаго автора „Нестора“ Шлецера, который впрочемъ не былъ утвержденъ въ этомъ званіи министерствомъ, русскаго академика Палласа, извѣстнаго своими учеными путешествіями и изслѣдованіями (между прочимъ въ южной Россіи), профессора Мейнерса, оказавшаго крупныя услуги вообще русскимъ университетамъ, а въ частности и Харьковскому, бывшихъ харьковскихъ профессоровъ — Якоба и Гута, выдававшихся по своей ученой плодотворной дѣятельности, и, наконецъ, приснопамятнаго мецената графа Николая Петровича Румянцева, даващаго своею цѣлою эпохѣ въ русской исторіографіи. Получивъ извѣщеніе объ утвержденіи своемъ въ званіи почетнаго члена Харьковскаго университета, Румянцевъ благодарилъ Министра народнаго просвѣщенія и совѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Милостивый государь мой графъ Алексѣй Кирилловичъ! удостоюсь получить отъ совѣта Императорскаго Харьковскаго университета дипломъ на званіе почетнаго члена онаго и види изъ отношенія сего совѣта, что столь лестное для меня избраніе послѣдовало съ воли и утвержденія вашего сіятельства, я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ изъяснить вамъ, милостивый государь мой, усердѣй-

¹⁾ Списокъ этотъ напечатанъ въ ст. М. М. Плохинскаго „Почетные члены и члены корреспонденты Харьковскаго университета“ (Зап. Харьковскаго университета 1895, кн. 1-я).

Новосильцевъ, управлявшій въ отсутствіе Потоцкаго дѣлами Харьковскаго учебнаго округа, еще до открытія университета, своею властью, избралъ для него двухъ корреспондентовъ и мотивовалъ это слѣдующимъ образомъ: „сообразно съ идеями попечителя Харьковскаго округа, предусматривая ощутительную пользу отъ того, что университетъ сего имени, при самомъ открытіи своемъ, будетъ имѣть корреспондентовъ въ чужихъ краяхъ и внутри имперіи, я обратилъ вниманіе на людей, которые бы талантами, дѣятельностію и извѣстностію въ ученomъ свѣтѣ, могли безъ замедленія и непосредственно соединить сіе новое заведеніе съ общею областію наукъ. На первый случай избралъ я въ таковое званіе по части политической экономіи гражданина Женевскаго г. Етіенъ Дюмонъ (Dumont)—краснорѣчиваго изложителя законодательной Бентамовой системы, мужа уваженія достойнѣйшаго и по собственнымъ сочиненіямъ; а по части естественной исторіи доктора медицины г. Моисея Лабанда, отправившагося въ извѣстное россійское путешествіе вокругъ земли на кораблѣ Нева. Съ согласія ихъ, я доставилъ обоимъ подписанные мною предварительные виды на званіе корреспондентовъ и о семъ имѣю честь покорнѣйше донести вашему сіятельству“¹⁾ (31 іюля 1803 г.). Назначая членами корреспондентами этихъ лицъ, Новосильцевъ дѣйствовалъ въ интересахъ имѣвшаго открытѣя вскорости Харьковскаго университета и не нарушалъ этимъ ничьихъ интересовъ; можно только сказать, что выборы эти были нѣсколько преждевременны и едвали могли доставить полное удовлетвореніе тѣмъ лицамъ, коихъ они коснулись. Нѣсколько инымъ характеромъ отличалось вмѣшательство въ дѣло выборовъ попечителя Потоцкаго. Мы знаемъ уже, какъ энергично хлопоталъ онъ объ открытіи Харьковскаго университета, какія усилія употреблялъ для привлеченія въ него преподавателей и студентовъ; ему приходилось дѣйствовать для этого

¹⁾ Всѣ эти документы извлечены мною изъ дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія (1803 г. № 5443, картонъ 152). Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить глубокую признательность его сіятельству г. Министру народнаго просвѣщенія графу Н. Д. Делянову, г. директору департамента Н. М. Аничкову и директору архива Н. П. Барсукову за разрѣшеніе заниматься въ этой огромной сокровищницѣ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Работая здѣсь, я вспомнилъ, что приближается моментъ столѣтняго юбилея Министерства народнаго просвѣщенія (8 сентября 1902 г.) и высказалъ пожеланіе, чтобы къ этому времени былъ изданъ сборникъ матеріаловъ для характеристики просвѣтительной дѣятельности его за истекшее столѣтіе; мысль эта была встрѣчена сочувственно и можно только пожелать, чтобы къ исполненію ея приступили заблаговременно. Для себя я нашелъ здѣсь массу драгоценныхъ данныхъ и при томъ такихъ, какихъ не было и даже не могло быть въ архивѣ Харьковскаго университета. Раньше меня извлекалъ отсюда матеріалы для исторіи Харьковскаго университета академикъ Мих. Ив. Сухомлиновъ.

самолитно, по собственной инициативѣ; да и въ первое время по открытіи университета ему нерѣдко нужно было направлять дѣятельность его въ желательную сторону. При этомъ самъ Потоцкій смотрѣлъ на себя какъ на человѣка компетентнаго въ оцѣнкѣ ученой дѣятельности выдающихся представителей русской и западно-европейской науки; и онъ былъ въ значительной степени правъ: будучи чрезвычайно просвѣщеннымъ человѣкомъ, онъ находился кромѣ того въ сношеніяхъ со многими видными дѣятелями на этомъ поприщѣ. Этимъ, по всей вѣроятности, нужно объяснить и роль, которую онъ игралъ въ дѣлѣ избранія почетныхъ членовъ Харьковскаго университета. Онъ представилъ въ совѣтъ университета списокъ тѣхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ (преимущественно послѣднихъ), которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало избрать въ почетные члены ¹⁾. Конечно, этимъ онъ производилъ давленіе на совѣтъ — и этотъ послѣдній дѣйствительно руководствовался въ послѣдствіи спискомъ попечителя. Но такъ какъ при этомъ избирали и лицъ, не поименованныхъ въ попечительскомъ списокѣ, и обходили кандидатовъ, числившихся въ немъ, то Потоцкій очевидно обидѣлся и задержалъ представленіе совѣта обо всѣхъ тѣхъ, кои были избраны въ 1807 г., такъ что только нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видѣли, были утверждены и то уже 3 года спустя. Изъ другихъ выборовъ отмѣтимъ выборы знаменитаго автора „Нестора“ Шлецера, который впрочемъ не былъ утвержденъ въ этомъ званіи министерствомъ, русскаго академика Палласа, извѣстнаго своими учеными путешествіями и изслѣдованіями (между прочимъ въ южной Россіи), профессора Мейнерса, оказавшаго крупныя услуги вообще русскимъ университетамъ, а въ частности и Харьковскому, бывшихъ харьковскихъ профессоровъ — Якоба и Гута, выдававшихся по своей ученой плодотворной дѣятельности, и, наконецъ, приснопамятнаго мецената графа Николая Петровича Румянцева, дававшего свое имя цѣлой эпохѣ въ русской исторіографіи. Получивъ извѣщеніе объ утвержденіи своемъ въ званіи почетнаго члена Харьковскаго университета, Румянцевъ благодарилъ Министра народнаго просвѣщенія и совѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Милостивый государь мой графъ Алексѣй Кирилловичъ! удостоюсь получить отъ совѣта Императорскаго Харьковскаго университета дипломъ на званіе почетнаго члена онаго и вида изъ отношенія сего совѣта, что столь лестное для меня избраніе пошло со воли и утвержденія вашего сіятельства, я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ изъявить вамъ, милостивый государь мой, усердѣй-

¹⁾ Списокъ этотъ напечатанъ въ ст. М. М. Плохинскаго „Почетные члены и члены корреспонденты Харьковскаго университета“ (Зап. Харьковскаго университета 1895, кн. 1-я).

шую признательность мою за таковое ко мнѣ вниманіе, прося покорнѣйше ваше сіятельство о приказаніи приложенный у сего отвѣтъ ¹⁾ мой оному совѣту препроводить по принадлежности. съ истиннымъ удовольствіемъ пользуюсь симъ случаемъ для засвидѣтельствованія вамъ того совершеннаго почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга графъ Николай Румянцевъ“ (16 августа 1814 года).

При выборахъ въ почетные члены преслѣдовалась одна главная цѣль—установленіе нравственной связи между университетомъ и различными дѣятелями, такъ или иначе связанными съ интересами науки и просвѣщенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ имѣлись въ виду еще и чисто практическіе интересы—университетъ избиралъ такихъ лицъ, которые оказали или могли оказать ему въ будущемъ извѣстныя услуги; въ другихъ случаяхъ университетъ такимъ избраніемъ просто выражалъ свое вниманіе и уваженіе къ тому или иному дѣятелю и входилъ съ нимъ въ дружественныя отношенія. Уставъ предоставлялъ почетнымъ членамъ право участвовать въ такъ называемыхъ общихъ собраніяхъ совѣта, носившихъ ученый характеръ (тутъ должны были разсуждать о новыхъ сочиненіяхъ, открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ). Но этимъ правомъ могли пользоваться, конечно, почти исключительно только такіе почетные члены, которые жили въ своемъ университетскомъ городѣ; такихъ лицъ преимущественно и рекомендовалъ для выборовъ уставъ 1804 года. Но ихъ было слишкомъ мало, въ особенности въ провинціальныхъ городахъ,—и университеты, въ томъ числѣ и Харьковскій, *volens—nolens*, должны были избирать иногороднихъ и иностранныхъ ученыхъ. Среди почетныхъ членовъ Харьковского университета видное мѣсто занимаютъ или иностранцы, или ученые, проживавшіе въ Россіи, но съ нѣмецкими фамиліями. Это объясняется, во 1-хъ, тѣмъ, что выдающихся ученыхъ чисто русскаго происхожденія тогда было у насъ не много, во 2-хъ, преобладаніемъ въ составѣ совѣта Харьковского университета иностранцевъ, которые были питомцами западно-европейскихъ университетовъ и сохранили дружескія связи со своими прежними наставниками, и, въ 3-хъ, предпочтеніемъ, которое оказывалъ иностранцамъ и самъ попечитель С. О. Потоцкій. Естественно, что иностранные профессора Харьковского университета предлагали обыкновенно иностранцевъ, русскіе же—русскихъ. Исключеніе представляетъ Стойковичъ, который, вѣроятно, въ качествѣ полурусскаго, полуиностранца, энергично предлагалъ и тѣхъ и другихъ, рассчитывая, очевидно, создать себѣ такимъ путемъ цѣлую группу благодарныхъ ему

¹⁾ Его мы, къ сожалѣнію, не нашли въ университетскомъ архивѣ.

лицъ. Говоря о лицахъ, вносившихъ въ совѣтъ предложенія объ избраніи почетныхъ членовъ, слѣдуетъ отмѣтить одинъ отрадный случай полнаго національнаго безпристрастія: внесенное Стойковичемъ предложеніе о выборѣ Добровскаго было энергично поддержано нѣмцемъ Шадомъ, который заявилъ, что „еще во время своего пребыванія въ Германіи онъ зналъ о Добровскомъ, какъ о выдающемся литераторѣ“¹⁾. Но необходимо также отмѣтить и другой фактъ, гдѣ повидимому дѣйствовало національное предубѣжденіе иностранцевъ—я имѣю въ виду *забаллотированіе* доктора Трофимовскаго, который пользовался въ то время громкою славою, какъ практическій врачъ, и былъ предложенъ вслѣдствіе этого въ почетные члены университета профессоромъ Шумлянскимъ; онъ получилъ 5 избирательныхъ и 6 неизбирательныхъ голосовъ (избирались всѣ закрытой баллотировкой). В. Н. Каразинъ получилъ 7 избирательныхъ и 3 неизбирательныхъ шара²⁾. Наконецъ, въ заключеніе укажемъ на то характерное обстоятельство, что съ 1810 г. въ совѣтѣ Харьковскаго университета начинается сильная реакція противъ выборовъ иностранцевъ—съ этого года избираются почти исключительно русскіе ученые. Эта реакція представляетъ любопытное явленіе во внутренней исторіи Харьковскаго университета и на ней мы еще остановимся подробно впослѣдствіи. Теперь же замѣтимъ только, что тѣ члены корреспонденты, которые по уставу получали за свои труды жалованье (въ размѣрѣ 200 руб. въ годъ) были также весьма полезны, оказывая ему массу маленькихъ услугъ. Въ особенности это нужно сказать относительно русскаго консула въ Лейпцигѣ Шварца и протоіерея Смирнова. „Черезъ Шварца университетъ выписывалъ книги и инструменты для себя и гимназій, велъ сношенія съ учеными; такъ, напр., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1810 г. Шварцъ писалъ совѣту о желаніи нѣкоторыхъ заграничныхъ ученыхъ получить въ Харьковскомъ университетѣ каѳедры³⁾; письма эти часты. Всѣ порученія отъ университета Шварцъ исполнялъ съ отмѣннымъ усердіемъ и ревностью, почему университетъ счелъ нужнымъ хлопотать, чтобы ему было выдано жалованье со дня его избранія, т. е. съ 30 августа 1807 г.“⁴⁾. Протоіерей Смирновъ былъ

¹⁾ М. М. Плахинскаго. Почетные члены и члены-корреспонденты Харьковскаго университета (Записки Харьковскаго университета, 1895, № 1).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Рѣчь шла о Кёмерерѣ и докторѣ Захаріѣ: „consul Imperii Rossici читаемъ мы въ протоколѣ, Lipsiae residens certiore reddat universitatem de quibusdam eruditibus, qui quaerunt cathedras in universitate, inter quos est 1) Kämmerer, de quo jam mentio facta est a professore Thibaut; 2) Doctor Zachariae“. (Acta, 1810 г., стр. 66).

⁴⁾ М. М. Плахинскаго. Почетные члены и члены-корреспонденты Харьковскаго университета. (Записки Императорскаго университета, 1895 г. № 1).

также чрезвычайно полезнымъ сотрудникомъ для Харьковскаго университета: и онъ, подобно Шварцу, исполнялъ его порученія по части приобрѣтенія астрономическихъ инструментовъ и т. п. Объ исполненіи имъ разныхъ порученій для астрономической обсерваторіи Харьковскаго университета въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія подробно говорить, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, проф. Г. В. Левицкій ¹⁾.

Другія стороны въ дѣятельности совѣта не поддаются такому точному опредѣленію, какъ выборы и производства должностныхъ лицъ и профессоровъ. Онѣ касались самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, преимущественно (но далеко не исключительно) связанныхъ съ учебною частью; говоримъ „не исключительно“, потому что въ совѣтъ переходили изъ правленія и многіе вопросы хозяйственнаго характера. Перечислить этихъ дѣлъ невозможно (для этого понадобился бы цѣлый огромный томъ) и потому мы приведемъ только нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ и примѣровъ. Вотъ важнѣйшія дѣла, рассмотрѣнныя въ совѣтскихъ засѣданіяхъ 1805 г. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій рѣшено было ежегодно праздновать день открытія университета—17-е января, гдѣ бы профессора, слагающіе и принимающіе на себя ректорскую должность, произносили приличные случаю рѣчи; вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено было совершать ежегодно 5-го ноября благодарственное молебствіе о здравіи Государа и Его Августѣйшей Семьи въ память дарованія университету утвердительной грамоты. По предложенію ректора, признано полезнымъ сдѣлать двѣ медали—первую въ память открытія университета, вторую для раздачи студентамъ за отличное прилежаніе и хорошее поведеніе. Вслѣдствіе этого поручено было всѣмъ членамъ совѣта сообщить о нихъ свои проекты, которые и отправлены были къ попечителю округа. Попечитель далъ отзывъ, что главному правленію училищъ наиболѣе понравился проэктъ первой медали (на открытіе университета), принадлежащій ректору Рижскому: на передней сторонѣ ея было представлено солнце, восходящее надъ частию земной поверхности, занимаемой Харьковскимъ учебнымъ округомъ, съ надписью: *ut fiat lux*; на задней же сторонѣ, гдѣ говорилось о возникновеніи университета, попечитель совѣтовалъ упомянуть о министрѣ народнаго просвѣщенія.

Совѣтъ въ засѣданіи своемъ 17 августа 1805 г., выслушавъ это заявленіе, рѣшилъ, чтобы на медали была изображена фигура Минервы, у ногъ ея земной шаръ и надпись: *et bello, et pace invicta*; а на про-

¹⁾ См. его статью „Астрономы и астрономическія обсерваторіи Харьковскаго университета отъ 1808 по 1842 годъ“. (Записки Императорскаго Харьковскаго университета, 1893, № 3).

тивоположной сторонѣ другой надпись: *Alexandri primi jussu scientiarum universitas condita Charkoviae, ministro comite Petro Zavodovsky, cura comitis Severini Potocky MDCCCV.*

Нечего, конечно, и прибавлять, что эта надпись представляла дѣло основанія Харьковскаго университета далеко не въ надлежащемъ видѣ: она совершенно предавала забвенію огромныя заслуги истиннаго виновника основанія университета въ Харьковѣ В. Н. Каразина, а между тѣмъ выдвигала на первый планъ имена Завадовскаго и Потоцкаго. Но мы знаемъ, что графъ Завадовскій не сочувствовалъ мысли объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, а графъ Потоцкій дѣйствительно много сдѣлалъ для Харьковскаго университета, но не на столько, чтобы къ нему можно было примѣнить выраженіе—*„cura comitis Sev. Potocky“*.

Чтеніе Высочайшей утвердительной грамоты и устава вызвало въ совѣтъ (еще 9-го января 1805 года) огромную радость и признательность къ монарху и поручено было секретарю совѣта перевести уставъ на латинскій языкъ. Въ засѣданіи 10 февраля 1805 года рѣшено было приступить къ составленію исторіи университета. По уставу этотъ трудъ бязанъ былъ принять на себя секретарь совѣта; но такъ какъ онъ былъ иностранецъ и не зналъ того, что сдѣлано было съ самаго начала о открытіи университета, то это дѣло поручено было профессору Тимковскому, который принялъ на себя эту работу; книга должна была быть издана на русскомъ и латинскомъ языкѣ. Нельзя не сознаться, что выборъ Тимковскаго былъ, какъ нельзя болѣе удаченъ—онъ могъ такъ, какъ никто другой, выполнить это порученіе, потому что все время стоялъ въ курсѣ дѣла и самъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей. И онъ повидимому принялся за эту работу: по крайней мѣрѣ намъ въ руки попалось его письмо (отъ апрѣля мѣсяца 1805 года) къ губернскому предводителю дворянства, въ которомъ онъ ¹⁾ проситъ его присылкѣ матеріаловъ для этого труда; Тимковскому же было поручено описаніе церемоніи открытія университета.

По предложенію Потоцкаго, совѣтъ рѣшилъ, для установленія сношеній со своими почетными членами, отправлять имъ печатныя росписанія университетскихъ лекцій. Рѣшено было обратить особенное вниманіе иностранныхъ профессоровъ, чтобы они въ своихъ чтеніяхъ не касались православной религіи и государственнаго строя Россіи, что они могли сдѣлать не со злымъ умысломъ, а по своему невѣдѣнію. Не-

¹⁾ Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета въ архивѣ Харьковскаго Губернскаго собранія, стр. 876—877.

рѣдко занимались обсужденіемъ вопросовъ, относящихся къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ университета. Такъ, напримѣръ, въ одномъ засѣданіи (4 апрѣля) рѣшался вопросъ о приобрѣтеніи минералогической коллекціи нѣкогого Медера, проживавшаго въ Петербургѣ; коллекція эта оцѣнена была въ 5000 р. Рижскій заявилъ, что эта коллекція ему до нѣкоторой степени извѣстна. Рѣшено было просить владѣльца прислать въ Харьковъ ея каталогъ, и поручить академику Озерецковскому осмотрѣть ее на мѣстѣ и дать о ней свое заключеніе. Тогда же подвергнуть былъ обсужденію вопросъ объ извѣстной Аделунговой коллекціи эстамповъ, приобрѣтенной для университета В. Н. Каразинымъ за 5000 р. Прочитаны были всѣ данныя, касающіяся этого дѣла, и письмо попечителя къ совѣту, гдѣ онъ просилъ разрѣшить два вопроса—1) полезны ли эти эстампы для университета и 2) стоятъ ли они 5000 р., въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія деньги за нихъ должны были быть немедленно отправлены Каразину. Всѣ члены совѣта, за исключеніемъ ректора Рижскаго и профессора Тимковского, отвѣтили положительно на оба вопроса, заявивъ, что коллекція совершенно полезна, оцѣнка же ея сдѣлана въ Петербургѣ вполнѣ авторитетными людьми; въ виду этого они предлагали отправить 5000 р. за нее немедленно къ Каразину, такъ какъ онъ уплатилъ эту сумму изъ собственныхъ средствъ. Рижскій высказалъ болѣе уклончивое мнѣніе. Онъ не отрицалъ, но и не утверждалъ, чтобы коллекція была столь необходима, что ее нужно было приобрѣсти теперь же, когда университетъ нуждается еще въ болѣе насущныхъ вещахъ; въ вопросѣ же о цѣнности ея онъ призналъ себя не компетентнымъ. Но и онъ считалъ рѣшительно необходимымъ уплату денегъ Каразину, который сдѣлалъ столько добра университету, начиная отъ его колыбели, будучи побуждаемъ къ этому исключительно расположеніемъ къ нему, но въ виду особаго характера этихъ расходовъ, по его мнѣнію, было необходимо предварительно испросить разрѣшенія попечителя. Въ концѣ концовъ опредѣлили поручить правленію свести счеты съ Каразинымъ и отправить ему ту сумму, которая останется на его долю послѣ этихъ расчетовъ. Это же дѣло разсматривалось и еще въ одномъ засѣданіи совѣта, причемъ шла рѣчь исключительно о деньгахъ, которые взялъ В. Н. Каразинъ изъ городской кассы (2 тыс. р.) въ счетъ пожертвованія купца Аникѣева (2 тыс. р.) и, наконецъ, въ счетъ жалованья адъюнкта Каретникова (416 р.); попечитель предлагалъ всѣ эти суммы вычесть изъ 5000 р., слѣдуемыхъ Каразину. Въ одномъ изъ совѣтскихъ засѣданій проф. Делявинъ прочиталъ 2 письма акад. Палласа, въ которыхъ онъ, во 1-хъ, предлагалъ Харьковскому университету купить его бібліотеку, а, во 2-хъ, указывалъ

мѣста и лицъ, откуда можно было приобретать сѣмена растений для ботаническаго сада.

Предметомъ особенныхъ заботъ совѣта было приглашеніе новыхъ профессоровъ. Тутъ предлагались кандидаты, дѣлались постановленія о заведеніи съ ними письменныхъ сношеній, читались отвѣтныя письма ихъ и т. п. Въ засѣданіи совѣта 19 апрѣля, напримѣръ, Шадъ предложилъ на кафедрѣ всеобщей исторіи профессора Іенскаго университета Гейнриха, сельскаго хозяйства—профессора того же университета Георгія; Стойковичъ—на кафедрѣ политической экономіи профессора Геттингенскаго университета Сарторія; Тимковский—на кафедрѣ сельскаго хозяйства ученаго француза Пармантье (къ этой рекомендаціи присоединился и Балленъ-де-Баллю); на кафедрѣ русской исторіи, географіи и статистики—извѣстнаго писателя и Императорскаго историографа Карамзина; на кафедрѣ технологий и торговли ректоръ рекомендовалъ пригласить какого нибудь англичанина. Совѣтъ поручилъ тѣмъ профессорамъ, которые предлагали своихъ кандидатовъ, составить къ нимъ письма и доложить ихъ въ слѣдующемъ засѣданіи. Въ засѣданіи 16 іюня между прочимъ прочитанъ былъ отказъ Н. М. Карамзина занять кафедру русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ; отказъ мотивированъ новыми обязанностями историографа, которыя заставляютъ его, Карамзина, жить въ Москвѣ, гдѣ находятся архивы ¹⁾. Въ засѣданіи 27 авг. прочитаны были отвѣтныя письма проф. Гейнриха и Георгія; первый отказался переѣхать въ Харьковъ, а второй, какъ мы знаемъ уже, предложилъ слишкомъ тяжелыя условія—и совѣтъ отвергъ ихъ, тѣмъ болѣе что кандидатъ, какъ оказалось, не зналъ никакого другого языка кромѣ нѣмецкаго, между тѣмъ совѣтъ считалъ необходимымъ, чтобы кандидаты въ профессора знали латинскій языкъ, на которомъ

¹⁾ Вотъ что отвѣчалъ Н. М. Карамзинъ проф. Стойковичу (письмо его сохранилось въ оригиналѣ): „Monsieur! J'ai eu l'honneur de recevoir votre obligeante lettre, et je me hâte de vous temoigner, ainsi qu'à vos respectables collegues, ma très sincère reconnaissance pour la proposition, qu'ils ont bien voulu me faire et que j'aurais acceptée avec beaucoup d'empressement, si ma charge d'historiographe ne m'attachait pas à Moscou, où se trouvent les archives de l'Empire; mais occupé à remplir mon devoir actuel, qui me laisse bien peu de momens libres, je ne puis que faire de vœux pour la prospérité de votre Akademie, sans pouvoir participer à vos travaux glorieux.

Je n'oublierai jamais, monsieur, cette marque flatteuse de votre estime: elle sera gravée dans ma memoire et dans mon coeur.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute consideration, monsieur, votre très humble, et très obeissant serviteur N. Karamsin.

J'ai pris la liberté de vous répondre en français, parceque je l'écris plus facilement que le latin. (Харьк. унив. архивъ. Дѣла сов. 1805 г., № 24, стр. 82).

обсуждались дѣла и отчасти велось преподаваніе; Черничь не былъ принятъ въ адъюнкты физики между прочимъ потому, что не зналъ полатыни. Въ связи съ выборами преподавателей въ совѣтъ вообще разсматривались вопросы, касающіеся преподаванія разныхъ наукъ; напримѣръ, 25 октября разсматривалась записка попечителя о преподаваніи военныхъ наукъ; доводились до свѣдѣнія его и извѣстія относительно практическихъ занятій преподавателей; такъ, напри-
мѣръ, 30 іюня было сообщено о томъ, что адъюнктъ Каретниковъ устроилъ со студентами нѣсколько ботаническихъ экскурсій, гдѣ объяснял хозяйственное и медицинское значеніе растений. Совѣтъ заботился и объ изслѣдованіи края въ научно-практическомъ отношеніи и охотно приходилъ въ этомъ случаѣ на помощь администраціи. Харьковскимъ губернаторомъ былъ тогда чрезвычайно просвѣщенный и преданный своему дѣлу администраторъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ. Онъ то и обратился съ просьбою въ совѣтъ о командированіи специалистовъ по химіи и минералогіи для розысканія въ предѣлахъ Харьковской губерніи каменнаго угля и торфа, на что уже испрошено было черезъ министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніе у Государи Императора. Совѣтъ принимая во вниманіе, что университетъ долженъ по мѣрѣ силъ своихъ заботиться объ общемъ благѣ, опредѣлилъ для этого адъюнктовъ Гизе и Крюгера ¹⁾. Въ засѣданіи 4 августа совѣтъ разсуждалъ по поводу другого запроса губернатора П. И. Бахтина—какія мѣры нужно было предпринять для уничтоженія саранчи. Сдѣланы были слѣдующія постановленія: 1) библіотекаръ Белленъ-де-Баллю, адъюнкты Крюгеръ и Шмерфельдъ должны были поискать въ университетской библіотекѣ книгъ, которыя бы заключали въ себѣ способы истребленія этого насѣкомаго; 2) профессоръ Тимковскій взялся разузнать, какія средства употребляютъ съ этою цѣлью жители Малороссіи; 3) когда же все это будетъ доведено до свѣдѣнія совѣта, то этотъ послѣдній предложить отъ имени университета публичную задачу: „каковы суть наиболѣе дѣйствительныя легчайшія дешевыя средства для истребленія саранчи“; 4) губернатору рѣшено было дать отвѣтъ, что университетъ всячески будетъ стараться удовлетворить его просьбу, которая клонится къ общественному благу. Относясь такъ чутко ко всему, что такъ или иначе связано было съ общественнымъ благомъ, совѣтъ, естественно, не могъ оставаться равнодушнымъ и къ пожертвованіямъ отдѣльных лицъ на пользу университета или вообще учебныхъ заве-

¹⁾ Вотъ подлинное постановленіе совѣта: „cum universitatis sit pro viribus allaborare, ut bonum publicum promoveat, destinati sunt ad iter hoc per totum gubernium suscipiendum adjuncti Giese et Krüger“. (Харьковскій университетскій архивъ. Акта 1805 г., стр. 34—35).

деній въ его округѣ. Попечитель довелъ до свѣдѣнія совѣта о крупномъ пожертвованіи графа Безбородка на учрежденіе въ Нѣжинѣ гимназіи. Совѣтъ, въ изъявленіе своей признательности, избралъ гр. Безбородка своимъ почетнымъ членомъ, а для увѣковѣченія памяти его покойнаго брата рѣшилъ повѣсить его портретъ въ залѣ совѣтскихъ засѣданій ¹⁾. Не игнорировалъ совѣтъ и мелкихъ пожертвованій: 29 сентября ректоръ заявилъ, что одинъ дворянинъ жертвуетъ университету рукописную малороссійскую лѣтопись (*Annales parvae Rossiae*), если она будетъ признана заслуживающею вниманія.

Вопросъ объ увеличеніи числа студентовъ постоянно озабочивалъ совѣтъ. Такъ, на примѣръ, 17 августа прочитано было письмо попечителя, въ которомъ онъ рекомендуетъ совѣту приложить всѣ заботы къ тому, чтобы привлечь юношество въ университетъ. Рѣшено было отвѣтить ему такъ: университетъ употребляетъ всѣ старанія для достиженія этой цѣли, но, къ сожалѣнію, въ школахъ молодые люди, какъ извѣстно, не получаютъ достаточной подготовки и большая часть ихъ не знаетъ иностранныхъ языковъ; впрочемъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что они стремятся въ университетъ, и весьма вѣроятно, что впослѣдствіи будутъ поступать въ не маломъ числѣ для продолженія своего образованія; сверхъ того число студентовъ возрастетъ еще отъ поступленія въ университетъ выѣзжихъ слушателей приготовительнаго университетскаго класса; наконецъ, и управление войска донскаго обѣщало принять на свое содержаніе нѣсколькихъ уроженцевъ Донской области. Этотъ же вопросъ обсуждался и въ совѣтскомъ засѣданіи 13 сентября, опять таки по почину попечителя Потоцкаго: здѣсь снова недостатокъ студентовъ объяснялся малою подготовкою молодыхъ людей въ школахъ; что же касается новыхъ гимназій, учрежденныхъ въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Черниговѣ и Черкасскѣ (Ново), то въ нихъ пока были открыты только первые классы. Извѣстно, что недостатокъ въ подготовленныхъ слушателяхъ побудилъ попечителя и университетъ ходатайствовать передъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія и Святѣйшимъ синодомъ о дозволеніи поступить въ студенты воспитанникамъ семинарій и коллегіумовъ. Объ этомъ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи (въ главѣ

¹⁾ Вотъ подлинное рѣшеніе совѣта: „ut publicum extaret testimonium, quo animo universitas hanc pro bono educationis in circulo ipsi concedito factam oblationem excipiat, senatus academicus decrevit, comitem Bezborodko rogare, ut membrum hujus universitatis honorarium fieri atque hac ratione universitatem sua consortione honestare vellet, fratris vero ejus defuncti imaginem pictam habere in cubiculo (Sala), in quo senatus Academicus convenire aliaeque publicae caeremoniae celebrari solent“.
(Acta, 1805, стр. 97—98).

о студентах); теперь же только замѣтимъ, что тогдашній Харьковскій преосвященный—Христофоръ Сулима—относился съ большою симпатіей къ университету и между прочимъ выразилъ свое довѣріе къ новому высшему свѣтскому учебному заведенію въ краѣ очень нагляднымъ образомъ: просилъ совѣтъ о разрѣшеніи воспитанникамъ Харьковского коллегіума слушать въ университетѣ лекціи по ботаникѣ и физикѣ; Св. синодъ, на утвержденіе котораго онъ представилъ эту мѣру, также одобрилъ ее. Совѣтъ, конечно, съ полной симпатіей отнесся къ этому ходатайству и далъ требуемое разрѣшеніе. Нѣсколько времени спустя обѣ стороны пошли еще дальше: тотъ же епископъ Христофоръ разрѣшилъ ученикамъ коллегіума слушать лекціи по медицинѣ у профессора Ванотти, для чего рѣшили назначить опредѣленные дни и часы. Для университета это разрѣшеніе было важно въ практическомъ отношеніи, потому что медицинскій факультетъ до тѣхъ поръ не могъ открыться, по отсутствію слушателей. Съ другой стороны имѣло огромное нравственное значеніе то обстоятельство, что церковь, въ лицѣ своего представителя—епископа, не только не чуждалась, не только не встрѣчала недружелюбно или подозрительно высшую свѣтскую школу, а явно покровительствовала и даже довѣряла ей своихъ собственныхъ питомцевъ—ясное свидѣтельство того, что она не считала разума и науки врагами вѣры. Какой отрадный фактъ, въ особенности если вспомнить, что онъ имѣлъ мѣсто въ нашемъ городѣ въ самомъ началѣ XIX вѣка!

Приходилось иногда совѣту разрѣшать и такіе вопросы, на которые не было прямого отвѣта въ уставѣ, но которые ставились, такъ сказать, самою жизнью. Въ засѣданіи 4-го ноября, напримѣръ, совѣтъ обсуждалъ дѣло, которое передано было изъ правленія, и по которому мнѣнія тамъ раздѣлились. Рѣчь шла объ одномъ юношѣ венгерской націи—Павлѣ Демскомъ, который хотѣлъ вступить въ число студентовъ Харьковского университета. Русскіе профессора—Рижскій, Осиповскій, Тимковскій находили возможнымъ принять его только по экзамену, иностранные же высказывали, что не только его, но и вообще всѣхъ иностранцевъ, прослушавшихъ курсъ гимназій, можно принимать безъ всякаго повѣрочнаго испытанія; рѣшено было это дѣло передать на заключеніе и разрѣшеніе попечителю, такъ какъ оно не предусматрѣно университетскимъ уставомъ.

Изъ послѣднихъ приведенныхъ мною фактовъ видно, что совѣту приходилось рѣшать и дѣла, касающіеся средняго образованія. Мы знаемъ уже, что по уставу всѣ учебныя заведенія въ округѣ находились въ вѣдѣніи университета, и при томъ не только въ учебномъ, но и въ хозяйственно-административномъ отношеніи. Ближайшимъ образомъ

всѣмъ этимъ вѣдалъ училищный комитетъ; но многое рѣшалось и въ совѣтѣ; этотъ послѣдній выбиралъ членовъ училищнаго комитета, посылалъ визитаторовъ, выслушивалъ отчеты ихъ, назначалъ и увольнялъ директоровъ и учителей, заботился объ открытіи новыхъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній и т. п. Однимъ словомъ, это была чрезвычайно сложная и отвѣтственная обязанность совѣта. Въ каждомъ почти засѣданіи докладывались дѣла объ открытіи гимназій и училищъ, о постройкѣ для нихъ зданій и т. п. Такъ, напримѣръ, 17-го августа рѣшался вопросъ объ освященіи гимназій въ Харьковѣ; 20 сентября—объ освобожденіи профессора Тимковского на нѣкоторое время отъ чтенія лекцій въ виду составленія отчета объ осмотрѣнныхъ имъ школахъ и т. д.

Вообще, прочитывая протоколы за первый годъ существованія университета, невольно выносишь отрадное впечатлѣніе о дѣятельности членовъ совѣта. Можно сказать, что тогда всѣ важнѣйшія дѣла (даже отчасти и хозяйственныя) ¹⁾ сосредоточивались въ совѣтѣ, который in concreto много трудился, не только для блага университета, но и всѣхъ учебныхъ заведеній въ огромномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Засѣданія совѣта были очень частыя: въ 1805 г. ихъ было, напримѣръ, 42. Но члены совѣта не тяготились ими, потому что приходилось всякій разъ разсматривать не какія нибудь формальныя, сухія, а живыя, важныя и интересныя дѣла. Такое отношеніе профессоровъ къ своимъ обязанностямъ не могло остаться незамѣченнымъ и начальствомъ: его отмѣтилъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, лично посѣтившій университетъ и вынесшій изъ этого посѣщенія самыя лучшія впечатленія—онъ все нашелъ въ полномъ порядкѣ и остался доволенъ этимъ новымъ учрежденіемъ. Въ Харьковѣ прибылъ министръ 4-го августа. Тотчасъ по прибытіи его, къ нему явилась вся университетская корпорация съ ректоромъ во главѣ, который подалъ рапортъ о состояніи университета. На другой день графъ Завадовскій посѣтилъ университетъ; осмотрѣлъ библіотеку, физическій кабинетъ, химическую лабораторію, типографію, всѣ аудиторіи, жилище казеннокоштныхъ студентовъ и ботаническій садъ на университетскомъ дворѣ и пробылъ въ совѣтѣ

¹⁾ Все засѣданіе 15 ноября было посвящено, напримѣръ, одному хозяйственному вопросу—разсмотрѣнію условій Харьковскаго купца Бѣльева по части обжиганія кирпича. А рядомъ съ этимъ 18 марта разрѣшался чисто административный, дисциплинарный вопросъ касательно контроля надъ чтеніемъ лекцій профессорами и посѣщеніемъ ихъ студентами. Рѣшено было назначить для наблюденія за этимъ образованнаго смотрителя, подъ именемъ педела, знающаго иностранные языки, съ жалованіемъ отъ 300 до 350 руб., на какую должность опредѣленъ былъ отставной поручикъ Кенигс-Дзевальтовскій съ жалованіемъ въ 300 руб. Составляемыя неделемъ записи ежемѣсячно прочитывались въ совѣтѣ и затѣмъ отсылались къ попечителю.

болѣе часа, при чемъ разсуждали о суммахъ, поступающихъ въ университетъ отъ дворянства и городовъ, о приготовленіи къ постройкѣ новыхъ университетскихъ зданій и объ устройствѣ новыхъ училищъ въ округѣ университета. Затѣмъ его сіятельство прослѣдовало въ Харьковское главное народное училище, гдѣ посѣтилъ классы и помѣщеніе тамошнихъ казеннокоштныхъ питомцевъ, и, наконецъ, осмотрѣлъ новую университетскую землю (по Сумскому шоссе), предназначенную для постройки зданій. Тутъ онъ обратилъ вниманіе на питомникъ, гдѣ были посажены растенія, частію привезенныя изъ Крыма, а частію пожертвованныя попечителемъ Потоцкимъ.

Такимъ же характеромъ отличалась дѣятельность совѣта и въ послѣдующіе годы (за исключеніемъ послѣднихъ). Не имѣя возможности останавливаться на ней подробно, приведемъ только нѣкоторые болѣе важные факты.

Въ 1806 г. было 40 засѣданій совѣта, въ которыхъ разсматривались вопросы, касающіеся учебной дѣятельности въ университетѣ и училищахъ Харьковского округа, предложенія попечителя, ректора и прочихъ членовъ, представленія правленія и училищнаго комитета и, наконецъ, ученые сочиненія профессоровъ и адъюнктовъ. Рѣшено было между прочимъ кромѣ торжественнаго собранія 17 января (день основанія университета) имѣть другое собраніе 30 августа, такъ какъ уставъ предписывалъ ежегодно устраивать такое собраніе послѣ студенческихъ экзаменовъ; въ виду этого къ 30 августа 1807 г. поручено было этикополитическому отдѣленію приготовить конкурсную задачу. Въстѣ съ тѣмъ долженъ былъ остаться въ силѣ и праздникъ 17 января, но отличаться исключительно ученымъ характеромъ (здѣсь должны были произноситься рѣчи, читаться диссертациі, объясняться новыя открытія и т. п.). 52-я статья университетскаго устава требовала, чтобы ежемѣсячно происходили особыя засѣданія совѣта, на которыхъ профессора и почетные члены разсуждали бы о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ и изслѣдованіяхъ. Совѣтъ университета, въ виду незначительнаго количества своихъ членовъ, обремененныхъ множествомъ другихъ занятій по должности, опредѣлилъ до выбора почетныхъ членовъ разсуждать объ ученыхъ предметахъ не въ особыхъ засѣданіяхъ, а въ обыкновенныхъ. Это было, конечно, отступленіе отъ правилъ; но въ оправданіе совѣта, кромѣ того серьезнаго мотива, который онъ привелъ самъ, можно указать еще и на то, что чтеніе ученыхъ трудовъ и безъ того имѣло уже мѣсто въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, и, такимъ образомъ, требованіе устава въ сущности выполнялось (на этой сторонѣ дѣятельности совѣта мы остановимся еще впослѣдствіи). Желая снабдить гимназическія и

училищныя бібліотеки лучшими и полезнѣйшими книгами, совѣтъ поручилъ отдѣленіямъ (факультетамъ) составить списокъ ихъ, что и было выполнено. По представленію училищнаго комитета, положено, чтобы въ тѣхъ городахъ слободско-украинской (харьковской) губерніи, въ которыхъ небыло еще никакихъ учебныхъ заведеній, прежде всего открыты приготовительныя отдѣленія уѣздныхъ училищъ, гдѣ бы преподавались предметы въ объемѣ приходскихъ школъ, съ тѣмъ чтобы по истеченіи года можно было открыть и первые классы уѣздныхъ училищъ; на содержаніе ихъ рѣшили отпускать по 250—300 руб. въ годъ (отъ 100 до 150 на наемъ помѣщенія и по 150 р. на жалованіе учителю). Замѣтивъ, что нѣкоторые учителя гимназій занимаются переводомъ на русскій языкъ иностранныхъ пособій, но дѣлаютъ иногда неудачный выборъ этихъ послѣднихъ, совѣтъ поручилъ факультетамъ составить списки лучшихъ сочиненій и руководствъ по каждому предмету гимназическаго преподаванія и поручить директорамъ училищъ разослать ихъ для переводовъ учителямъ. Въ одномъ изъ засѣданій своихъ совѣтъ выработалъ и утвердилъ правила касательно университетской бібліотеки (о нихъ мы скажемъ въ главѣ объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ). По предложенію ректора, совѣтъ положилъ издать на свой счетъ для гимназій и училищъ 1-ю часть хрестоматіи *Гедике*, которая и отпечатана была въ университетской типографіи въ количествѣ 1200 экземпляровъ и разослана директорамъ училищъ.

Попечитель предложилъ ректору, чтобы въ какомъ нибудь видномъ мѣстѣ университетскихъ домовъ выставлена была доска, на которой были бы написаны имена университетскихъ благотворителей. Совѣтъ рѣшилъ поставить на дворѣ будущихъ университетскихъ строеній (по Сумскому шоссе 1) монументъ изъ прочнаго камня въ видѣ пирамиды съ именами жертвователей ¹⁾. Выработанъ былъ цѣлый рядъ правилъ относительно формы экзаменовъ студентовъ и слушателей приготовительнаго класса. По примѣру прошлаго года совѣтъ назначалъ своихъ членовъ (по специальностямъ ихъ) для химическихъ изслѣдованій въ предѣлахъ Харьковской губерніи (о нихъ мы будемъ говорить въ главѣ о научнопреподавательской дѣятельности профессоровъ).

Въ теченіе 1807 года совѣтъ имѣлъ 48 засѣданій. Въ чрезвычайномъ общемъ собраніи 7-го января совѣтъ занимался чтеніемъ своего университетскаго устава, во исполненіе послѣдней статьи его, и сдѣлалъ слѣдующія постановленія: 1) завести на основаніи 7-го параграфа меди-

¹⁾ Но такъ какъ зданія здѣсь не были воздвигнуты и университетъ остался во временномъ своемъ помѣщеніи, то и пирамида не была выстроена и фамиліи благотворителей, къ сожалѣнію, не были уѣдовѣнены.

цинскій клиническій институтъ, для чего купить домъ; но попечитель, которому было сдѣлано представленіе объ этомъ, предложилъ университету вмѣсто этого взять на себя содержаніе въѣкторого количества больныхъ въ городской лѣчебницѣ, подъ наблюденіемъ профессора клиники; совѣтъ поручилъ медицинскому факультету осуществить этотъ планъ, но вслѣдствіе встрѣтившихся затрудненій онъ въ теченіе 1807 г. не былъ приведенъ въ исполненіе; 2) въ виду того что въѣкторыя предложенія въ совѣтъ были написаны по нѣмецки, рѣшено было входящія бумаги писать по латыни, чтобы всѣ могли понимать ихъ; 3) профессоръ Осиповскій заявилъ, что, согласно 22-му § устава, необходимъ преподаватель прикладной математики, какового общалъ рекомендовать попечитель, но до сихъ поръ не сдѣлалъ этого; тутъ же было указано на необходимость пріискать преподавателей восточныхъ языковъ (еврейскаго, арабскаго, турецкаго, персидскаго) и военного искусства; снова обратились къ попечителю, который прислалъ списокъ кандидатовъ на должность ординарнаго профессора математики, составленный академикомъ Фусомъ; изъ среды ихъ избранъ былъ профессоръ Франкфуртскаго университета Гуть; 4) согласно съ 79-мъ § устава совѣтъ поручилъ проф. де-Баллю, Шаду, Делявиню и Коритари рассмотреть книги университетской библіотеки и отмѣтить среди нихъ соблазнительныя или вредныя, съ тѣмъ чтобы таковыми могли пользоваться только профессора и адъюнкты; 5) на основаніи 160 и 170 §§ устава рѣшено подтвердить, чтобы никто не занимался обученіемъ въ частныхъ домахъ безъ разрѣшительнаго свидѣтельства какого либо университета. Въ засѣданіи 8-го февраля поручено было Шумлянскому, Шнауверту и Коритари освидѣтельствовать кассу слободскоукраинской гимназіи и уѣзднаго училища, которая найдена была въ полномъ порядкѣ. 8-го мая этикополитическій факультетъ представилъ совѣту опредѣленіе касательно составленія своей исторіи; для этого предполагалось сохранять между дѣлами по одному экземпляру сочиненій его членовъ, изданныхъ на счетъ университета или самими авторами, и вносилось ходатайство о разрѣшеніи секретарю выписывать изъ протоколовъ совѣта все, что относится къ дѣятельности факультета; совѣтъ одобрилъ это опредѣленіе и выразилъ желаніе, чтобы и другіе факультеты сдѣлали тоже, но только чтобы секретари ихъ не брали протоколовъ къ себѣ на домъ, а дѣлали извлеченія въ помѣщеніи университета. 2-го августа совѣтъ, основываясь на донесеніи визитатора Тимковскаго, залывившаго, что ученики гимназіи и училищъ не посѣщаютъ церкви въ воскресные и праздничные дни, постановилъ напомнить директорамъ объ исполненіи этого правила, требуемаго уставомъ учебныхъ заведеній.

16 августа совѣтъ, по представленію училищнаго комитета, далъ свое согласіе, чтобы нѣкоторая часть хозяйственной училищной суммы была употреблена на выдачу наградъ книгами наиболѣе успѣвшимъ ученикамъ. 11 октября совѣтъ постановилъ, по предложенію того же училищнаго комитета, чтобы гимназіи и уѣздныя училища изъ своихъ сверхштатныхъ суммъ (гдѣ таковыя имѣются) употребляли отъ 20 до 40 руб. для покупки бѣднымъ ученикамъ книгъ, бумаги и т. п. и для выдачи наградъ преуспѣвшимъ.

Въ 1808 году совѣтъ имѣлъ 42 засѣданія, на которыхъ занимался избраніемъ способныхъ преподавателей для училищъ, изыскивалъ лучшіе способы преподаванія, указывалъ лучшія пособія, приводилъ въ исполненіе предложенія попечителя, разрѣшалъ представленія правленія, училищнаго комитета, факультетовъ, разсматривалъ сочиненія и т. п. Изъ отдѣльных постановленій совѣта за этотъ годъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія. 27 марта рѣшено было увеличить суммы, ассигнуемыя гимназіями на свои библіотеки, такъ какъ на существующую ассигновку (250 р. въ годъ) невозможно было пріобрѣсти пособій по тѣмъ многочисленнымъ предметамъ, которые читались въ гимназіяхъ; особенный недостатокъ чувствовался въ иностранныхъ сочиненіяхъ; поэтому поручили факультетамъ составить два каталога такихъ книгъ (полный и сокращенный)—одинъ для гимназій, обладающихъ сверхштатными суммами (Харьковской, Новочеркасской, Курской и Екатеринославской), другой—для менѣе обезпеченныхъ (Черниговской, Орловской и Новгородъ-Сѣверской); а затѣмъ сдѣланъ былъ большой заказъ иностранныхъ изданій по тому и другому списку въ Лейпцигѣ, что значительно удешевило пересылку; все это дѣло было поручено правленіемъ русскому консулу Шварцу, бывшему, какъ мы знаемъ, членомъ-корреспондентомъ университета. 27 іюня, основываясь на представленіи ректора, который заявилъ, что профессора, отправленные въ качествѣ визитаторовъ для осмотра училищъ, часто по долгу не извѣщаютъ ни о мѣстѣ своего пребыванія, ни о дѣятельности своей, совѣтъ постановилъ, чтобы визитаторы по крайней мѣрѣ черезъ каждыя три недѣли сообщали о томъ, что ими сдѣлано, и гдѣ они находятся. 8 іюля, по предложенію инспектора казеннокоштныхъ студентовъ, пр. Якоба, во исполненіе 118 § устава, рѣшено было назначить для лучшаго наблюденія за студентами двухъ надзирателей, которые и были избраны изъ двухъ казеннокоштныхъ кандидатовъ университета. 17 августа, обсудивъ просьбу преподавателей „пріятныхъ искусствъ“ о возвышеніи платы за обученіе этимъ предметамъ своекоштныхъ студентовъ, совѣтъ постановилъ—взимать вмѣсто 10 по 20 р. съ человѣка, но съ тѣмъ, чтобы недостаточные

могли платить меньше или даже вовсе освобождались от взноса. 26 сентября ректоръ довелъ до свѣдѣнія совѣта, что нѣкоторые изъ поступающихъ въ университетъ студентовъ не обладаютъ достаточной подготовкой по математикѣ, чтобы слушать лекціи по этой наукѣ проф. Осиповскаго и адъюнкта Васильева; въ виду этого было рѣшено открыть для нихъ особый классъ и назначить преподавателемъ туда казенно-коштнаго кандидата Архангельскаго. 31 октября постановлено было, чтобы лица, желавшія занять учительскую должность, но не имѣвшія еще педагогической практики, предварительно въ теченіе 3-хъ 4-хъ недѣль посѣщали гимназію или уѣздное училище для усвоенія способовъ преподаванія и затѣмъ давали по нѣскольку пробныхъ уроковъ въ присутствіи одного или двухъ профессоровъ. Наконецъ, совѣтъ выработалъ рядъ правилъ для производства различныхъ экзаменовъ и по прежнему поручалъ своимъ сочленамъ производство мѣстныхъ изысканій.

Всѣхъ засѣданій въ 1809 году было 42. На одномъ изъ нихъ опять прочитанъ былъ университетскій уставъ, съ цѣлью выяснить, какія изъ его требованій не выполнялись; чтеніе его вызвало слѣдующія разсужденія и постановленія. 9-й § требовалъ устройства ученаго общества, какого при Харьковскомъ университетѣ не было; и теперь сочли невозможнымъ его учредить, потому что было мало профессоровъ и при томъ всѣ они были обременены многоразличными обязанностями — чтеніемъ лекцій, составленіемъ компендіумовъ, дѣлами касающимися управленія университета и округа — до такой степени, что не имѣли бы даже времени посѣщать засѣданій, не говоря уже о чтеніи тамъ рефератовъ. Примѣнительно къ 10 § устава рѣшено было суммы, вносимыя благотворителями безъ спеціальнаго назначенія, употреблять отчасти въ пользу какого нибудь ученаго общества, отчасти же на содержаніе недостаточныхъ студентовъ. При чтеніи 22 § было обращено вниманіе на то, что нѣкоторыя кафедры остаются вакантными (естественнаго, политическаго и народнаго права, права древнихъ и новыхъ народовъ, сельскаго хозяйства и военныхъ наукъ) и потому постановили съ одной стороны обратиться по этому поводу къ попечителю, а съ другой — поручить правленію напечатать объявленіе объ этихъ вакансіяхъ въ Іенскихъ и Галльскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ; но это объявленіе по причинѣ военныхъ дѣйствій въ Германіи запоздало и появилось только въ концѣ 1809 года. Во исполненіе 53 § совѣтъ поручилъ назначить конкурсную гѣму этико-политическому отдѣленію, а примѣнительно къ 128 — командировать за границу для усовершенствованія въ наукахъ кандидатовъ Сошальскаго и Громова. Изъ самостоятельныхъ постановленій совѣта слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія. Для того чтобы иностранные

чиновники университета, вслѣдствіе незнанія руссійскихъ законовъ, не принимали къ себѣ въ услуженіе безпаспортныхъ, имъ было объявлено объ этомъ и велѣно доставлять документы ихъ прислуги въ городскую полицію. По предложенію этико-политическаго отдѣленія, предписано было всѣмъ студентамъ его посѣщать послѣдніе два года педагогическія лекціи для того, чтобы усвоить себѣ не только научныя познанія, но и способы преподаванія. Замѣчательныя мѣропріятія были предложены по вопросу о привлеченіи студентовъ на медицинскій факультетъ. Ректоръ Рижскій внесъ письменное предложеніе, сущность котораго состояла въ томъ, чтобы выбирать съ разрѣшенія начальства известное количество наиболѣе способныхъ солдатскихъ дѣтей, обучавшихся въ особыхъ школахъ, отдавать ихъ въ гимназію и затѣмъ принимать въ университетъ на медицинскій факультетъ; по выходѣ же изъ университета они опять поступать въ войска въ качествѣ докторовъ и хирурговъ; что не будетъ идти въ разрѣзъ съ государственными законами, запрещающими переходъ изъ нѣкоторыхъ общественныхъ состояній въ другія. Гораздо радикальнѣе было письменное мнѣніе проф. Якоба. Такъ какъ въ русскомъ государствѣ, писалъ онъ, вообще мало охотниковъ изучать науки, а тѣмъ болѣе медицинскія, то необходимо возбудить къ имъ охоту особыми льготами, какъ это было сдѣлано и при учрежденіи медико-хирургическихъ академій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ (туда разрѣшено было поступать лицамъ всѣхъ званій, безъ особаго Высочайшаго соизволенія). И теперь, если желаютъ побудить юношей учиться медицинѣ, то нужно позволить поступать на медицинскій факультетъ всѣмъ, безъ различія званій—дѣтямъ купцовъ, солдатъ и даже крестьянъ лишь бы только они обладали способностями. Нѣкоторые, писалъ Якобъ, возстаютъ противъ этой мѣры, потому что она будто бы уменьшитъ государственные доходы; но это совершенно невѣрно, ибо, во 1-хъ, та сумма, которую теперь приходится уплачивать чужеземнымъ врачамъ, гораздо значительнѣе подушной подати и другихъ государственныхъ сборовъ, которые бы уплачивали студенты податныхъ состояній; во 2-хъ, всякій казеннокоштный студентъ въ настоящее время получаетъ отъ казны больше, чѣмъ уплачивалъ бы въ казну купеческій сынъ, учась на свои средства; и, въ 3-хъ, наконецъ, хотя доктора и не платятъ прямыхъ податей, но казна имѣетъ и съ нихъ, благодаря ихъ общепользной жизни, не мало косвенныхъ налоговъ. Такимъ образомъ, казна ничего не потеряетъ. Въ заключеніе проф. Якобъ указывалъ на то, что самое профессорское званіе обязываетъ дѣлать откровенныя указанія на препятствія, задерживающія ростъ университетовъ, ибо Государь даровалъ столь значительныя вольности этимъ

последнимъ именно съ тѣмъ, чтобы они достигали своихъ цѣлей. И такъ какъ профессорамъ поручено заботиться объ университетахъ, то онъ, Якобъ, считаетъ своею обязанностью, при обсужденіи этого вопроса, поступить съ тою смѣлою откровенностью, какая прилична представителю ученаго сословія.

Въ 1810 году было 39 засѣданій, на которыхъ были сдѣланы слѣдующія важнѣйшія постановленія. Вслѣдствіе отъѣзда въ Петербургъ проф. Якоба чтеніе его предмета (политической экономіи) было поручено адъюнкту Лангю. По представленію проф. Шада, преподававшего въ отсутствіе Белленъ де Баллю латинскую словесность и указавшаго на недостатокъ въ университетской библіотекѣ многихъ классическихъ авторовъ, рѣшено было выписать ихъ изъ Лейпцига. По предложенію училищнаго комитета, основанному на представленіи проф. Шумлипскаго, ѣздившаго визитаторомъ въ Полтаву, совѣтъ рѣшилъ ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о томъ, чтобы, во 1-хъ, визитаторамъ выдавалось за ихъ поѣздки извѣстное денежное вознагражденіе, соразмѣрное съ количествомъ потраченного ими времени и труда, а, во 2-хъ, чтобы въ послужныхъ спискахъ ихъ отмѣчалось, сколько лѣтъ кто пробылъ членомъ училищнаго комитета и сколько разъ ѣздилъ въ командировку на визитаціи. Назначена была общая ревизія университетской библіотеки, но, по докладу проф. Шнауберта и Гута, отложена до принятія нѣкоторыхъ предварительныхъ мѣръ. По предложенію ректора, въ виду недостатка въ гимназіяхъ учебниковъ по французскому языку, рѣшено было напечатать нѣсколько ихъ въ университетской типографіи, тѣмъ болѣе что работы въ этой послѣдней было тогда не много; на первый разъ отпечатана была книга „Dialogues des morts et fables de M. Fenelon“. Рѣшена была заграничная командировка кандидатовъ Громова и Архангельскаго, но отложена на нѣкоторое время по указанію попечителя. Огромное значеніе для университета и всей его будущности имѣлъ вопросъ о мѣрахъ къ дѣйствительному открытію медицинскаго факультета, который доселѣ еще не функционировалъ, хотя и имѣлъ уже нѣсколькихъ профессоровъ. На немъ мы подробно остановимся, когда будемъ говорить о дѣятельности факультетовъ. Теперь же только замѣтимъ, что совѣтъ сталъ въ этомъ дѣлѣ на болѣе правильную точку зрѣнія, чѣмъ попечитель, и, какъ увидимъ далѣе, сумѣлъ удержать за Харьковскимъ университетомъ его медицинскій факультетъ. Затѣмъ совѣтъ утвердилъ постановленія словеснаго отдѣленія, даровавшаго степень доктора изящныхъ искусствъ иностранцу Жиле, и врачебнаго, выдавшаго иностранцу Шенеману дипломъ на званіе врача и право медицинской практики въ Россіи. Въ этомъ году къ об-

ирнымъ безъ того обязанностямъ профессоровъ прибавилась еще одна и притомъ весьма серьезная: по Высочайшему повелѣнію, при всѣхъ университетахъ, въ томъ числѣ и при Харьковскомъ, былъ учрежденъ комитетъ „для испытанія чиновниковъ и преподаванія наукъ молодымъ людямъ, обязаннымъ гражданскою службою“. Предсѣдателемъ Харьковского комитета былъ назначенъ ректоръ, членами — проф. Осиповскій, Тимковскій и Стойковичъ. Комитетъ прежде всего выработалъ правила касательно производства въ немъ дѣлъ, чтенія курсовъ и экзаменовъ. Лекціи должны были читаться въ теченіе двухъ лѣтъ, по 18 часовъ въ недѣлю и содержаніе ихъ должно быть приспособлено къ предстоящему испытанію; предполагалось преподавать слѣдующіе предметы: словесность (3 часа въ недѣлю), правовѣдѣніе и уголовные законы (4 часа), государственное хозяйство (2 часа), всеобщую исторію (3 ч.), русскую исторію (2 ч.), математику (2 часа), физику (2 часа); курсъ долженъ былъ продолжаться 5 мѣсяцевъ въ году; время для лекцій было назначено послѣобѣденное (отъ 3-хъ до 6-ти час. по полудни); читались лекціи обязательно по русски. Всѣ эти предметы составляли 4 отдѣленія — словесное, историческое, юридическое и математическое. Для экзаменовъ факультеты должны были выработать особыя программы, исчерпывающія въ рядѣ вопросовъ сущность каждой изъ этихъ научныхъ дисциплинъ. Проектъ этихъ правилъ былъ отосланъ къ попечителю, который утвердилъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ еще другой, составленный въ Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, для того чтобы сличить его съ харьковскимъ и выработать изъ этихъ двухъ третій. Это было исполнено, измѣненія впрочемъ оказались незначительныя: вмѣсто 18 часовъ назначено 15; лекціи отнесены на лѣтніе и осенніе мѣсяцы, т. е. на май, июнь, сентябрь, октябрь и ноябрь — въ іюль и августъ были тогда каникулы. Согласно этому положенію, курсы были открыты въ 1810 году и на нихъ записалось 27 чел. чиновниковъ. Программы испытаній поручено было составить — Рижскому (по словесности), Успенскому (по русской исторіи съ географіей и статистикой), Дюгуру (по всеобщей исторіи съ географіей и статистикой), Тимковскому (по праву и государственному хозяйству), Осиповскому (по математикѣ).

Въ 1811 году было 53 засѣданія совѣта. Тутъ между прочимъ рѣшаны были слѣдующія постановленія. По поводу представленной въ совѣтъ адъюнктомъ Совиньи французской грамматики рѣшено было внушить всѣмъ адъюнктамъ и лекторамъ, чтобы они не выпускали въ свѣтъ никакихъ книгъ, не представивъ ихъ предварительно на разсмотрѣніе совѣту. Такъ какъ случалось иногда, что преподаватели университета во время свободныхъ отъ ученія дней отлучались, безъ вѣдома ректора,

изъ города, а между тѣмъ въ нихъ встрѣчалась надобность, то рѣшено было запретить имъ такія отлучки безъ разрѣшенія ректора. Такъ какъ при университетѣ не было еще директора педагогическаго института то для контроля за успѣхами казеннокоштныхъ студентовъ поручено было факультетамъ давать имъ съ этою цѣлью упражненія и производить въ особыхъ засѣданіяхъ испытанія. Рѣшено было, чтобы 10 чел. казеннокоштныхъ студентовъ обучались военнымъ наукамъ, для того чтобы впослѣдствіи преподавать ихъ въ гимназіяхъ. Желая облегчить студентамъ усвоеніе читаемыхъ имъ курсовъ, совѣтъ опредѣлилъ: 1) поручить факультетамъ обозначить время, какое необходимо для изложенія полного курса извѣстнаго предмета, 2) предложить преподавателямъ составить *compendium*'ы по ихъ наукамъ, такъ какъ существующія теперь руководства на иностранныхъ языкахъ не могутъ быть доступны всѣмъ студентамъ; съ цѣлью же поощренія ихъ къ такому труду—предложить имъ въ видѣ гонорара, въ случаѣ если ихъ сочиненія будутъ одобрены совѣтомъ, денежное вознагражденіе равное номинальной стоимости четвертой части всѣхъ отпечатанныхъ экземпляровъ (300—изъ 1200 экз.) за 1-е изданіе и столько же за 2-е, если оно будетъ исправлено и дополнено. Заботясь о развитіи женскаго образованія въ своемъ округѣ совѣтъ поручилъ училищному комитету позаботиться о заведеніи пансіоновъ для благородныхъ дѣвицъ. По уставу профессора, не имѣвшіе лекцій, должны были заниматься какими либо полезными для университета трудами. Поэтому совѣтъ затребовалъ подобныхъ свѣдѣній и отъ профессоровъ медицинскаго факультета, не читавшихъ лекцій, и получилъ слѣдующіе отвѣты: отъ проф. Дрейсига, что онъ будетъ сочинять *компендіумъ* патологии въ афористической формѣ, отъ проф. Каменскаго, что онъ будетъ преподавать всѣмъ желающимъ въ городѣ акушерство; что же касается проф. Шумлявскаго, то онъ и не зависимо отъ преподаванія много работалъ на пользу университета: заведовалъ въ правленіи, гдѣ между прочимъ заведовалъ кассой, въ цензурномъ и училищномъ комитетѣ, состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго для испытанія чиновниковъ. По предложенію ректора Стойковича, выработаны были проф. Роммелемъ планъ и правила Педагогическаго института для приготовленія въ немъ кандидатовъ и окончившихъ университетъ къ учительской должности; Роммель же избранъ былъ и директоромъ этого института съ жалованіемъ по 500 руб. въ годъ. На курсы чиновниковъ въ 1811 г. поступило 19 чел.; къ экзамену никто не явился и только Радзивилловскій почтмейстеръ титулярный совѣтникъ Фонъ-Гирсъ, представилъ свой аттестатъ объ окончаніи въ 1794 г. Ревельской гимназіи (аттестатъ этотъ, по его словамъ, равенъ универси-

тескому, ибо тогда существовалъ одинъ Московскій университетъ и Ревельская гимназія пользовалась одинаковыми съ нимъ правами) и просилъ, чтобы Харьковскій университетъ безъ экзамена выдалъ ему университетскій дипломъ; само собою разумѣется, что комитетъ отклонилъ это ходатайство и направилъ Фонъ Гирса въ Дерптскій учебный округъ, которому могло быть извѣстно, дѣйствительно ли Ревельская гимназія въ концѣ XVIII вѣка давала своимъ питомцамъ такія же права, какъ и университеты.

Всѣхъ засѣданій совѣта въ 1812 году было 49. На нихъ выработаны были цѣлый рядъ правилъ относительно учебной стороны дѣла. Постановлено было, чтобы ищущіе ученыхъ степеней являлись на экзамены въ университетъ не въ учебное время, когда бы они могли отрывать профессоровъ отъ преподаванія, а во время студенческихъ экзаменовъ или на вакаціи; чтобы студенты, посѣщающіе лекціи на чужомъ факультетѣ, считались тамъ частными слушателями и не подвергались испытанію; чтобы профессора наблюдали за исправнымъ посѣщеніемъ лекцій студентами; чтобы молодые люди, готовящіеся къ учительской должности, не были производимы въ ученые степени, если не занимались усердно педагогикой; чтобы ищущіе званія кандидата, магистра или доктора какого либо предмета допускались къ своему испытанію только по выдержаніи экзамена по латинской филологіи; чтобы студенты врачебнаго отдѣленія изучали греческій языкъ; чтобы студенты, готовящіеся къ учительской должности, занимались въ университетѣ изученіемъ иностранныхъ языковъ, потому что для преподаванія ихъ рѣдко можно встрѣтить иностранцевъ, достаточно знакомыхъ съ грамматикой и словесностью; чтобы своекоштные кандидаты производимы были въ магистры не ранѣе какъ чрезъ два или три года послѣ полученія кандидатской степени (черезъ 2 года выдающіеся по успѣхамъ, черезъ 3 посредственные). Запрещено было выдавать членамъ совѣта подлинныя протоколы и вообще бумаги на домъ, а позволено было только брать копіи съ нихъ.

Въ составъ комитета, преподававшаго лекціи гражданскимъ чиновникамъ, теперь входили—ректоръ Стойковичъ, проф. Шумлянскій и Дегуровъ; но такъ какъ явился только одинъ слушатель, то курсовъ и не открывали, а онъ частію слушалъ нѣкоторые предметы вмѣстѣ со студентами, а частію бралъ частныя уроки. Экзаменоваться явился въ комитетъ директоръ Таганрогской коммерческой гимназіи Майне, который выдержалъ установленное испытаніе изъ наукъ и языковъ и получилъ аттестатъ.

Въ 1814 г. ¹⁾ всѣхъ засѣданій совѣта было 47. Здѣсь между прочимъ отмѣтимъ слѣдующія разсужденія и постановленія. Главное правленіе училищъ поручило проф. Якобу сочинить для гимназій учебники философскихъ наукъ, изъ коихъ логика, общая грамматика, эстетика и теорія изящныхъ наукъ были уже готовы; по нимъ велѣно было вести преподаваніе въ гимназіяхъ, изъявъ прежнія руководства. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ, чтобы вообще во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ (въ томъ числѣ и въ университетахъ) не были вводимы учебники по произволу, а велось бы преподаваніе по книгамъ, одобреннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Совѣтъ постановилъ перевести это распоряженіе на латинскій языкъ, чтобы съ нимъ могли ознакомиться иностранные профессора, обязать всѣхъ преподавателей доставить свѣдѣнія о тѣхъ руководствахъ, по которымъ каждый изъ нихъ преподаетъ, и разослать циркуляръ министра въ училища Харьковскаго округа. Тогда же заслушано было и другое предписаніе министра, коимъ онъ строжайше приказывалъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ училищахъ, вопреки запрещенію, не подвергали учениковъ тѣлесному наказанію, подъ угрозой удаленія виновныхъ отъ должности. Проф. Лангъ, преподававшій нѣсколько лѣтъ кромѣ своего предмета еще нѣкоторыя другія науки, просилъ совѣтъ сдѣлать о немъ представленіе министру; съ такою же просьбою обратился и проф. Роммель, указавшій на свои изданія латинскихъ классиковъ.

Въ отвѣтъ на представленіе совѣта объ утвержденіи адъюнктовъ министръ народнаго просвѣщенія отвѣтилъ, что онъ считаетъ количество ихъ чрезмѣрнымъ; въ Дерптскомъ университетѣ нѣтъ ни одного адъюнкта; въ другихъ ихъ меньше, чѣмъ требуется по уставу, и ихъ должно быть столько, сколько нужно для удовлетворенія преподаванія, а не столько, сколько требуетъ уставъ; поэтому совѣтъ обязанъ всякій разъ мотивировать выборъ того или иного адъюнкта. Екатеринославскій губернаторъ извѣщалъ, что 3-го февраля въ 12 часовъ дня въ Бахмутскомъ уѣздѣ слышенъ былъ громъ и съ воздуха упалъ камень въ 40 фун., который вошелъ въ землю на 6 вершковъ глубины и разломился на много частей. Свидѣтелями этого явленія были 6 человекъ сельскихъ жителей, которые тогда слышали громъ на подобіе пушечнаго выстрѣла и шумъ въ воздухѣ, продолжавшійся около часа (?), при солнечномъ

¹⁾ За 1813-й годъ не сохранилось протоколовъ совѣта; до этого же года доведена только и „Исторія дѣлъ, относящихся къ Императорскому Харьковскому университету, со времени его учрежденія“; тутъ мы нашли извлеченія изъ совѣтскихъ протоколовъ и поэтому широко пользовались ею для настоящаго изложенія; нѣкоторыхъ дѣлъ, производившихся въ совѣтѣ въ 1813, мы коснемся ниже.

еівиі. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что воздушный камень имѣлъ направленіе съ востока на западъ. Часть этого камня отдана въ Екатеринославскую гимназію, а другая отослана въ университетъ. Совѣтъ опредѣлилъ: поручить профессору химіи Гизе, чтобы онъ сдѣлалъ разложеніе камня и описаніе его физическихъ и химическихъ свойствъ. Министръ народнаго просвѣщенія рекомендовалъ совѣту обратить вниманіе на издающіеся въ разныхъ мѣстахъ вредные романы; они хотя явно и не противорѣчатъ цензурнымъ правиламъ, однако по своей двусмысленности и ложнымъ умствованіямъ противны нравственности, ибо авторы ихъ подъ видомъ искорененія зла въ дѣйствительности знакомятъ юношество съ такими пороками, о коихъ не слѣдовало-бы и упоминать. Поэтому министръ предписываетъ цензурнымъ комитетамъ разрѣшать къ печати только такіе, которые имѣютъ предметомъ своимъ нравственность, не обращая при этомъ вниманія на ихъ художественныя достоинства. Другимъ предписаніемъ министръ вовсе запретилъ цензурнымъ комитетамъ, въ томъ числѣ и харьковскому, принимать для разсмотрѣнія сочиненія духовнаго содержанія, такъ какъ они могутъ подать поводъ къ разнымъ толкованіямъ. Освободившись отъ своего ректора Стойковича (о чемъ скажемъ ниже), совѣтъ отказался печатать и его учебникъ физики, во 1-хъ, въ виду того что это сочиненіе не было закончено, а, во 2-хъ, и потому что не годилось для употребленія въ училищахъ. Въ виду донесеній совѣта, что нѣкоторые профессора не посѣщаютъ засѣданій, потому что въ эти же дни у нихъ назначены лекціи, министръ предписалъ, чтобы въ дни совѣтскихъ засѣданій назначались только лекціи адъюнктовъ ¹⁾. Выслушано было предписаніе министра о присылкѣ лично на имя его ежемѣсячно совѣтскихъ протоколовъ, даже въ томъ случаѣ, когда бы попечитель не былъ въ отпускѣ. Профессоръ Нельдехенъ вступилъ въ совѣтъ съ прошеніемъ о порученіи ему преподаванія англійскаго языка; по справкамъ однако оказалось, что бывший Харьковскій профессоръ и почетный членъ его Якобъ рекомендовалъ на это мѣсто бывшего преподавателя Дерптскаго университета Бересфорда, который соглашался на это подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему былъ порученъ и итальянскій языкъ. Но такъ какъ по уставу лектуры итальянскаго языка не полагалось, то рѣшено было просить министра о назначеніи Бересфорду 600 р. за англійскій языкъ изъ штатной и 400 за итальянскій изъ экономической суммы. Въ отвѣтъ

¹⁾ Это предписаніе было вызвано повидимому письменнымъ заявленіемъ въ совѣтъ проф. Дегурова, который объяснилъ, что онъ не можетъ присутствовать по средамъ въ засѣданіяхъ, такъ какъ у него передъ этимъ 2-хъ часовая лекція (отъ 3-хъ до 5-ти часовъ) и онъ по слабости здоровья сильно ею утомляется.

на просьбу совѣта о командированіи въ Одессу Дегурова визитаторомъ для совѣщанія съ Дюкомъ-де-Ришелье о соединеніи тамошняго благороднаго института съ гимназіей и о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе университета, министръ далъ свое согласіе, въ виду того что благородный институтъ своимъ процвѣтаніемъ обязанъ попечительности Дюка и долженъ неминуемо прійти въ упадокъ при его преемникахъ, и кромѣ того потому что зависимость всѣхъ учебныхъ заведеній отъ университета признана государственными законами. 30 сентября совѣту пришлось разбирать случай столкновенія между этикополитическимъ факультетомъ и профессоромъ словеснаго отдѣленія Срезневскимъ, происшедшій на экзаменѣ одного студента. Наконецъ, совѣтъ ходатайствовалъ о назначеніи въ помощь своему секретарю особаго протоколиста изъ магистровъ который бы записывалъ мнѣнія членовъ и переводилъ бы ихъ на русскій языкъ, такъ какъ рѣшено было вести протоколы на двухъ языкахъ—русскомъ и латинскомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же магистръ могъ бы исполнять и должность секретаря цензурнаго комитета. Министръ отказалъ въ этомъ и предложилъ и впредь вести протоколы на латинскомъ языкѣ, такъ какъ онъ понятенъ для всѣхъ; обязанность составлять протоколы лежитъ на секретарѣ совѣта, а если онъ обремененъ другими еще дѣлами, то слѣдуетъ выбрать болѣе свободное лицо; совѣтъ же новую должность протоколиста запрещаетъ уставъ.

Теперь мы должны отмѣтить еще одну сторону въ дѣятельности совѣта, которая предусмѣтрѣна была 52 § устава и требовала отъ членовъ его чтенія во время засѣданій различныхъ ученыхъ сообщений и т. п. Уставъ назначалъ для этой цѣли особыя ежемѣсячныя общія собранія; но совѣтъ, какъ мы видѣли, постановилъ все это дѣлать въ обычныхъ своихъ собраніяхъ, по мѣрѣ накопленія матеріала. И это дѣйствительно дѣлалось изъ года въ годъ, не смотря на то, что почти всѣ профессора были обременены разнообразными и сложными занятіями (на пользу университета и его округа) и помимо своихъ прямыхъ обязанностей. Не останавливаясь теперь подробно на этомъ вопросѣ (потому что будемъ говорить еще о немъ въ главѣ о научно-преподавательской дѣятельности профессоровъ), мы приведемъ только нѣкоторые статистическія данныя по годамъ изъ университетскихъ отчетовъ. Въ 1806 году совѣту предложенъ былъ для изданія цѣлый рядъ сочиненій и переводовъ разныхъ лицъ. Отъ В. Н. Каразина поступило четыре рукописныхъ перевода—1) Теорія изящныхъ наукъ проф. *Ешенбурга*. 2) Полная діететика быв. Харьковскаго проф. и доктора медицины *Виллиха*. 3) Дѣтская нравственность (изъ всеобщей энциклопедіи Генриха *Кампе*). 4) Обхожденіе съ людьми, соч. бар. *Книппе*, въ 3-хъ

частяхъ. Эти рукописи онъ предлагалъ для изданія университету, съ тѣмъ чтобы ему возвратили деньги, уплаченныя имъ изъ собственныхъ средствъ переводчикамъ. Совѣтъ, разсмотрѣвъ ихъ, нашелъ, что изданіе діететики Виллиха обошлось бы ему въ 2256 р. или въ 2 р. 82 коп. за экземпляръ, т. е. такъ дорого, что нельзя было бы разсчитывать выручить эту затрату, хотя бы даже обмѣномъ у книгопродавцевъ этой книги на другія сочиненія, потребныя для университета; книга Кампе уже переведена была на русскій языкъ, а переводъ сочиненія бар. Книгге оказался неудовлетворительнымъ; что же касается „Теоріи изящныхъ наукъ“, то она, въ общемъ, переведена была удовлетворительно, могла быть введена въ училища Харьковскаго учебнаго округа и потому за нее рѣшено было уплатить В. Н. Каразину 180 р. и напечатать на счетъ университета. Проф. Белленъ-де-Баллю представилъ въ совѣтъ 2 свои сочиненія—1) *Systema novum docendi et discendi linguam latinam* и 2) *De origine et progressu linguae et litterarum gallicarum*; они были отданы на просмотръ нѣкоторымъ членамъ совѣта и на основаніи отзыва ихъ было рѣшено вторую рукопись напечатать на счетъ университета, а печатаніе первой предоставить самому автору. Переводъ съ латинскаго одного сочиненія о правовѣдѣніи, представленный кандидатомъ Саввою *Василевскимъ*, готовившимся къ учительской должности, предложено было напечатать ему самому на свой счетъ. Казеннокоштный студентъ *Славинскій* представилъ переводъ на русскій языкъ (съ французскаго) статистики *Блейферда*; рецензентъ (ректоръ Рижскій) призналъ переводъ удовлетворительнымъ, но его всетаки возвратили переводчику, вслѣдствіе краткости этого сочиненія и нѣкоторыхъ ошибокъ. Адъюнктъ *Гамперле* составилъ правила объ обязанностяхъ студентовъ; поручено было ему перевести ихъ на латинскій языкъ и затѣмъ напечатать на счетъ университета. Въ 1807 г., во исполненіе 52 § устава, читаны были въ общихъ собраніяхъ совѣта слѣдующія работы: 1) 8 марта проф. *Шадомъ* диссертация „*De vi philosophiae in reliquas scientias*“; 2) 17 мая проф. *Шнаубертомъ*—„Описаніе и химическое изслѣдованіе (analysis) воздушнаго камня, найденнаго въ Сумскомъ уѣздѣ“; 3) 28 іюня и 13 ноября проф. *де-Баллю* 2 части диссертации „*Dissertatio apologetica de historico Ctesia*“; 4) 6 сентября адъюнктомъ *Ванотти*—„*Dissertatio physiologica de sensibilitate organismi*“. Сверхъ того члены совѣта, по его порученію, разсматривали переводы университетскаго устава и правилъ для казеннокоштныхъ студентовъ, а также ученые труды *Паки де Совиньи* и *Ванотти*. Въ 1808 году совѣту представлены были слѣдующіе труды: 1) проф. *Шнаубертомъ* „Новый способъ отдѣлять золото отъ серебра посредствомъ сѣрвой кислоты“ (оно было одобрено

физико-математическимъ факультетомъ и отправлено попечителю); 2) проф. скотолѣченія *Пильеромъ* „Краткое разсужденіе о свирѣстствующей въ нѣкоторыхъ губерніяхъ межъ рогатымъ скотомъ заразѣ“; совѣтъ, находя его полезнымъ для здѣшняго края, рѣшилъ отпечатать на свой счетъ; 3) попечителемъ Потоцкимъ соч. *Вилле* „*Phagmasoraеа militaris*“; медицинскій факультетъ, рассмотрѣвъ его, донесъ, что имъ можно пользоваться для преподаванія лекцій. Сверхъ того издано было нѣсколько руководствъ для училищъ Харьковскаго учебнаго округа. Въ 1809 году въ совѣтъ было представлено три сочиненія: 1) проф. скотолѣченія *Пильеромъ*—переводъ его нѣмецкой брошюры, сдѣланный кадетомъ Лубенскаго гусарскаго полка Келлеромъ „Инструкція для кавалерійскихъ полковъ Россійской арміи“; она, по просьбѣ Пильера, была препровождена попечителю; 2) проф. и инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ *Якобомъ* „Прибавленіе къ правиламъ для казеннокоштныхъ студентовъ“ (оно было напечатано въ университетской типографіи); 3) адъюнктомъ *Успенскимъ* „Наставленіе учителямъ для составленія историческихъ, топографическихъ и статистическихъ записокъ, соотвѣтственно 50 статьѣ устава учебныхъ заведеній“. Кромѣ того члены совѣта разсматривали исправленный проф. *Шадомъ* переводъ университетскаго устава на латинскій языкъ; въ виду того, что онъ былъ необходимъ для иностранныхъ профессоровъ, не знающихъ русскаго языка, рѣшили отпечатать его въ количествѣ 600 экземпляровъ на издѣваніе университета; наконецъ, рѣшено было, по представленію правленія, отпечатать для училищъ нѣсколько руководствъ. Въ 1810 году совѣтъ получилъ 5 сочиненій (4 рѣчи и диссертацию): 1) отъ адъюнкта *Ланга* (на нѣм. языкѣ)— „О необходимости знанія въ гражданской службѣ юридическихъ и политическихъ наукъ“, 2) отъ проф. *Тимковскаго* „О бывшихъ въ Россіи помѣстьяхъ и помѣстномъ правѣ“, 3) отъ проф. и ректора *Рижскаго* „О томъ что внимательное упражненіе въ Россійской словесности внушаетъ любовь къ отечеству“, 4) отъ адъюнкта *Совиньи* „О степени совершенства, которую приобрѣтаютъ молодые люди обоего пола отъ упражненія въ изящныхъ наукахъ, занимаясь со вкусомъ“, 5) отъ доктора *Жиле*— „*Dissertatio, oppugnans opinionem Herodoti de Xerxe, Persarum rege*“. Въ 1811 году на разсмотрѣніе совѣта предложены были разными авторами слѣдующіе ихъ труды: 1) адъюнктомъ *Совиньи* „Французская грамматика“, которая не одобрена къ изданію; 2) учителемъ Слободско-украинской гимназіи *Бюте* пословицы на латинскомъ языкѣ, которыя оказались не заслуживающими вниманія; 3) проф. *Тимковскимъ* сочиненіе „О грамматическомъ разборѣ словъ русскаго языка“, которое признано было достойнымъ изданія на университетскій счетъ; 4) экстра-

ординарнымъ проф. *Калкау*— „Introductio ad studia medica una cum tabella synoptica omnium disciplinarum ad medicinam pertinentium et systematice depositarum“, которое рѣшено было напечатать на университетскій счетъ; 5) проф. *Шадоу* и *Роммелемъ* „Христоматія нѣмецкаго языка въ прозѣ и стихахъ, составленная ими по порученію совѣта для гимназій; рѣшено было издать ее отъ имени университета; 6) проф. *де-Баллю* „Французская грамматика“; она была не вполне окончена и потому постановили отложить печатаніе ея впредь до окончанія рукописи; 7) студентами—ихъ упражненія; изъ числа ихъ признаны лучшими и заслуживающими быть произнесенными на актѣ работы—*Гевлича*, *Гречановскаго*, *Лебединскаго*, *Шумана* и *Адамовича*. Въ 1812 году съ разными цѣлями представлено было 6 рукописей: 1) почетнымъ членомъ университета А. А. Палицынымъ его стихотворный переводъ соч. „L'indépendance de l'auteur“, который рѣшено было отпечатать со временемъ на счетъ университета; 2) проф. *Дрейсомъ* „Патологія“—руководство на латинскомъ языкѣ, которое онъ отказался представить на одобреніе высшему начальству и потому оно не было напечатано на университетскій счетъ; 3) два отвѣта на заданную этикополитическимъ факультетомъ конкурсную задачу; 4) правила для студентовъ, которые отосланы были на утвержденіе министру; 5) уставъ общества наукъ, Высочайше утвержденный по представленію министра народнаго просвѣщенія. Свѣдѣній о трудахъ, представленныхъ въ совѣтъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ (1813 и 1814), мы не имѣемъ.

Но во всякомъ случаѣ и приведенные здѣсь факты даютъ полное основаніе сдѣлать выводъ, что совѣтъ выполнялъ и 52-ю статью своего устава, направленную къ поддержанію и развитію научно-литературной дѣятельности среди профессоровъ. Нѣкоторые сочиненія цѣликомъ прочитывались въ совѣтѣ, о другихъ читались отзывы тѣхъ лицъ, которымъ было поручено ихъ разсмотрѣніе; объ иныхъ дѣлали докладъ факультеты, о другихъ правленіе. Являлись ли въ засѣданія совѣта почетные члены, мы не знаемъ; думаемъ, что нѣтъ, потому что дѣла эти рѣшались, какъ мы видѣли, не въ особыхъ засѣданіяхъ, а въ обычныхъ; но нѣкоторые изъ нихъ представили свои труды—А. А. Палицынъ и В. Н. Каразинъ, хотя они оказались и не вполне подходящими для изданія. Не имѣя ни малѣйшихъ основаній предполагать, чтобы совѣтомъ руководили въ данномъ случаѣ какіе либо мотивы и соображенія личнаго свойства, мы просто должны выразить сожалѣніе по поводу того, что первыя и, кажется, единственныя попытки двухъ мѣстныхъ почетныхъ членовъ, имѣвшихъ возможность принимать непосредственное участіе въ литературной дѣятельности Харьковскаго университета,

потерпѣли почти полную неудачу. И это тѣмъ болѣе было печально, что Каразинъ повидимому сильно обидѣлся отказомъ и рѣшилъ съ этого времени обращаться со своими докладами въ Москву.

Полагаемъ, что и приведенныхъ ¹⁾ примѣровъ достаточно, чтобы охарактеризовать дѣятельность совѣта Императорскаго Харьковскаго университета за первыя десять лѣтъ его существованія. Изъ нихъ видно, насколько широка, многосторонняя и плодотворная была эта дѣятельность, какія разнообразны сферы и вопросы она захватывала; къ ней можно относиться только съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіей, въ особенности если принять во вниманіе, что половина членовъ совѣта, состоявшая изъ иностранныхъ профессоровъ, не знала ни русской жизни, столь непохожей по своему складу на жизнь западно-европейскую, ни даже русскаго языка. Всѣ проявляли значительную дѣятельность, одни большую, другіе меньшую, одни—въ одной сферѣ, другіе—въ другой. Изъ русскихъ профессоровъ на первомъ планѣ нужно поставить Рижскаго, Осиповскаго, Тимковскаго, изъ иностранныхъ—Стойковича, Шада. Мы видѣли, что выборы въ общемъ велись удачно и благодаря имъ профессорская коллегія пополнялась новыми дѣятелями, среди которыхъ были такіе выдающіеся, какъ математикъ Гутъ, экономистъ Якобъ, классикъ Роммель, русскій историкъ Успенскій, ветеринаръ Пильгеръ. На разныя университетскія должности (ректора, декановъ, членовъ училищнаго комитета и т. п.) выбирались также въ общемъ подходящіе лица. Тѣ совѣтскія постановленія, которыя мы выше отмѣтили, въ общей массѣ своей опять таки должны быть названы разумными: они свидѣтельствуютъ о любви къ просвѣщенію, гуманности членовъ совѣта, гос-

¹⁾ Примѣры эти, какъ болѣе типическіе и важныя, выбрана изъ протоколовъ составителями ежегодныхъ официальныхъ отчетовъ о дѣятельности университета. Отчеты эти составлялись въ трехъ экземплярахъ: одинъ отправлялся къ министру, другой—въ главное правленіе училищъ, а третій передавался въ совѣтъ. Къ сожалѣнію, мы, несмотря на всѣ поиски, могли найти только отчеты за 1807 и 1811 годы. Впрочемъ пробыль этотъ совершенно, можно сказать, пополненъ у насъ тою драгоценною рукописью, которая носитъ названіе „Исторія дѣлъ, относящихся къ Императорскому Харьковскому университету со времени его учрежденія“ и которая представляетъ, какъ мы уже говорили выше, просто краткіе отчеты о дѣятельности университета за первыя 8 лѣтъ его существованія (до 1813 года); теперь мы окончательно въ этомъ убѣдились, сопоставляя отчеты за 1807 и 1811 годы съ соответственными частями этой рукописи. Рукопись очень исправна и ею можно пользоваться совершенно свободно. Мы сравнивали ея извѣстія о дѣятельности совѣта съ официальными протоколами совѣтскихъ засѣданій, бывшими въ нашихъ рукахъ, и увидѣли полное сходство. Кромѣ подлинныхъ протоколовъ совѣта, на основаніи которыхъ мы охарактеризовали дѣятельность его въ 1805 и 1814 году, въ нашемъ распоряженіи былъ еще чрезвычайно цѣнный матеріалъ архива министерства народнаго просвѣщенія, который подтверждалъ и дополнял мѣстные матеріалы.

подствѣ у нихъ прогрессивныхъ идей и духа свободы; вспомнимъ только предложеніе проф. Якоба о допущеніи въ университетъ на медицинскій факультетъ дѣтей изъ податнаго сословія, заботу членовъ училищнаго комитета о недостаточныхъ ученикахъ училищъ, о снабженіи этихъ послѣднихъ пособіями, постоянную готовность совѣта производить мѣстныя изслѣдованія на пользу общества и мн. др. Даже въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя касались гораздо менѣе важныхъ дѣлъ, виденъ тактъ и разумныя основанія: для контроля надъ чтеніемъ лекцій профессорами и надъ посѣщеніемъ ихъ студентами назначался, какъ и теперь, не простой солдатъ, а образованный чиновникъ, который долженъ былъ знать иностранные языки, причемъ отмѣтки, имъ сдѣланныя, предварительно прочитывались въ засѣданіи совѣта (гдѣ могли быть исправлены заинтересованными лицами), и только потомъ уже отсылались въ министерство.

Но нарисованная нами картина получила бы одностороннее освѣщеніе и, нужно прямо сказать, не соотвѣтствовала бы исторической дѣйствительности, если бы мы ограничились изложенными свѣдѣніями и не привели данныхъ объ отрицательныхъ сторонахъ въ дѣятельности совѣта—о тѣхъ ссорахъ и распряхъ, которыя нарушали мирное теченіе жизни, производили разладъ, неудовольствія, дискредитировали профессорскую коллегію въ глазахъ начальства и мѣстнаго общества и даже угрожали переводомъ университета въ другой городъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что эти печальныя явленія характеризуютъ почти исключительно послѣдніе четыре года изучаемой нами эпохи въ исторіи университета, т. е. 1811—1814 годы. Въ качествѣ правдиваго, безпристрастнаго лѣтописца, мы должны будемъ теперь со всею откровенностью изложить и эти темныя явленія; намъ нечего опасаться того, что они закроютъ собою свѣтлыя стороны, ибо, чтобы себѣ ни говорить, а они являются только темнымъ пятнышкомъ на преобладающемъ свѣтломъ фонѣ; а бываетъ ли жизнь, дѣйствительность, окрашенная только яркимъ бѣлымъ цвѣтомъ? Конечно, нѣтъ, такъ точно какъ и не бываетъ одной только тьмы, безъ проблеска свѣта. И задача историка заключается въ томъ, чтобы уловить взаимное отношеніе между этимъ свѣтомъ и тьмой. Мы будемъ пользоваться документальными данными—собственными показаніями и признаніями главныхъ персонажей, иногда ихъ интимными свидѣтельствами; но къ этому матеріалу, предупреждаемъ читателя, нужно относиться осторожно: иногда онъ важенъ не столько по заключающимся въ немъ свѣдѣніямъ о другихъ лицахъ, сколько по тому субъективному элементу, который характеризуетъ самого разказчика и эпоху. Для того чтобы дать самому читателю воз-

возможность дѣлать оцѣнку матеріала съ точки зрѣнія его достовѣрности или тенденціозности, мы будемъ приводить его въ подлинномъ видѣ, тѣмъ болѣе что во многихъ случаяхъ было бы просто несправедливо съ нашей стороны обезличить его собственной передачей; по крайней мѣрѣ мы никакъ не рискнули бы рассказать своими словами такого шедевра въ своемъ родѣ, какъ обличительная рѣчь проф. Шада, направленная противъ ректора Стойковича.

Разнородный и разноплеменный составъ совѣта Харьковскаго университета самъ по себѣ уже явился возможнымъ источникомъ разныхъ недоразумѣній и партійной борьбы. Съ открытія дѣятельности совѣта, въ немъ обозначались 2 группы, находившіяся между собою въ тайномъ, а подъ часъ и явномъ антагонизмѣ, — *русская* партія и *иностранная*. Выше (стр. 222) мы приводили таблицу Рославскаго-Петровскаго, въ которой указаны были цифры русскихъ и иностранныхъ профессоровъ за все изучаемое нами десятилѣтіе (съ 1805 по 1815 годъ). И что же? Оказывается, что число русскихъ преподавателей оставалось неизмѣннымъ съ 1805 по 1811 годъ — ежегодно ихъ было по 7 чел., между тѣмъ какъ иностранцевъ было болѣе чѣмъ двойное количество (колебалось отъ 15 до 19 чел.). Но съ 1811 года положеніе вещей рѣзко измѣняется: число русскихъ профессоровъ и адъюнктовъ постоянно возрастало и въ 1814 году сравнялось съ количествомъ иноземныхъ преподавателей (и тѣхъ, и другихъ по 16 чел.). Мы видѣли также, что съ 1811 г. началось, можно сказать, настоящее бѣгство иностранцевъ изъ Харьковскаго университета. Къ такому выводу приводитъ насъ изученіе цифръ; колебаніе этихъ послѣднихъ настолько рѣзко, что не можетъ быть объяснено простыми случайностями; очевидно, существовала серьезная причина, приведшая къ такому положенію дѣлъ. И дѣйствительно, такая причина имѣла мѣсто въ данномъ случаѣ. Но кромѣ ея, какъ это бываетъ всегда, были еще и частные поводы: одно присоединилось къ другому и въ концѣ концовъ вызвало то явленіе, о которомъ такъ краснорѣчиво говорятъ памъ цифры. Основною причиною мы считаемъ Наполеоновскія войны и въ частности отечественную войну 12 года, которая пробудила чувство національнаго самосознанія у русскихъ (до тѣхъ поръ весьма слабо развитое среди интеллигенціи Александровской эпохи) и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала недружелюбное отношеніе ко всему иноземному въ предѣлахъ Россіи. Кромѣ того — и это также чрезвычайно важно — Наполеоновскія завоеванія произвели расколъ среди иностранной партіи совѣта: они вызвали сильную распрю между профессорами французскаго и нѣмецкаго происхожденія. Нѣмецкая группа была всегда сильнѣе французской, хотя въ составѣ этой по-

сѣдней всетаки находились два такихъ авторитетныхъ дѣятеля, какъ Дегуровъ и Белленъ-де-Баллю. Но среди нѣмцевъ было много выдающихся профессоровъ, и въ томъ числѣ знаменитый проф. Шадъ—этотъ страстный ненавистникъ французовъ, необычайно энергичный, сильный своимъ ученымъ авторитетомъ, огромный діалектикъ, въ совершенствѣ владѣвшій латинскимъ языкомъ.

Обо всемъ этомъ мы находимъ свидѣтельство у проф. Роммеля въ его воспоминаніяхъ о Харьковскомъ университетѣ ¹⁾. Роммель пріѣхалъ

¹⁾ Такъ какъ мы широко будемъ пользоваться этими воспоминаніями, то посвятимъ имъ отдѣльный критическій экскурсъ. Нѣмецкій подлинникъ ихъ изданъ въ сборникѣ Бюлау и носитъ слѣдующее заглавіе: „Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit“ (5-й томъ, стр. 421—600). Мемуары эти заключаютъ въ себѣ наибольшее данныхъ для исторіи германской университетской науки, но въ нихъ имѣются свѣдѣнія о пребываніи Роммеля въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ 3½ года состоялъ профессоромъ, и о выѣздѣ изъ Россіи въ Германію въ 1815 году. Въ 1859 году быв. проф. Ришельевского лицея въ Одессѣ Максимовъ со своими примѣчаніями напечаталъ извлеченіе изъ нихъ въ переводѣ на русскій языкъ, исполненномъ Я. О. Баяснымъ, въ Одесскомъ альманахѣ „Южный Сборникъ“, (№№ 9, 10 и 11). Въ 1868 году почтенный бібліотекаръ Харьковскаго университета Я. О. Баясный переиздалъ свой переводъ отдѣльною книжечкой. (Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета. Воспоминанія проф. Роммеля о своемъ времени, о Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ“ Х. 1868, XIV, 111). Въ своемъ предисловіи къ изданію Я. О. Баясный такъ характеризуетъ Роммеля, какъ мемуариста: „въ запискахъ Роммеля представленъ замѣчательный, хотя небольшой періодъ изъ полустолѣтней жизни Харьковскаго университета. Какъ дѣятель, сильно сочувствующій всѣмъ интересамъ своего времени и своего круга, Роммель восстанавливаетъ передъ нами живой образъ прошлаго. Изъ его простого и откровеннаго разсказа видно, что онъ не увлеченъ ни духомъ партій, ни личнымъ пристрастіемъ. Онъ глубоко правдивъ; рѣзко, но безъ желчи, выставляетъ онъ дурныя стороны людей и отдаетъ полную справедливость даже тѣмъ лицамъ, которые ему несовсѣмъ по сердцу. Эта правдивость, живой интересъ и свѣжесть, которыми проникнуты записки Роммеля, давно возбудило въ насъ желаніе передать ихъ по русски... Въ запискахъ Роммеля попадаются имена личностей, о которыхъ онъ упоминаетъ вскользь. Рижскій, первый ректоръ Харьковскаго университета, Осиповскій и Успенскій, профессора, пользовавшіеся большою и вполне заслуженною извѣстностью, не выдѣляются у него изъ общей группы, въ которую онъ собралъ всѣхъ своихъ товарищей“. Подробныя біографическія свѣдѣнія и оцѣнка ученыхъ трудовъ этихъ лицъ представлены въ „Матеріалахъ Сухомлинова“ (XI—XIII стр.). Изданіе записокъ Роммеля вызвало появленіе въ свѣтъ двухъ статей—бібліографической замѣтки г. К—аго въ журналѣ Вѣстникъ Европы (1868, № 12, стр. 917—923), содержащей въ себѣ данныя изъ исторіи Харьковскаго университета за первые годы его существованія, и двухъ полемическихъ фельетоновъ бывшаго тогда профессоромъ въ Харьковѣ Н. А. Лавровскаго, помѣщенныхъ въ Харьк. Губ. Вѣд. 1869 №№ 26 и 27. Къ сожалѣнію и та, и другая статья написаны въ чрезвычайно рѣзкомъ, страстномъ тонѣ и носятъ на себѣ очевидно, яркую печать той борьбы, которая ве-

въ Харьковѣ въ 1811 году, т. е. именно тогда, когда стала замѣтно проявляться въ немъ реакція противъ иностранцевъ. „Настоящими правителями университета, говоритъ онъ, были ординарные профессора всѣхъ факультетовъ, которые, собираясь одинъ разъ въ недѣлю, составляли совѣтъ подъ предсѣдательствомъ ректора, рѣшавшій всѣ глав-

лась въ Харьковскомъ университетѣ въ концѣ 60-хъ годовъ между нашими западниками и славянофилами; во главѣ первыхъ стоялъ Д. И. Каченовскій, вторыхъ— братья П. А. и Н. А. Лавровскіе. Въ настоящее время эта борьба и одинъ изъ ея эпизодовъ—подемпка г. К—аго (по всей вѣроятности Д. И. Каченовскаго) съ Н. А. Лавровскимъ имѣетъ только историческій интересъ, и мы коснемся ея, когда подойдемъ къ исторіи университета въ концѣ 60-хъ годовъ. Теперь же только извлечемъ изъ этихъ статей тѣ данныя, которыя прямо касаются записокъ Роммеля, какъ историческаго источника. Г. К—ій, очевидно, не задавался цѣлью критически разсматривать воспоминаній Роммеля; онъ просто хотѣлъ воспользоваться ими, а также богатыми данными, заключающимися въ статьѣ М. И. Сухомлинова („Матеріалы для исторіи образованія въ царствованіе императора Александра I-го“), чтобы напомнить широкой публикѣ о первыхъ годахъ изъ исторіи Харьковскаго университета. Понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, авторъ не могъ отвѣстись критически и къ дѣятелямъ того времени; этому также, нужно сознаться, помѣшала и нѣкоторая его тенденціозность, особенно рѣзко проявившаяся въ оцѣнкѣ дѣйствій русской партіи. Въ совершенно иномъ положеніи находился Н. А. Лавровскій. Хотя и его статьѣ вредить чрезчуръ рѣзкій тонъ ея, хотя онъ повидимому и не могъ соблюдать полнаго безпристрастія въ оцѣнкѣ профессоровъ не русскаго происхожденія, но въ его распоряженіи были уже документы университетскаго архива, которые и послужили матеріаломъ для критической провѣрки данныхъ и выводовъ печатныхъ источниковъ и пособій; вмѣстѣ съ тѣмъ Н. А. Лавровскій подвергъ критическому разбору и воспоминанія Роммеля въ связи съ сужденіями о нихъ Я. О. Баяснаго. Вотъ на этихъ то замѣчаніяхъ мы и остановимся.

Прежде всего Н. А. Лавровскій справедливо замѣчаетъ, что воспоминанія Роммеля о Харьковскомъ университетѣ обнимаютъ не 5 лѣтъ, какъ говоритъ Я. О. Баясный, а только 3½ года (съ 17 янв. 1811 г. до пол. іюля 1814 г.). Н. А. Лавровскій ссылается при этомъ на три страницы въ текстѣ записокъ Роммеля (42-ю, 98-ю и 102-ю); мы къ этому прибавимъ, что эти ссылки подтверждаются и архивнымъ документомъ—дѣломъ объ отпускѣ Роммеля за границу (Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1814 г. № 4). Н. А. Лавровскій не согласенъ съ приведеннымъ нами выше отзывомъ Я. О. Баяснаго о безусловной правдивости Роммелевскихъ воспоминаній. Отмѣтивъ нѣкоторыя частныя ошибки и странности въ воспоминаніяхъ Роммеля (свидѣтельство его о существованіи трехъ факультетовъ, между тѣмъ какъ ихъ было на самомъ дѣлѣ четыре, указаніе на исполненіе имъ должности казначея, каковую несъ не профессоръ, а особое лицо, неправдоподобное объясненіе неудачи проекта перенесенія университета въ другой городъ), Н. А. Лавровскій дѣлаетъ важное указаніе, что воспоминанія эти писались въ 1854 г., т. е. сорокъ лѣтъ спустя послѣ отъѣзда Роммеля изъ Харькова, когда ему было уже 73 года и память его, естественно, сильно притупилась. Онъ приводитъ чрезвычайно важное свидѣтельство самого Роммеля, который говоритъ:

ные ученые и административные вопросы". Разказавъ о томъ, какъ хорошо обставлены были иностранные профессора въ Харьковскомъ университетѣ, Роммель говорить далѣе, что къ нимъ изъ зависти относилось недружелюбно мѣстное дворянство, а во время нашествія французовъ дѣло дошло до открытой ненависти. „Трудно составить себѣ по-

мтъ черезъ двадцать послѣ моего выезда изъ Россіи, когда харьковская жизнь представлялась мнѣ уже чѣмъ то въ родѣ сна, онъ (Дегуровъ) посѣтилъ меня въ Касселѣ“ „.... Послѣ такого признанія самого автора записокъ, говорить Н. А. Лавровскій, писанныхъ еще двадцать лѣтъ спустя послѣ того, едва ли серьезно можно признавать ихъ за живой образъ прошлаго. Наконецъ, разбирая самый переводъ, рецензентъ указываетъ въ немъ одно мѣсто, какого вовсе нѣтъ въ подлинникѣ, а именно заключительной фразы въ характеристикѣ русскихъ профессоровъ: „такіе случаи были торжествомъ для нашихъ ученыхъ подьячихъ. Тотчасъ же изъ ихъ фаланги поднимался голосъ: въ протоколъ записать! довести до свѣдѣнія начальства! Всегдашнюю ихъ тактику было представить неосторожнаго вольнодумцемъ, врагомъ порядка, правительства. И это называли они служить вѣрою и правдою“. Далѣе въ слѣдующей фразѣ вставлено подчеркнутое выраженіе, котораго также нѣтъ въ подлинникѣ: „всѣ мои русскіе товарищи, тѣхъ глубоко понимавшіе науку и истину. Н. А. Лавровскій даетъ понять читателю, что вставки эти сдѣланы сознательно, для того чтобы рѣзче отбѣить древнеславянское невѣжество сравнительно съ германскою культурностью, и въ доказательство ссылается между прочимъ на одну фразу переводчика (прим. на 100-й стр.), гдѣ онъ именно упоминаетъ объ этомъ древнеславянскомъ невѣествѣ. Въ заключеніе впрочемъ Н. А. Лавровскій говоритъ: „какъ бы то ни было, послѣ сдѣланныхъ указаній на нѣкоторыя неясности, можно поблагодарить г. Балеянаго за принятый имъ на себя трудъ познакомить читателей съ отрывкомъ воспоминаній Роммеля, относящимся къ его харьковской жизни. Какъ ни смутны, иногда не вѣрны, какъ ни субъективны эти воспоминанія, все таки изъ нихъ можно кое что извлечь будущему историку Харьковского университета за первое время его существованія. Но за то ужъ рѣшительно нельзя сказать ни одного добраго слова о корреспондентѣ Вѣстника Европы, К—омъ, выступившемъ съ печатнымъ отзывомъ о трудѣ Балеянаго“.

Спрашивается: насколько правъ въ своихъ заключеніяхъ относительно воспоминаній Роммеля Н. А. Лавровскій? Въ вопросѣ о *правдивости* Роммеля мы склонны стать болѣе на сторону Я. О. Балеянаго, чѣмъ Н. А. Лавровскаго, т. е. мы думаемъ, что Роммель въ своихъ воспоминаніяхъ *хотѣлъ говорить правду* и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ увлекался духомъ національной и партійной борьбы и исключительности. Это былъ несомнѣнно глубокопросвѣщенный чело-вѣкъ, съ честной, искренней натурой, стремившійся къ насажденію умственной культуры въ гостепріимно принявшей его Россіи. Правда, что онъ подобно всѣмъ тогдашнимъ европейцамъ, смотрѣлъ съ высока на русскую гражданственность и цивилизацію; онъ обращалъ вниманіе только на просвѣтительную миссію европейцевъ и не могъ даже оцѣнить, по незнанію русской жизни, тѣхъ культурныхъ задатковъ, которые существовали у насъ въ то время, и тѣхъ немногочисленныхъ дѣятелей и поборниковъ просвѣщенія, которые были русскаго происхожденія, выросли и воспитались въ русской средѣ. Говоря отрицательно о русскихъ, о ихъ

нятіе, продолжаетъ далѣе Роммель—о разнообразіи партій и характеровъ нашего университетскаго общества. Русскіе и иностранцы стояли вообще враждебно другъ противъ друга; съ первыми я вступалъ въ союзъ, когда шло дѣло объ интересахъ казны; со вторыми, во всѣхъ ученыхъ предприятияхъ. Перевѣсъ большинства былъ на сторонѣ нѣмцевъ; французы, сербы, венгры примыкали къ нимъ небольшими партіями“.

отсталости и т. п., онъ имѣлъ въ виду прежде всего тогдашнюю общественную среду, которая въ лицѣ многихъ своихъ представителей, еще чуждалась европейскаго образованія, въ особенности въ его университетской формѣ. Это же представленіе онъ отчасти переноситъ и на русскихъ профессоровъ и это потому, что ему съ ними пришлось въ свое время не мало воевать. При этомъ онъ, конечно, не могъ понять, что въ начинавшейся тогда уже реакціи повинны были не одни ретроградные, охранительные элементы русской профессорской партіи, а въ гораздо большей степени духъ времени, который именно вызывалъ ихъ къ дѣятельности; между тѣмъ „лучшаго“ времени—первыхъ лѣтъ въ жизни Харьковскаго университета (1805—1810) Роммель уже не засталъ. Тѣмъ не менѣе онъ все таки воздастъ должное тогдашнимъ виднымъ русскимъ профессорамъ—Рижскому, Осиповскому, а изъ постороннихъ, но близкихъ къ университету лицъ; Каразину и Биберайтину. Несправедливъ его отзывъ объ Успенскомъ; но и тутъ, какъ намъ кажется, въ этой несправедливой оцѣнкѣ онъ является съ своей точки зрѣнія правдивымъ.

Успенскій былъ несомнѣнно чрезвычайно талантливый человекъ и крупный для своего времени ученый. Но иностранные профессора, и въ томъ числѣ Роммель, по преимуществу сталкивались съ нимъ, какъ съ *синдикомъ*; эта же должность, по самому характеру своему, требовала тонкой юридической опытности, представлявшей Роммелю, незнакомому съ русской жизнью и законами, „умѣньемъ толковать вкривъ и вкосъ указы“; отсюда у него и представленіе объ Успенскомъ, какъ о „русскомъ крючкѣ“. Но мало того: и въ дѣятельности самого Успенскаго были повидному какія то черты, которыя вызвали мысль о крючкотворствѣ; въ доказательство этого мы можемъ сослаться на чрезвычайно важное свѣдѣтельство современника, который написалъ свои воспоминанія именно по поводу полемики, возникшей между К—пымъ и Н. А. Лавровскимъ; я имѣю въ виду воспоминанія Розальонъ-Сошальскаго, который былъ студентомъ во времена Успенскаго и даже его слушателемъ. „Правда заставляетъ меня сказать, говорить онъ, что дѣйствительно онъ (Успенскій) пользовался репутаціей крючка. Былъ очень свѣдушъ въ русскомъ законодѣніи, до изданія свода законовъ представлявшемъ истинный лабиринтъ, и въ русской исторіи; былъ очень уменъ и довокъ“. (Харьк. Губ. Вѣд. 1869, № 43). Нужно прибавить, что я спеціальныя занятія Успенскаго по русской исторіи требовали отъ него хорошаго знанія исторіи русскаго законодательства, ибо онъ обрабатывалъ на основаніи этого матеріала свой знаменитый опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Затѣмъ если мы обратимъ вниманіе на то, что собраніе и сводъ законовъ явились только въ Николаевскую эпоху, то мы совершенно поймемъ, почему за Успенскимъ въ глазахъ его читателей установилась репутація тонкаго и опытнаго юриста, а въ глазахъ враговъ—„крючка“. Но допуская нѣкоторое пристрастіе Роммеля въ отзывахъ о русскихъ профессорахъ, мы должны вспомнить, что они не составляютъ всего содержа-

Роммель принадлежалъ къ партіи иностранныхъ профессоровъ, самъ принималъ, какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ, горячее участіе въ борьбѣ, которая съ 1811 года велась въ совѣтѣ между русскими и иностранцами, и естественно, поэтому, что онъ отзывался крайне недружелюбно о той роли, какую играли въ дѣлахъ совѣта русскіе профессора, что тамъ есть масса другихъ данныхъ, въ которыхъ Роммель производитъ впечатлѣніе правдиваго, безпристрастнаго повѣствователя, не увлеченнаго духомъ партій; таковы, напримѣръ, его отзывы объ иностранныхъ профессорахъ и другихъ дѣятеляхъ, его картина мѣстной харьковской жизни, къ которой, вообще говоря, онъ относится съ сочувствіемъ. Правда онъ обвиняетъ мѣстныхъ дѣятелей во взяточничествѣ, но не огрублю, а только нѣкоторыхъ и въ томъ числѣ одного обрусѣвшаго нѣмца (харьковского полиціймейстера), съ которымъ ему самому пришлось имѣть дѣло; рассказавъ же о взяточничествѣ инспектора врачебной управы, онъ прибавляетъ: *relata refero*. Иностранныхъ профессоровъ онъ опять такъ изображаетъ не съ одними положительными, а и съ отрицательными чертами, и вообще нужно сказать, что они выступаютъ передъ нами какъ живые люди, со своими индивидуальными особенностями, чего бы, конечно, не могло быть, если бы онъ желалъ во чтобы то ни стало представить ихъ въ положительномъ видѣ. Конечно, его характеристики слишкомъ кратки и отрывочны, чтобы на нихъ можно было основать свой приговоръ надъ личностями тогдашнихъ дѣятелей; это скорѣе впечатлѣнія наблюдательнаго, честнаго человѣка, который онъ вынесъ изъ своего почти четырехлѣтняго пребыванія въ Харьковѣ и острога которыхъ сгладилась послѣ отъѣзда его изъ Россіи; прежніе интересы вытѣснились новою дѣятельностью, всецѣло поглотившей Роммеля. Но любопытно, что, будучи нѣмецкимъ патріотомъ, онъ питалъ всетаки добрыя чувства къ Россіи, какъ это видно изъ заключительныхъ строкъ его воспоминаній, гдѣ онъ выражаетъ полную признательность свою за радушное гостеприимство и за то, что во время пребыванія своего въ ней онъ расширилъ свой умственный горизонтъ.

Н. А. Лавровскій доказываетъ, что въ воспоминаніяхъ Роммеля нельзя видѣть „живого образа прошлаго“, ибо они писаны были сорокъ лѣтъ спустя послѣ отъѣзда его изъ Харькова, между тѣмъ какъ уже по истеченіи 20 лѣтъ харьковская жизнь представлялась ему чѣмъ то въ родѣ сна. Но дѣйствительно ли Роммель *написалъ* свои воспоминанія въ 1854 г., какъ думаетъ Н. А. Лавровскій? Нѣтъ! Они были только *изданы* въ этомъ году, составлены же гораздо раньше, по крайней мѣрѣ та часть ихъ, которая обнимаетъ и харьковский періодъ дѣятельности Роммеля (1810—1815) *написана была въ 1815 году*; объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Роммель въ концѣ этой 3-й главы (стр. 588 оригинала): *geschrieben im Jahre 1815*. Н. А. Лавровскаго ввело, очевидно, въ заблужденіе то мѣсто въ запискахъ Роммеля, гдѣ онъ, характеризуя Дюгюра, вспоминаетъ о встрѣчѣ съ нимъ въ тридцатыхъ годахъ въ Касселѣ; но оно свидѣтельствуетъ только о томъ, что Роммель, редактируя свои записки передъ выходомъ ихъ въ свѣтъ въ 1854 г., сдѣлалъ въ нихъ нѣсколько вставокъ, дающихъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ описанныхъ имъ лицъ; такія же свѣдѣнія онъ сообщаетъ относительно проф. Шада, Швейкардта и своей жены, захватывая такимъ образомъ, 1833 и даже 1844-й годъ. Да это и понятно: нужно полагать, что

сора. „Всѣ эти господа, говорить онъ, отличались большимъ притворствомъ и хитростью. Въ засѣданіяхъ совѣта хладнокровно и зорко слѣдили они за ходомъ споровъ, ловили каждое слово иностранцевъ, не всегда разборчивыхъ на выраженія, и умѣли пользоваться минутою, когда кто-нибудь изъ нихъ въ пылу спора увлекался открытымъ, без-

и побудило-то Роммеля составить записки о своей жизни, главнымъ образомъ, его путешествіе въ Россію; неудивительно поэтому, что онъ набросалъ ихъ въ 1815 году, немедленно по возвращеніи оттуда, именно подъ живыми еще впечатлѣніями недавняго прошлаго. Поэтому записки его, не смотря на краткость и отрывочность свою, довольно ярко рисуютъ это прошлое и даютъ не мало реальныхъ чертъ тогдашняго быта и нравовъ.

Конечно, и въ нихъ попадаются кое какія ошибки и неточности, но ихъ, во 1-хъ, не особенно много, а во 2-хъ, они могутъ быть исправлены сопоставленіемъ съ документальными данными. Первый опытъ такого сопоставленія сдѣлалъ самъ Н. А. Лавровскій, но при этомъ отнесся къ старичку Роммелю слишкомъ строго и потому несовсѣмъ справедливо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, разберемъ примѣры, указывающіе, по его мнѣнію, на отсутствіе правдивости и на ошибки Роммеля.

Роммель не связываетъ некрасиваго образа дѣйствій русскихъ профессоровъ въ совѣтскихъ засѣданіяхъ съ грубою выходкою Шада, обозвававшего своихъ коллегъ холопами. Онъ порицаетъ за это Шада и вообще рисуетъ его нравственную сторону далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ. Н. А. Лавровскій готовъ повидимому обвинить Роммеля во взяточничествѣ, основываясь на его собственномъ признаніи, что ему одинъ разъ пришлось взять въ подарокъ бочку икры. Но и этотъ фактъ (если бы онъ былъ вѣренъ) свидѣтельствовалъ бы о *правдивости* Роммеля, ибо онъ добровольно приписалъ себѣ дѣяніе, которое порицалъ у другихъ. Это во 1-хъ, а во 2-хъ, здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ не о взяткѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на текстъ Роммеля. Онъ отказался отъ взятки, предложенной ему молодымъ человѣкомъ, котораго онъ готовилъ къ экзамену, при чемъ узналъ впоследствии, что налъ честностью его посмѣялись и этотъ подарокъ (дрожки и пара лошадей) послалъ къ одному изъ русскихъ его коллегъ. „Но особенно возмутило меня, говорить Роммель, посольство директора Екатерининской гимназіи, который хотѣлъ получить высшій чинъ путемъ почетнаго экзамена“. Роммель отослалъ назадъ 500 руб., предложенные ему этимъ лицомъ. „Единственнымъ подаркомъ такого рода, который принялъ я разъ въ жизни, говорить Роммель, была бочка икры, присланная мнѣ священникомъ изъ окрестностей Архангельска“. Изъ приведенныхъ нами фактовъ видно, что Роммель не бралъ взятку и относился къ нимъ къ негодованіемъ; едва ли поэтому и бочка икры, полученная изъ отдаленнаго Архангельска, *не входившаго въ составъ Харьковского учебнаго округа*, отъ какого то священника, была *взяткой такого рода*; здѣсь Роммель говорить о себѣ проницески; очевидно, это былъ подарокъ отъ какого нибудь добродушнаго помора, который хотѣлъ такимъ образомъ выразить свою признательность Роммелю за какое-нибудь одолженіе съ его стороны; во всякомъ случаѣ, здѣсь нѣтъ на лицо корыстныхъ мотивовъ и потому на присылку икры мы должны смотрѣть, какъ на подарокъ, а не какъ на взятку. „Какъ смутно представлялся старику Роммелю, говорить Н. А. Лавровскій, Харьковскій универси-

разсчетомъ выраженіемъ своего мнѣнія". По этому поводу можно сказать, что въ разгарѣ партійной борьбы обѣ стороны не стѣснялись въ выборѣ средствъ, хотя, конечно, естественныя преимущества въ этомъ отношеніи были на сторонѣ русскихъ: они знали русскіе законы и русскую дѣйствительность, они хорошо помнили, чего нельзя было совсѣмъ касаться, между тѣмъ какъ иностранцы привыкли къ болѣе свободѣ у себя на родинѣ и имъ трудно было примириться со многими тогдашними явленіями русской жизни; неудивительно, поэтому, что они явля-

теть, когда онъ писалъ свои записки, видно изъ того, что онъ говоритъ только о трехъ факультетахъ (стр. 51), между тѣмъ какъ были и дѣйствовали въ его время всѣ четыре факультета: словесный, физикоматематическій, этикополитическій и медицинскій". Но тутъ опять неточность: Роммель въ сущности говоритъ не о трехъ, а о четырехъ факультетахъ; вотъ относящееся сюда мѣсто: „въ Харьковѣ было тогда только три факультета: этикополитическій, обнимающій и юриспруденцію, медицинскохимическій и словесный, въ Германіи называемый философскимъ. Къ послѣднему принадлежали преподаватели не только филологическихъ и историческихъ, но такъ же математическихъ и физическихъ наукъ". Такимъ образомъ, рѣчь идетъ здѣсь, какъ видимъ, обо всѣхъ четырехъ факультетахъ—этикополитическомъ (т. е. нынѣшнемъ юридическомъ), медицинскомъ, историкофилологическомъ и физикоматематическомъ; только два послѣдніе заключали въ себѣ одну философскую группу.

Мы разобрали всѣ факты, которые приводитъ Н. А. Лавровскій противъ Роммеля, и видимъ, что они не колеблютъ его правдивости; остаются въ полной силѣ только два замѣчанія критика—касательно неправдоподобности эпизода о чернильныхъ пятнахъ, которыми будто-бы одинъ изъ русскихъ профессоровъ испортилъ бумагу, заключающую въ себѣ проектъ о переводѣ университета изъ Харькова и 2) относительно невѣрности извѣстія Роммеля объ исполненіи имъ казначейской должности, хотя въ этомъ послѣднемъ случаѣ рѣчь могла идти не о казначейскихъ обязанностяхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а о ревизіи суммъ, которая дѣйствительно поручалась профессорамъ.

Но можетъ ли присутствіе нѣсколькихъ невѣрныхъ или, правильнѣе говоря, неточныхъ извѣстій (потому что и въ эпизодѣ о чернильныхъ пятнахъ Роммель сообщаетъ достовѣрное извѣстіе, но только даетъ ему невѣрное объясненіе) доказывать отсутствіе правдивости у мемуариста? Конечно, нѣтъ! Записки Роммеля являются дѣйствительно въ значительной степени живымъ отраженіемъ прошлаго, хотя, конечно, онѣ, какъ и всякій другой подобный источникъ, должны подѣ часть провѣряться документальными данными. При скудости другихъ частныхъ матеріаловъ для первоначальной исторіи Харьковскаго университета, они занимаютъ среди нихъ по праву первое мѣсто и въ общемъ являются весьма важнымъ и интереснымъ источникомъ.

Въ заключеніе своего критическаго экскурса укажемъ еще, что русскій переводъ записокъ Роммеля вызвалъ краткую замѣтку проф. Рославскаго-Петровскаго, занимавшагося, какъ извѣстно, также первоначальной исторіей Харьковскаго университета. Общій смыслъ замѣтки тотъ, что и записки Роммеля заслуживаютъ полнаго вниманія читателей, и переводъ исполненъ удовлетворительно. Рославскій-Петровскій жалѣетъ только, что Я. О. Балясный не оговорилъ нѣкото-

лись въ глазахъ нѣкоторыхъ своихъ русскихъ коллегъ вольнодумцами и либералами. Но само собою разумѣется, что характеръ и источники этого либерализма были у нихъ далеко не одинаковые; существовала цѣлая пропасть между благороднымъ, просвѣщенно-либеральнымъ и гуманнымъ направлеиємъ такихъ лицъ, какъ Швейкардтъ, Якобъ или Роммель, и развязною, анекдотическою болтливостью ничтожнаго Пакиде-Совиньи; совсѣмъ особое мѣсто занималъ опять таки въ этомъ отношеніи проф. Шадъ, яростный, какъ его называетъ Роммель, поборникъ просвѣщенія, совершенно не сдержанный, какъ въ устныхъ бесѣдахъ, такъ и въ своихъ писаніяхъ, чѣмъ и навлекъ на себя суровую кару начальства.

Первое проявленіе вражды между профессорами нѣмецкаго и французскаго происхожденія относится впрочемъ еще къ 1806 г.; тогда именно адъюнктъ Гамперле подалъ доносъ на Дюгура, обвиняя его въ политической неблагонадежности (предосудительныхъ сношеній съ Франціей). Дюгуръ оправдался и сумѣлъ заслужить себѣ полное довѣріе у попечителя Потоцкаго и даже въ самомъ министерствѣ. Но онъ все время въ Харьковѣ велъ борьбу съ нѣмецкой партіей, какъ самый видный и ловкій представитель французской группы профессоровъ и въ концѣ концовъ ему удалось, при помощи расположеннаго къ нему попечителя Потоцкаго, нанести страшный ударъ нѣмцамъ: глава нѣмецкой партіи „неистовый“ Шадъ былъ обвиненъ въ проповѣди вредныхъ идей и удаленъ изъ Россіи (въ 1816 г.). Съ удаленіемъ Дегурова, Шада, Гута, Белленъ-де-Баллю, Роммеля, Пильгера, Гизе, Якоба, Шнауберта, Кригера, Коритари, со смертію Шмерфельда, партія профессоровъ-иностранцевъ совершенно распалась и потеряла свое прежнее значеніе; при этомъ можно сказать, что она сама себя уничтожила внутреннимъ разладомъ.

рыхъ погрѣшностей Роммеля. Впрочемъ самъ онъ нашелъ „излишнимъ предпринимать оцѣнку записокъ Роммеля, какъ матеріала для исторіи Харьковскаго университета“ (въ виду статей Н. А. Лавровскаго и К—скаго); онъ только отмѣчаетъ заключающійся въ нихъ даанный для исторіи харьковскаго общества въ отечественную войну 12-го года, указываетъ нѣкоторыя неточности у Роммеля и высказываетъ сомнѣніе, чтобы его воспоминанія были написаны 40 лѣтъ спустя послѣ выѣзда его изъ Харькова; онъ дѣлаетъ догадку, что Роммель имѣлъ черновыя замѣтки, но подтверждаетъ ее только нѣкоторыми косвенными соображеніями (тѣмъ, наиримѣръ, что въ запискахъ много именъ и цифръ, которыя трудно было удержать въ памяти въ теченіе 40 лѣтъ).

Розальонъ-Сомальскій въ своихъ воспоминаніяхъ опровергаетъ извѣстіе Роммеля о полонофильскомъ настроеніи нѣкоторой части харьковскаго дворянства въ отечественную войну 12-го года; но онъ подтверждаетъ отчасти разсказъ Роммеля о полученіи докторской степени незаконнымъ сыномъ Хорвата-Дегаемъ и о взяткахъ, которыя брали профессора за магистерскія и докторскія промоціи.

Дольше всѣхъ держались вожди — Дюгуровъ и Шадъ, но и они ушли въ 1816 году; другіе стали уѣзжать еще раньше. Роммель выражалъ удовольствіе, что ему удалось уѣхать во время изъ Россіи и избавиться отъ послѣдствій того руссофильства, которое въ ней поднялось (съ 1812 г.). Онъ же сообщаетъ, что вмѣстѣ съ нимъ рѣшилъ покинуть Харьковъ и проф. Дегуровъ, при чемъ оба они кромѣ руссофильства еще спасались отъ опаснаго нездороваго харьковскаго климата, жертвою котораго недавно передъ тѣмъ сдѣлался ихъ товарищ Шмерфельдъ (онъ умеръ отъ тифозной горячки). Къ этому присоединялись еще и экономическія затрудненія, которыя стали испытывать профессора Харьковскаго университета (вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ) вслѣдствіе страшнаго паденія курса. А это послѣднее явилось результатомъ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ и въ особенности извѣстной пресловутой „континентальной системы“, введенной по мысли и желанію Наполеона и направленной противъ Англіи. Доведенные до крайности харьковскіе профессора подали въ 1810 году прошеніе на Высочайшее имя¹⁾, въ которомъ умоляли правительство прійти къ нимъ на помощь въ столь тяжелыхъ обстоятельствахъ. Прошеніе было подписано, какъ русскими, такъ и иностранцами. Но на него послѣдоваль отказъ, мотивированный тѣмъ, что въ подобномъ же положеніи находились и другіе чиновники имперіи и что обстоятельства могутъ измѣниться къ лучшему. Само собою разумѣется, что эта неудача должна была особенно поразить иностранцевъ, у которыхъ не могло быть особенной любви къ Россіи, которые являлись сюда, чтобы устроить прежде всего свое матеріальное благополучіе. Теперь этому именно матеріальному благополучію наносился весьма существенный ударъ, и они не могли имѣть даже такого утѣшенія, какое было у ихъ русскихъ товарищей, что они приносятъ эти жертвы на алтарь отечества, ибо родиной они все-таки считали свой европейскій фатерландъ. Правительство утѣшало ихъ, что положеніе вещей можетъ измѣниться къ лучшему; но они плохо вѣрили въ это. Политическій горизонтъ все болѣе и болѣе заволакивался тучами. Между союзниками (императоромъ Александромъ I и Наполеономъ) охлажденіе постоянно увеличивалось; возникали взаимныя неудовольствія и пререканія, ясно доказывавшія, что союзъ этотъ ненормаленъ, и что онъ долженъ скоро смѣниться борьбою не на жизнь, а на смерть между владыкою Европы Наполеономъ и единственнымъ государствомъ на континентѣ, остававшимся внѣ сферы его политическаго владычества, — Россіей. Ино-

¹⁾ Его мы приведемъ въ оригиналѣ въ главѣ о бытѣ и нравахъ университетской среды.

странные профессора съ ужасомъ ждали этой развязки: они, конечно, были вполне убѣждены, что Россію постигнетъ жестокая судьба, которая окончательно подорветъ ихъ благосостояніе и сдѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ Россіи. Имъ угрожало также взрывъ „русофильства“, т. е. неудовольствіе противъ всѣхъ вообще иноземцевъ, которое дѣйствительно вызвано было „народною“ войною 12-го года. Его одинаково боялись, какъ нѣмцы, такъ и французы; а эти послѣдніе должны были опасаться особенной реакціи противъ себя, какъ представители націи „Великаго Наполеона“ и въ большинствѣ случаевъ его горячіе почитатели.

Постепенно измѣнялась также и внутренняя политика русскаго правительства вообще и отношеніе къ университетскому самоуправленію Министерства народнаго просвѣщенія въ частности. Въ 1812 году надъ совѣтомъ Харьковскаго университета разразилась гроза, вызванная его столкновеніемъ съ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ вѣдѣніи университета, какъ мы знаемъ, находились всѣ учебныя заведенія огромнаго Харьковскаго учебнаго округа. Завѣдываніе ими составляло одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ профессорской коллегіи; въ особенности тяжело и неудобно было разбирать разныя ссоры и дразги, происшедшія въ сферѣ преподавательскаго персонала гимназій и уѣздныхъ училищъ. Одно изъ такихъ дѣлъ — ссора курскихъ педагоговъ, — поступившее на разсмотрѣніе совѣта, послужило причиною прискорбнаго столкновенія харьковскихъ профессоровъ съ министромъ. Не касаясь сущности его, рассказанной въ статьѣ Н. А. Лавровскаго ¹⁾, мы только замѣтимъ, что министръ отмѣнилъ постановленіе совѣта объ удаленіи отъ должности нѣкоторыхъ уволенныхъ имъ учителей, и для новаго разсмотрѣнія дѣла на мѣстѣ командировалъ экспедитора своей канцеляріи Дунинъ-Борковскаго. „Эти распоряженія министра, будемъ говорить словами Н. А. Лавровскаго, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на университетъ и вызвали большую тревогу. Университетъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ вдвойнѣ: въ своихъ правахъ и въ своемъ достоинствѣ. По уставу 1804 г. окончательное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, касающихся училищъ и гимназій, не только учебныхъ, но и спорныхъ и тяжбныхъ, предоставлено было училищному комитету и университетскому правленію, а потому на вмѣшательство министра совѣтъ взглянулъ, какъ на явное нарушеніе своихъ правъ, утвержденныхъ Высочайшею волею. Въ назначеніи министерскаго чиновника для суда надъ дѣйствіями университет-

¹⁾ „Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета“ (Ж. М. Н. Пр. 1869 г., ч. CXLV, № 10, стр. 249—260).

скаго совѣта, которому и комитетъ и правленіе были обязаны отчетностію, университетъ видѣлъ величайшее оскорбленіе своего достоинства. Начался рядъ бурныхъ засѣданій совѣта. Трудно представить себѣ волненіе, овладѣвшее профессорами, большинство которыхъ состояло изъ иностранцевъ, имѣвшихъ особенно высокое понятіе объ университетской автономіи. Ректоръ Стойковичъ не только не сдерживалъ и не умѣрялъ этого возбужденнаго состоянія совѣта, но еще поддерживалъ и усиливалъ его, такъ какъ въ его интересѣ было отстоять всѣ состоявшіяся рѣшенія по Курскому дѣлу, въ которомъ онъ дѣйствовалъ не безъ произвола и стороннихъ побужденій, о чемъ можно заключать изъ его переписки съ Любарскимъ....“ Нѣсколько далѣе Н. А. Лавровскій прямо обвиняетъ Стойковича въ слишкомъ большой короткости отношеній къ директору Любарскому, „которая для участниковъ въ дѣлѣ могла имѣть гораздо болѣе ясный смыслъ, чѣмъ для насъ въ настоящее время“, и говорить, что на него падаетъ главная часть вины за Курскіе безпорядки. „Оскорбленный въ своихъ правахъ совѣтъ принялся упорно отстаивать эти права, и здѣсь онъ былъ по идеѣ совершенно правъ, стоя на твердой почвѣ устава; но онъ повидимому былъ несправедливъ въ излишнемъ довѣрїи къ донесеніямъ ректора, завѣдывавшаго училищнымъ комитетомъ, что и вызвало сначала обращеніе учителей прямо къ министру, а потомъ строгія мѣры министра относительно совѣта“. Совѣтъ, по большинству голосовъ (Стойковича, Осиповскаго, Делявина, Книгина, Шада, Гизе, Ванотти, Дрейсига, Роммеля, Нельдехена и Ланга), оправдалъ всѣ свои прежнія рѣшенія по Курскому дѣлу, признавъ ихъ вполнѣ законными и не только не суровыми, но даже снисходительными; отмѣну же этихъ рѣшеній онъ считалъ очень вредной и подрывающей авторитетъ университета и потому возставалъ противъ назначенія Дунина-Борковского. „Министръ былъ крайне недоволенъ этимъ опредѣленіемъ и считалъ необходимымъ употребить самыя рѣшительныя мѣры противъ дѣйствій профессоровъ. Представленіе совѣта было препровождено имъ въ комитетъ министровъ, и вотъ постановленіе послѣдняго, какъ оно изложено въ отношеніи Харьковскаго губернатора Бахтина въ университетъ отъ 8 ноября 1812 г., за № 835: профессоръ, подписавшихъ мнѣніе о непризнаніи назначенія Дунина-Борковского, „призвать въ Харьковское губернское правленіе и сдать имъ строжайшій выговоръ, съ подтвержденіемъ, что ежели впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду“. Совѣтъ, не ожидавшій такихъ послѣдствій, рѣшилъ принести повинную. И первымъ дѣломъ его было принять мѣры къ тому, чтобы отсрочить исполненіе грознаго приговора. Къ счастью губернаторомъ былъ тогда извѣстный уже намъ

Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, и словомъ, и дѣломъ выражавшій свое расположеніе къ Харьковскому университету. Онъ согласился не приводить въ исполненіе этого приговора до тѣхъ поръ, пока не получитъ отвѣтъ на коллективную просьбу профессоровъ о его смягченіи. А просьбу эту онъ отправилъ эстафетой въ Петербургъ при своемъ отношеніи. Вотъ ея текстъ въ русскомъ переводѣ (оригиналъ былъ составленъ по французски): „Сіятельныйшій графъ! Письмо, которое ваше сіятельство изволили препроводить въ совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета, и предписаніе, которое получилъ г. Харьковскій губернаторъ, поразили всѣхъ насъ удивленіемъ и горестью. Никогда ни одинъ изъ насъ не питалъ въ сердцѣ своемъ намѣренія нарушать законы Имперіи и уклоняться отъ повиновенія министру, котораго мудрость и благодѣянія мы не далѣе какъ полтора года тому назадъ прославляли съ чувствомъ живѣйшей благодарности. Одна изъ статей нашего устава, неточно понятая, вовлекла совѣтъ въ ошибку важную, но совершенно невольную, такъ какъ никто не предвидѣлъ ея. Сдѣлавшіе ее готовы понести наказаніе, которое на нихъ наложено. Но совѣтъ университета осмѣливается просить васъ, сіятельныйшій графъ, простить минутное заблужденіе. Полагаясь на ваше великодушіе и на то особенное расположеніе, которое вы всегда изволили изъявлять въ отношеніи къ Харьковскому университету, совѣтъ довелъ до свѣдѣнія г. губернатора Бахтина, что онъ вошелъ съ представленіемъ къ вашему сіятельству, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ г. губернатора пріостановить, до полученія вашего отвѣта, исполненіе полученнаго имъ предписанія. Благоволите, сіятельныйшій графъ, оказать университетскому совѣту снисхожденіе, просимое имъ для большинства его членовъ или, лучше сказать, для всего его состава. Если ваше сіятельство не изволите признать возможнымъ отмѣнить вполне наказаніе, то благоволите уменьшить его торжественность, лишивъ его гласности. Совѣтъ умоляетъ насъ о томъ во имя наукъ, коихъ вы покровитель, во имя народнаго просвѣщенія, успѣхамъ котораго силится содѣйствовать каждый изъ насъ, наконецъ, во имя достоинства, котораго никогда не должно быть лишено управленіе важнаго національнаго учрежденія, въ особенности такого, какъ университетъ, имѣющій высокія обязанности и могущій безъ страха сослаться на свидѣтельство вашего сіятельства относительно того усердія, съ коимъ онъ ихъ исполняетъ. Совѣтъ университета счелъ долгомъ присоединить къ этой покорной просьбѣ журналъ своего настоящаго засѣданія, изъ коего, какъ онъ надѣется, вы, сіятельныйшій графъ, благоволите усмотрѣть нѣкоторые обстоятельства, могущія уменьшить въ вашихъ глазахъ сдѣланную совѣтомъ ошибку“.

Вотъ подлинный текстъ совѣтскаго постановленія: „*pluralitate votorum decretum est juxta § 166 nominatum Dunin Borkovsky, qua visitatorem agnosci non posse in rebus litterariis et toto circulo universitatis, utque aliquis visitator superioris ordinis mittatur, de qua re ad excellentissimum ministrum representetur*“¹⁾.

Извѣстный уже намъ отвѣтъ министра на это постановленіе былъ полученъ 6 ноября 1812 г. Тогда же профессоръ Шумляинскій заявилъ, что члены совѣта пострадали по винѣ *одного* человѣка—ректора Стойковича—и его поддержали всѣ присутствовавшіе въ засѣданіи 10 іюля члены совѣта, за исключеніемъ профессора Дрейсига²⁾.

Но справедливость побуждаетъ насъ замѣтить, что это было не совсѣмъ вѣрно; очевидно, совѣтъ растерялся и рѣшилъ приписать всю вину Стойковичу, надъ которымъ въ это время велось слѣдствіе по жалобѣ адъюнкта Васильева. Само собою разумѣется, что разъ члены совѣта признали свой протестъ противъ назначенія ревизоромъ Дунинъ-Борковскаго незаконнымъ, *главнымъ* виновникомъ его оказывался Стойковичъ, но только *главнымъ*, а не *единственнымъ*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно вспомнить, что не только Стойковичъ, а и всѣ остальные члены совѣтскаго большинства, съ Шадомъ во главѣ, высказались противъ назначенія ревизоромъ министерскаго чиновника³⁾.

¹⁾ Acta, 1812 г., стр. 286.

²⁾ Приведемъ подлинную выдержку объ этомъ изъ совѣтскаго протокола 6 ноября: выслушавъ приказъ министра, проф. Шумляинскій, „*motus commiseratione quod tot membra universitatis reprehensionem patiantur ore tenus proposuit, unam tantum personam fuisse et esse, quae poenam illam apud auctoritatem meruit; ea autem persona rector universitatis est, quippe qui in sessione 10 julii postquam proscriptum excellentissimi ministri de misso visitatore Dunin-Borkovsky perlectum fuerat, usus est adhortatione ad membra senatus Academici directa, tum ore tenus prolata (simul proponens, ut protocollo inscribatur, se rectoratum depositurum, si res ita processerint), tum scripta perlectaque (quam finita sessione secum abstulit, nec ad acta dedit, quo omni jure pertinebat), ita quidem, ut argumentationibus ejus proritati et excitati contra proscriptum Excelentissimi Administri opiniones dederint, quae ipsi placebant. Quam rem revera ita factam fuisse et professorem Schumlansky vera dixisse (vota postulante professore Ossipovsky, qua prorectore) omnes ii, qui sessioni 10 julii interfuerant testati sunt. Professor Giese addidit, se quidem audivisse, quae rector prolegerat, expressiones tamen in memoriam revocare non posse. Professor Dreysig se testem esse in hac re abstinuit*“ (Acta, 1812, стр. 380—381).

³⁾ Обширное и прекрасно мотивированное мнѣніе по этому вопросу, со ссылками на §§ устава, гарантирующіе автономію университета, высказано было именно Шадомъ: оно пѣликомъ вошло въ протоколъ совѣта и къ нему примкнули Гизе, Ванотти, Дрейсигъ, Роммель, Нельдехенъ, Лаугъ; что же касается Стойковича, то онъ высказалъ самостоятельное предложеніе слѣдующаго содержанія: „*opinor, ut aliquis superioris ordinis mittatur pro re Kurscii inquirenda*“. Такимъ образомъ, Шадъ въ своей оппозиціи пошелъ дальше Стойковича.

Въ отвѣтъ на прошеніе совѣта гр. Разумовскій сообщилъ, что не въ его власти отмѣнять постановленіе комитета министровъ, но онъ, въ виду раскаянія профессоровъ въ ихъ проступкѣ, рѣшилъ сдѣлать негласный выговоръ; что же касается ссылки ихъ на ректора Стойковича, къ мнѣнію котораго они присоединились, то „сіе не мало не извиняетъ ихъ, поелику каждый за собственное мнѣніе отвѣтствовать обязанъ“. Смягченіе приговора допущено было и въ другомъ существенномъ пунктѣ — ревизоромъ назначенъ былъ не министерскій чиновникъ (противъ чего собственно и возставалъ только совѣтъ), а профессоръ Московскаго университета Дзигубскій. Этотъ послѣдній далъ заключеніе совершенно почти согласное съ рѣшеніемъ по этому дѣлу совѣта.

Таково было это печальное дѣло, совпавшее къ тому же съ общимъ тяжелымъ настроеніемъ, вызваннымъ началомъ войны 12-го года. Оно, естественно, должно было произвести гнетущее впечатлѣніе на членовъ совѣта, поставленныхъ въ крайне щекотливое и неудобное положеніе какъ передъ своимъ прямымъ начальствомъ и представителями другихъ вѣдомствъ въ Харьковѣ, такъ въ особенности передъ мѣстной педагогической средой. Высокій авторитетъ университета, какъ автономной корпорации, надѣленной, благодаря довѣрію къ нему Верховной власти весьма широкими правами и прерогативами, долженъ былъ неминуемо уменьшиться, какъ въ самомъ Харьковѣ, такъ и въ огромномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ, въ глазахъ многочисленныхъ представителей учебнаго вѣдомства — директоровъ и учителей гимназій, уѣздныхъ училищъ и т. п. Фактъ выговора (хотя и негласнаго) не могъ, конечно, остаться неизвѣстнымъ, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, канцелярская тайна должна была получить широкое распространеніе въ публикѣ, съ массою легендарныхъ прибавленій и преувеличеній. Благодарною средою для распространенія подобныхъ разсказовъ должна была явиться та часть харьковскаго общества, которая, по сообщенію Ромеля, относилась съ нескрываемою завистью къ привилегированному положенію университета и его профессоровъ. Эта зависть и недружелюбное отношеніе особенно сильно должны были развиваться вслѣдствіе учрежденія при университетѣ извѣстнаго уже намъ комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ, не бывшихъ въ университетѣ, но желавшихъ получить высшіе чины.

Но изложенный нами „инцидентъ“ не имѣлъ все-таки такихъ печальныхъ послѣдствій для Харьковскаго университета, какъ возникшее вслѣдъ за нимъ громкое дѣло о предосудительныхъ дѣйствіяхъ ректора Стойковича. Первое ослабило, если можно такъ выразиться, юридическое

значеніе университета, второе сильно подорвало его нравственный авторитетъ. Къ этому-то „дѣлу“ мы теперь и переходимъ ¹⁾).

Мы касались уже отчасти вопроса о ректорствѣ Рижскаго и Стойковича и сдѣлали при этомъ краткую характеристику того и другого (стр. 214—215). Теперь мы остановимся на этомъ нѣсколько подробнѣе, основываясь на новыхъ данныхъ—документахъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Въ этихъ документахъ мы находимъ чрезвычайно важный для насъ отзывъ о Рижскомъ и его дѣятельности въ качествѣ ректора со стороны наиболѣе авторитетнаго и компетентнаго лица, которому лучше всѣхъ другихъ была извѣстна непрерывная и плодотворная его работа—со стороны попечителя округа, гр. Потоцкаго. И это мнѣніе имѣетъ для насъ тѣмъ болѣе значеніе, что касается не одного Рижскаго, а и другихъ кандидатовъ на ректорскую должность, и при томъ высказано было въ три различные момента его управленія—въ 1805, 1808 и 1810 гг. „Попечитель Харьковскаго учебнаго округа, сообщало главное правленіе училищъ министру П. В. Завадовскому, основываясь на донесеніи графа Потоцкаго, представилъ правленію, что совѣтъ Харьковскаго университета 5 ноября 1804 г. занимался выборами ректора на будущій 1805 годъ. Трое изъ профессоровъ—Шадъ, Шумлянскій и Рижскій имѣютъ равное, болѣе передъ прочими, число шаровъ. Попечитель присоединяетъ, что рачительное отправление должности Рижскимъ въ теченіе настоящаго года убѣждаетъ отдать справедливость его усердію и дѣятельности и что благоустройство университета и введеніе должнаго порядка, замѣченный вашимъ сіятельствомъ въ бытность въ Харьковѣ сего года, должно также отнести къ его попеченіямъ. По симъ причинамъ и для пользы университета онъ за нужное признаетъ предоставить на будущій годъ званіе ректора Рижскому, доказавшему уже способность свою въ отпращиваніи его. Главное правленіе училищъ, будучи согласно съ симъ мнѣніемъ, проситъ ваше сіятельство исходатайствовать ему Высочайшее въ ономъ званіи утвержденіе“. (Михайло Муравьевъ, Ѳедоръ Клингеръ, Степанъ Румовскій, Николай Озерецковскій, Николай Фусъ, правитель дѣлъ Иванъ Мартыновъ) ²⁾. Чрезвычайно

¹⁾ Его довольно подробно изложилъ Н. А. Лавровскій (въ спеціальной статьѣ о Стойковичѣ, помѣщенной въ Читеніяхъ Моск. общ. исторіи и древностей (1873, кн. 2-я, стр. 1—38). Но мы рѣшились вновь пересмотрѣть этотъ вопросъ, въ виду его важности и въ виду того, что въ нашемъ распоряженіи имѣется не мало новыхъ и важныхъ матеріаловъ. Мы пользовались: 1) особымъ дѣломъ о доносѣ Васильева на Стойковича (Дѣло правленія 1812—1813 гг., по архиву № 736, по карт. № 36), 2) протоколами совѣта (Акта 1812 г.) и 3) документами, извлеченными нами изъ архива министерства народнаго просвѣщенія; точныя ссылки на нихъ читатель найдетъ ниже.

²⁾ Архивъ мин. нар. просв. № 5528, по картону 153; 1805 г.

интересенъ отзывъ графа Потоцкаго о совѣтскихъ выборахъ на 1808 г., отзывъ, касающійся не только двухъ кандидатовъ на должность ректора, но и кандидатовъ на должность декановъ; на эту послѣднюю оказались избранными одни иностранцы; попечитель отмѣчаетъ это обстоятельство и объясняетъ его ихъ интригами; объясненіе это имѣетъ въ нашихъ глазахъ большое значеніе, въ виду того, что онъ, вообще говоря, относился къ иностраннымъ профессорамъ съ большою симпатіей. „Милостивый государь, графъ Петръ Васильевичъ, писалъ графъ Потоцкій. Прилагая при семъ въ подлинникѣ доставленный ко мнѣ совѣтомъ Харьковскаго университета списокъ выборовъ, происходившихъ по случаю назначенія ректора и декановъ на сей 1808 годъ, я поставляю долгомъ донести вашему сіятельству, что выборы сіи давно бы могли быть представлены на утвержденіе вашего сіятельства, если бы г. профессоръ Осиповскій, избранный по большинству шаровъ въ ректоры, не отказался отъ этого званія по слабости здоровья; но какъ послѣ сего случая университетъ не представлялъ мнѣ о выборѣ другого вмѣсто г. Осиповскаго, то я принужденнымъ нашелся отложить оный до пріѣзда моего въ Харьковъ. Нынѣ по соображенію всѣхъ обстоятельствъ, до сего предмета относящихся, полагалъ бы относительно выбора ректора утвердить въ семъ званіи профессора Рижскаго, который, какъ вашему сіятельству извѣстно, и прежде сего исправлялъ должность его съ отличнымъ усердіемъ. Что же касается до г. профессора Осиповскаго, то онъ, оставаясь при должности непремѣннаго заสѣдателя, тѣмъ полезнѣе будетъ университету, ибо едва ли кто-нибудь другой изъ профессоровъ можетъ оную исправлять съ такою же точностію и стараніемъ. Относительно же выбора декановъ я долженъ замѣтить, что въ случаѣ утвержденія г. Рижскаго въ званіи ректора, остаются деканами токмо одни иностранные профессора; изъ сего можно заключить, что избраніе сихъ послѣднихъ произошло отъ начавшейся недавно въ университетѣ интриги между нѣкоторыми изъ сихъ профессоровъ, посредствомъ коей они надѣются получить преимущественную предъ другими власть управлять по большинству голосовъ университетскими дѣлами. При таковыхъ обстоятельствахъ и самый старательный ректоръ не имѣлъ бы возможности дѣйствовать безпрепятственно въ пользу университета, да и я самъ едва ли въ состояніи былъ бы отвѣчать за всѣ безпорядки и упущенія, какіе отъ незнанія ихъ російскаго языка, законовъ и порядка дѣлъ неминуемо должны произойти; по симъ причинамъ не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству изъ числа выбранныхъ иностранныхъ профессоровъ оставить деканами Де-Баллю и Шада, вмѣсто же другихъ двухъ — Делявина и Коритаря — утвердить въ семъ

званіи профессоръ Шумлянскаго и Стойковича, изъ коихъ первый заслуживаетъ преимущество по числу шаровъ при выборѣ ректора, а послѣдній, при извѣстной дѣятельности, соединяетъ совершенное познаніе русскаго языка“ ¹⁾ (16 февр. 1808 г.). На слѣдующій 1809 годъ ректоромъ избранъ былъ снова Рижскій, а деканами Тимковскій, Стойковичъ, Шумлянскій и Де-Баллю; по поводу этихъ выборовъ гр. Потоцкій писалъ министру: „одобряя съ своей стороны совершенно выборъ означенныхъ профессоровъ, какъ способнѣйшихъ чиновниковъ къ управленію дѣлами университета, я покорнѣйше испрашиваю утвержденія ихъ въ семь званій“ ²⁾. По поводу ноябрьскихъ выборовъ 1810 г. (на слѣдующій 1811 годъ) попечитель писалъ министру графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому: „совѣтъ Харьковскаго университета, въ бывшихъ сего 9-го ноября выборахъ чиновниковъ на будущій 1811 годъ, избралъ единогласно въ ректоры университета ординарнаго профессора и нынѣшняго ректора Рижскаго; деканами отдѣленій избраны по большинству голосовъ: нравственно-политическихъ наукъ—проф. Тимковскій, физико-математическихъ—проф. Делявинъ, врачебныхъ—проф. Дрейсигъ, который, однако же, въ присутствіи совѣта отъ сего званія отказался, а потому и выборъ падаетъ на слѣдующаго за нимъ по большинству шаровъ—проф. Шумлянскаго и, наконецъ, словесныхъ наукъ—профессора Дюгура. Представляя о таковыхъ выборахъ совѣта на утвержденіе вашему сіятельству, я почитаю долгомъ при семъ случаѣ обратить начальническое вниманіе ваше на отличную службу профессора Рижскаго, который избирается уже въ шестой разъ въ ректорское званіе. Столь многократные выборы служатъ несомнительнымъ доказательствомъ отличительныхъ достоинствъ сего чиновника и той довѣренности и уваженія, каковыя приобрѣлъ онъ отъ своихъ сотоварищей. При всѣхъ многозаботливыхъ занятіяхъ по званію ректора, не оставляя онъ никогда трудиться и по должности профессора, занимался при этомъ изданіемъ полезныхъ сочиненій, изъ коихъ извѣстнѣйшія суть: Курсъ словесности и печатаемое нынѣ издивеніемъ Императорской Россійской Академіи пространное сочиненіе подъ заглавіемъ: Наука стихотворства. По симъ уваженіямъ, я приѣмлю смѣлость поручить профессора Рижскаго въ особенное благорасположеніе вашего сіятельства, признавая его при томъ достойнымъ награжденія за отличіе слѣдующимъ чиномъ при первомъ удобномъ случаѣ“ ³⁾ (Одесса, 26 ноября 1810 г.).

¹⁾ Архивъ мин. народ. просв., № 5670, по картону 154; 1808 г.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Архивъ мин. нар. просв., № 5739, по картону 155; 1810 г.

И эти отзывы вполне сходятся съ тѣмъ всеобщимъ уваженіемъ, какимъ пользовался Рижскій, какъ ректоръ, профессоръ и ученый, и какое нашло себѣ яркое выраженіе на его похоронахъ. Послѣ всѣхъ этихъ документальныхъ свидѣтельствъ, мы, конечно, не можемъ принять на вѣру той характеристики, какую даетъ Рижскому его преемникъ по ректорской должности хитрый Стойковичъ, въ своемъ прошеніи на имя министра народнаго просвѣщенія. Унижая заслуги своего предшественника, онъ этимъ самымъ хотѣлъ возвысить въ глазахъ начальства собственную личность; при томъ онъ могъ говорить въ конфиденціальномъ письмѣ о мертвомъ все, что угодно—никто его не могъ обличить. Одинъ разъ—въ 1807 году—Стойковичу удалось даже добиться завѣтной цѣли своихъ стремленій—ректорской должности. И получилъ онъ ее благодаря главнымъ образомъ попечителю, какъ это видно изъ представленія этого послѣдняго министру. „Совѣтъ Харьковскаго университета, писалъ гр. Потоцкій, на основаніи устава въ засѣданіи своемъ 4 ноября занимался избраніемъ ректора на будущій 1807 годъ. По большинству голосовъ избраны въ сіе званіе профессоръ хирургіи Шумлянскій и профессоръ физики Стойковичъ, изъ которыхъ каждый получилъ пять избирательныхъ и пять неизбирательныхъ голосовъ. Оба они, сколь извѣстно мнѣ, достойны сей чести, которой удостоиваетъ ихъ сословіе университета. Я съ своей стороны предпочтительно желаю, чтобы сіе мѣсто занималъ русскій, какъ знающій языкъ и обыкновенія страны. Но профессоръ Стойковичъ, будучи родомъ изъ карпатороссовъ, легко могъ научиться и усилъ въ русскіи языкѣ и имѣлъ довольно времени познать обыкновеніе той страны; онъ можетъ похвастаться почти русскимъ. При томъ посѣщая разные иностранные университеты, онъ видѣлъ многія полезныя заведенія, которыя могутъ быть введены равнымъ образомъ и въ нашъ университетъ; такимъ образомъ, избраніемъ его на сіе мѣсто соединится та польза, каковой должно надѣяться отъ ректора, знающаго обычаи русскіе въ производствѣ дѣлъ, и будутъ отвращены разные толки, могущіе произойти со стороны иностранныхъ профессоровъ, если ректорское достоинство будетъ оставаться всегда между одними русскими. Посему покорнѣйше прошу ваше сіятельство исходатайствовать оному Стойковичу Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе въ званіи ректора на будущій 1807 годъ“¹⁾ (28-го ноября 1806 года).

Не смотря однако на поддержку попечителя, не смотря на удобство своего положенія (его считали своимъ и иностранные, и русскіе профессора), Стойковичъ не удержался болѣе года на ректорской долж-

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв., № 5604, по картону 154, 1806 г.

пости и въ слѣдующемъ году опять долженъ былъ уступить свое мѣсто Рижскому.

Но вотъ Рижскій умираетъ въ 1811 году; его обязанности начинаетъ исправлять бывший тогда проректоромъ Стойковичъ; онъ хочетъ теперь прочно утвердиться въ должности ректора и съ этою цѣлью вносить прозкъ о замѣнѣ годовичнаго срока ректорства трехгодичнымъ; очевидно, онъ не рассчитывалъ на постоянную поддержку большинства и хотѣлъ такимъ образомъ упрочить свое положеніе. Впрочемъ нельзя отрицать и того, что новая система, и сама по себѣ, имѣла нѣкоторые преимущества предъ прежней. Если Рижскій много сдѣлалъ для университета, то главнымъ образомъ потому, что оставался такъ долго на своемъ посту. Но между нимъ и Стойковичемъ была огромная разница въ томъ отношеніи, что онъ былъ почти безсмѣннымъ ректоромъ, не смотря на ежегодные выборы, благодаря своей высокополезной и безупречной дѣятельности. Стойковичъ же стремился къ власти и для упроченія ея хотѣлъ замѣнить годовичный срокъ трехгодичнымъ. Дальнѣйшія событія показали, что онъ не могъ остаться въ должности и одного трехлѣтія и долженъ былъ съ позоромъ выйти въ отставку.

Донося непосредственно министру о смерти Рижскаго, Стойковичъ при этомъ писалъ: „еще при болѣзни г. ректора нашего университета, о коего смерти правленіе на сей почтѣ доносить вашему сіятельству, вступилъ я въ званіе проректора. По уставу безсумнѣнно я сію должность отправлять долженъ до новаго выбора ректора, который (выборъ) здѣсь бываетъ въ началѣ ноября. Но я осмѣливаюсь донести вашему сіятельству, что нынѣшнее положеніе нашего университета требуетъ, по моему мнѣнію, нѣкоторой перемѣны. Закосненіе и медленность въ дѣлахъ, проистекшія отъ болѣзненнаго состоянія покойнаго ректора, смерть его, а прежде его двухъ адъюнктовъ—Билинскаго и Рейниша, увольненіе проф. Гута и адъюнкта Кригера, а въ прошломъ году проф. Якоба и Коритарія, кромѣ сего вакансія нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ каедръ произвели въ университетѣ пустоту. Нужно дать дѣламъ быстрое теченіе, нужно оживотворить наши занятія; сіе же не въ состояніи сдѣлать годовичный ректоръ, пропускающій многое для того, чтобы избранъ былъ на слѣдующій годъ; но нужна долгая дѣятельность одного и того же человѣка. Посему покорнѣйше прошу ваше сіятельство, дабы вамъ, по милостивому ко мнѣ благорасположенію, благоугодно было представить меня на утвержденіе на большее время. Его сіятельство графъ, нашъ попечитель, хотя и предложилъ университету, чтобы ректора выбрать на три года, но какъ выборъ видно случился не по его желанію, представилъ о утвержденіи его на одинъ годъ. Я счастли-

вымъ себя почту, ежели, получивъ одобреніе вашего сіятельства, ревностію, усердіемъ и дѣятельностію потщусь доказать, что не недостойно представили къ утвержденію. Впрочемъ, предоставляя все сіе единой прозорливости вашей, знающей лучше, что для блага университета нужно, пребываю съ глубочайшимъ высокопочтваніемъ, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга проректоръ А. Стойковичъ¹⁾. (20 марта 1811 г.).

Изъ этого письма видно, что Стойковичъ не только желалъ перемѣнить годичный срокъ на трехгодичный, а и хотѣлъ вообще нанести рѣшительный ударъ университетской автономіи, предлагая самому министру *помимо совѣта назначить* его ректоромъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ; онъ прекрасно понималъ, что ректоръ, назначенный правительствомъ, могъ бы пользоваться несравненно болѣе обширною властію, чѣмъ выборный, а въ его характерѣ, очевидно, лежало стремленіе къ такимъ широкимъ прерогативамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуешь и Роммель. Таковъ былъ этотъ честолюбецъ, который выставлялъ себя въ совѣтѣ однако защитникомъ университетскаго самоуправленія. Впрочемъ и министерство не захотѣло трогать выборнаго начала, хотя отнеслось сочувственно къ его предложенію о трехгодичномъ срокѣ для ректорской должности. На прошеніе Стойковича послѣдовала такая резолюція министра: „предложить университету избрать ректора установленнымъ порядкомъ“. По поводу же срока гр. Разумовскій вошелъ съ докладомъ на Высочайшее имя слѣдующаго содержанія: „по смерти утвержденного на текущій годъ въ ректоры Харьковскаго университета ординарнаго профессора онаго коллежскаго совѣтника Рижскаго предложено было отъ меня университету сдѣлать въ ректоры новый выборъ. Вслѣдствіе чего большинствомъ голосовъ избранъ въ сіе званіе ординарный профессоръ физики коллежскій совѣтникъ Стойковичъ. При семъ случаѣ обязанностію поставляю представить Вашему Императорскому Величеству, что по университетскимъ уставамъ въ ректоры положено избирать ежегодно. Но таковая ежегодная перемѣна ректоровъ сопряжена съ великими неудобствами. Должность сія требуетъ неусыпнаго попеченія, занятія множествомъ подробностей, строгаго наблюденія и взысканія на учащихся и учащихся и на всѣхъ чиновникахъ, по хозяйственной части употребляемыхъ, къ чему не инако достигнуть можно, какъ опытностію черезъ долговременное упражненіе получаемою; при частой же перемѣнѣ ректоръ едва успѣетъ, такъ сказать, приглядѣться ко всему, какъ уже наступаетъ срокъ его смѣны. Во время ректорства, замѣчая разныя неисправности,

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв., № 5756, карт. 156, 1811 г.

побуждаемый участіемъ къ общественной пользѣ, обращеніемъ на себя вниманія начальства, онъ употреблялъ бы все стараніе къ изобрѣтенію средствъ противу неисправностей, но всѣ таковыя побужденія ослабѣваютъ при краткости времени его начальства, рождающей опасеніе оставить другому плоды трудовъ его. Опасаясь оскорбить того, кто вскорѣ можетъ заступитъ его мѣсто, онъ предпочтетъ снисхожденіемъ своимъ обрѣсти и для себя подобное же снисхожденіе. Наконецъ, долговременная привычка подчиненныхъ видѣть надъ собою одного и того же начальника усугубляетъ уваженіе къ нему и повиновеніе. По симъ причинамъ избраніе ректора въ Московскомъ университетѣ, по соизволенію Вашего Императорскаго Величества, происходитъ черезъ каждые три года; равно и въ Виленскомъ университетѣ ректоръ избирается на три же года. Причины сіи побуждаютъ меня ходатайствовать у Вашего Императорскаго Величества, дабы избраніе ректора въ Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ производимо было равнымъ образомъ чрезъ каждые три года. Если Вашему Величеству благоугодно будетъ изъявить на сіе Высочайшее соизволеніе, то я приѣмлю смѣлость испрашивать и на утвержденіе Стойковича въ званіи ректора на три года, т. е. до наступленія будущаго 1814 года¹⁾. На подлинномъ подписано: быть по сему. Александръ ¹). (26 мая 1811 г.).

Въ этомъ докладѣ, какъ видимъ, подробно развита та мысль, которая была проведена и въ прошеніи Стойковича—что ректоръ, избираемый на короткій срокъ, не можетъ быть достаточно самостоятеленъ, находясь въ зависимости отъ своихъ избирателей. Такимъ образомъ, въ министерствѣ существовало желаніе поднять престижъ ректорской власти и при томъ не только среди учащихся и чиновниковъ университета, а и среди учащихся, т. е. профессоровъ. Стойковичъ, очевидно, зналъ о такомъ настроеніи въ Петербургѣ и заботился главнымъ образомъ о милостивомъ вниманіи къ нему начальства (министра и попечителя), которые и при выборномъ началѣ могли все таки помочь ему въ достиженіи ректорской должности, несмотря на оппозицію, существовавшую противъ него въ профессорской коллегіи. И дѣйствительно, со стороны попечителя, по крайней мѣрѣ, существовало нѣкоторое давленіе на выборы. М. И. Сухомлиновъ изобразилъ намъ Потоцкаго, какъ попечителя, который не вмѣшивался во внутреннія дѣла университета и только сохранялъ за собою высшее руководство надъ дѣломъ народнаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Но такая характеристика не вполне соответствуетъ дѣйствительности и требуетъ во всякомъ случаѣ значительныхъ оговорокъ. Факты свидѣтельствуютъ, что Потоцкій, въ

¹⁾ Ibidem.

первые годы своего попечительства (до 1811 г.), хотя и проживалъ въ Харьковѣ, но очень внимательно слѣдилъ даже за мелкими дѣлами въ дѣятельности университета, высказывалъ свои соображенія, замѣчанія, давалъ свои заключенія и—что всего важнѣе—подчасъ позволялъ себѣ прямое вмѣшательство въ такія дѣла, которыя принадлежали по уставу исключительно компетенціи университета и его органовъ. Такъ было, напримѣръ, въ вопросѣ о выборѣ почетныхъ членовъ. Мы уже знаемъ, что онъ представилъ въ совѣтъ списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ, по его мнѣнію, нужно было избрать въ почетные члены, и былъ очень недоволенъ, когда совѣтъ дѣлалъ отступленіе отъ этого списка (стр. 253). Намъ извѣстно также, что и въ выборѣ ректора, декановъ, производствѣ профессоровъ Потоцкій нерѣдко расходился съ мнѣніемъ совѣта и дѣлалъ по этому поводу свои собственные представленія. Изъ письма Стойковича оказывается, что онъ также стоялъ за трехгодичный срокъ ректорской должности, но когда избрано было на этотъ постъ негодное ему лицо, то представилъ его только на одинъ годъ.

Вообще можно сказать, что съ 1811 г. уже началось въ правящихъ сферахъ нѣкоторое недовѣріе къ широкой университетской автономіи и на фонѣ его разыгрывались и тѣ эпизоды, о которыхъ мы повѣствуемъ—Курскій инцидентъ и дѣло Стойковича. Стойковичъ первый почувствовалъ нѣкоторую переменѣну режима и рѣшилъ воспользоваться для своихъ личныхъ цѣлей. Оказалось, что въ одномъ частномъ случаѣ онъ зашелъ слишкомъ далеко (въ просьбѣ о назначеніи его ректоромъ *помимо* совѣта); но за то въ общемъ онъ вѣрно понялъ характеръ новой эры—стремленіе усилить единоличную власть на счетъ коллегиальной.

Спрашивается теперь, какъ же воспользовался новый ректоръ своимъ положеніемъ? Для такого честолюбиваго и корыстолюбиваго челоѣка, какимъ былъ Стойковичъ, новое его положеніе открывало чрезвычайно широкіе перспективы. Онъ былъ владыкой не только въ университетѣ, а и во всемъ огромномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ, обнимавшемъ кромѣ нѣсколькихъ великорусскихъ губерній всю лѣвобережную Малороссію, Новороссію (съ Крымомъ включительно), область войска Донскаго и Черноморскаго и Сѣверный Кавказъ. По пространству это было цѣлое европейское государство; въ составъ его, въ качествѣ одной только части, входило Новоросійское генераль-губернаторство, во главѣ котораго стоялъ тогда знаменитый Дюкъ де Ришелье. Всѣ учебныя заведенія—среднія и низшія, правительственныя и частныя,—находились въ прямой зависимости отъ Харьковского университета и при томъ не только въ учебномъ, но и въ хозяйственно-административномъ отношеніи. Понятно, каково было значеніе новаго ректора, который

впервые былъ утвержденъ, согласно своей просьбѣ, Верховною властію на три года и отличался, какъ мы знаемъ, непомернымъ честолюбіемъ. Огромное значеніе имѣло также то случайное обстоятельство, что ректорство Стойковича совпало съ отѣздомъ попечителя Потоцкаго въ Варшаву. Хотя и до сихъ поръ онъ не имѣлъ постоянного мѣстопробыванія въ Харьковѣ, но все таки всѣ дѣла проходили чрезъ его руки и кромѣ того онъ ежегодно навѣщалъ Харьковскій университетъ и учебный округъ. Теперь же онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву въ отпускъ, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ, съ увольненіемъ отъ всѣхъ дѣлъ по должности попечителя. Университетъ и округъ, такимъ образомъ, остались безъ высшей власти, постоянно примирявшей до того разнообразныя интересы, устранявшей борьбу, пререканія, взаимное соперничество, контролировавшей, наконецъ, и власть самого ректора. Отсутствие попечителя имѣло, по нашему мнѣнію, крайне вредныя результаты для Харьковскаго университета: главнымъ образомъ, благодаря ему внутреннія неурядицы и борьба партій и приняла теперь такіе большіе размѣры, приобрѣли такой ожесточенный, острый характеръ. Вслѣдствіе отѣзда Потоцкаго, Стойковичъ могъ во всю ширь развернуть свою политическую дѣятельность по университету и округу. Никѣмъ не сдерживаемый и не контролируемый, онъ теперь дѣйствовалъ нерѣдко по произволу и преслѣдовалъ при этомъ свои личныя цѣли и выгоды. Одно назначеніе и увольненіе учителей и директоровъ, которымъ пользовался онъ, какъ предсѣдатель училищнаго комитета, ставило въ зависимость отъ него цѣлую армію педагоговъ. Съ другой стороны, въ качествѣ предсѣдателя правленія и совѣта, вѣдавшихъ хозяйственную часть, онъ, естественно, входилъ въ дѣловыя сношенія съ массою купцовъ, подрядчиковъ, рабочихъ и т. п. Однимъ словомъ, соблазнъ брать подарки и взятки для не особенно устойчиваго въ нравственномъ отношеніи человека былъ очень великъ, особенно если принять во вниманіе, что взяточничество въ то время было очень распространеннымъ, можно сказать, обычнымъ явленіемъ и къ нему не особенно строго относилось само общество. Едва ли можно также сомнѣваться въ томъ, что взяточничество было и въ университетѣ. Объ этомъ категорически свидѣтельствуетъ Роммель, а его свидѣтельство подтверждаетъ Розаліонъ-Сошальскій. Д. И. Каченовскій относилъ его свидѣтельство къ русскимъ профессорамъ, Н. А. Лавровскій — къ иностранцамъ, самъ же Роммель имѣлъ въ виду и тѣхъ, и другихъ, и если существовала нѣкоторая разница между ними, то, повидимому, только въ томъ, что первые брали взятки преимущественно съ частныхъ лицъ, а вторые предпочитали наживаться на счетъ казны. Само собою разу-

мѣется, что взятки брали только *нѣкоторые* профессора, другіе же относились къ нимъ съ такимъ же негодованіемъ, какъ Роммель; можно даже предполагать, что большинство было свободно отъ этого порока; во всякомъ случаѣ лучшіе представители, какъ русской, такъ и иностранной партіи, имѣютъ въ этомъ отношеніи незапятнанную репутацію (Осиповскій, Рижскій, Тимковскій, Успенскій, Швейкардтъ, Гутъ, Якобъ, Роммель и др.).

Что же касается Стойковича, то онъ, какъ человѣкъ безъ высшихъ нравственныхъ устоевъ, широко воспользовался своимъ привилегированнымъ положеніемъ для удовлетворенія своего честолюбія и корыстолюбія. Онъ забылъ, что на своемъ высокомъ и отвѣтственномъ посту онъ долженъ былъ служить примѣромъ для другихъ, сохранять незапятнанной свою репутацію, поставить себя даже виѣ всякихъ подозрѣній на этотъ счетъ, ибо *rector magnificus* является представителемъ университета, его чести и достоинства, и всякій проступокъ главы университетской коллегіи ложится тяжелымъ бременемъ не только на немъ самомъ, но и на всей корпораціи, и при томъ имѣетъ несравненно болѣе печальныя послѣдствія, чѣмъ подобное же дѣяніе, учиненное простымъ, рядовымъ членомъ ея. Стойковичъ же былъ публично обвиненъ Васильевымъ въ обкрадываніи казны и сверхъ того общество было убѣждено, что онъ бралъ взятки за производство молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, въ разныя ученые степени магистра и доктора. Въ этомъ послѣднемъ преступленіи его категорически обвиняетъ современникъ, бывший питомецъ Харьковского университета, Розальонъ-Сошальскій, напечатавшій свои воспоминанія подъ вліяніемъ спора о достовѣрности сообщеній Роммеля. Вотъ его свидѣтельство о Стойковичѣ: „теперь перехожу къ торгѣ въ университетѣ дипломами на ученые степени магистра и особенно доктора, которые давали права при вступленіи въ службу переименоваться въ титулярные совѣтники и коллежскіе ассесоры. Что это былъ фактъ неоспоримый и началось по смерти Рижскаго въ 1811 или въ 1812 году, со вступленіемъ Стойковича въ должность ректора,—было извѣстно въ Харьковѣ всѣмъ и каждому и послужило поводомъ къ запрещенію выдавать дипломы на высшія ученые степени или что-то въ родѣ этого“. Здѣсь слѣдуетъ вспомнить, что около этого времени былъ изданъ законъ, потребовавшій университетскаго диплома для полученія чина коллежскаго ассессора; для чиновниковъ же, не получившихъ высшаго образованія, были учреждены въ 1810 г., какъ мы знаемъ, особые курсы и экзамены при университетѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о дипломѣ въ то и безъ того чиновное время получилъ весьма важный практическій интересъ,

въ особенности для сыновей богатых помѣщиковъ; отцы же ихъ твердо вѣровали, что золотымъ ключемъ можно отпереть всякій сундукъ, и готовы были на значительныя денежныя жертвы, лишь бы облегчить своимъ дѣтямъ трудъ прохожденія службы, цѣлю которой являлось главнымъ образомъ полученіе чиновъ. Объ огромномъ значеніи табели о рангахъ въ тогдашнемъ харьковскомъ обществѣ (да и въ одномъ ли харьковскомъ? вѣришь, во всемъ русскомъ обществѣ) свидѣлствуютъ и Роммель, и Розальсонъ-Сошальскій.

Стремись отовсюду получать доходы, съѣдаемый корыстолюбіемъ, Стойковичъ не упускалъ случаевъ обогащаться на счетъ казны, не смотря на то, что въ качествѣ ректора, онъ долженъ былъ быть блюстителемъ казенныхъ интересовъ. Намъ удалось найти въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія одинъ документъ, изъ котораго видно, что еще раньше обвиненія, возбужденнаго адъюнктомъ Васильевымъ, съ него требовали объясненія по поводу аналогичнаго случая. Дѣло въ томъ, что Стойковичъ выписалъ себѣ изъ заграницы 98 бочекъ вина и вступилъ въ споръ съ таможеней по поводу размѣровъ причитающихся съ него таможенныхъ пошлинъ. Онъ опѣнилъ свое вино въ 433 руб. (по мѣстнымъ славонскимъ дѣнамъ); таможня же опредѣлила его стоимость въ 2970 руб.; онъ назвалъ его простымъ славонскимъ; таможня же считала краснымъ венгерскимъ; онъ назвалъ посуду, въ которыхъ оно находилось, боченками; таможня же готова была считать ихъ бочками. Сверхъ того Стойковичъ ходатайствовалъ, чтобы Высочайше предписано было таможѣ брать съ профессоровъ отнынѣ пошлину только за всѣ самихъ книгъ, исключая переплеты. Таможня отправила свое отношеніе по этому дѣлу къ министру финансовъ, тотъ къ министру народнаго просвѣщенія, а этотъ послѣдній потребовалъ въ 1811 году объясненія отъ правленія университета. Правленіе дало отъ себя краткій отзывъ и приложило къ нему обширное разъясненіе самого Стойковича. Оно составлено съ такимъ искусствомъ и на столько вообще характерно, что мы воспроизведемъ его здѣсь съ буквальною точностью; а передъ нимъ для полноты помѣстимъ и отзывъ правленія.

„Вслѣдствіе предложенія вашего сіятельства отъ 14 числа прошедшаго іюля подъ № 2258 правленіе сіе, истребовавъ отъ ректора университета и кавалера Стойковича объясненіе о выписанныхъ имъ изъ заграницы 2-хъ ящикахъ съ книгами и 20-ти бочкахъ съ виномъ, имѣетъ честь представить оное на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства, при-
совокупляя къ сему, 1-е, что книги, выписанныя имъ г. Стойковичемъ въ прошломъ 1806 году, суть польскія сочиненія, кои поручено было

ему Стойковичу отъ университета выписать для университетской библиотеки, а потому хотя онѣ въ таможи записаны пропущенными на его имя, но онѣ въ счетъ книгъ его собственныхъ не поступаютъ; 2-е, что въ 1809 году привезено книгъ принадлежащихъ г. Стойковичу 551, всѣ переплетенныя въ полуфранцузской переплетъ, т. е. въ политуру съ кожанымъ корнемъ, въ томъ числѣ: въ четвертку 17, въ осьмушку 442 и въ 12 долю 92, за которыя, полагая пошлинные деньги по указу 15 февраля 1807 года, слѣдуетъ 79 рублей 75 коп. Непременный засѣдатель Тимофей Осиповскій. Деканъ Павелъ Шумлянскій. Августа 12 дня 1811 года¹⁾.

„Честь имѣю представить оному правленію какъ профессоръ, писалъ Стойковичъ, потребованное отъ меня объясненіе: 1-е, относительно трехъ увражей, 2-е двухъ ящиковъ съ книгами, 3-е вина, привезенныхъ изъ чужихъ краевъ на мое имя, и пропущенныхъ чрезъ Радзивиловскую таможию, по силѣ привилегіи, Высочайше дарованной профессорамъ университетовъ.

1. *Относительно до трехъ сочиненій*, пропущенныхъ на мое имя черезъ таможию, я для себя таковыхъ никогда не выписывалъ; а что для университета выписаны мною польскія сочиненія не три, но больше, о томъ и правленію извѣстно.— Сочиненія г. Самойломъ Линде, сочинителемъ великаго словаря славянскихъ языковъ, изъ Варшавы присланы на мое имя потому, что университетъ чрезъ меня писалъ, такъ какъ университетъ чрезъ меня выписывалъ и юридическія книги для себя и разныя другія сочиненія для Екатеринославской гимназіи, наконецъ, и шесть учителей славянской націи для своего округа и проч.

2. *Относительно двухъ ящиковъ книгъ*. Кто имѣлъ счастье обучаться въ Геттингенскомъ или другомъ какомъ германскомъ университетѣ, тотъ знаетъ, какъ легко и дешево можно мало по малу, на продолжающихся чрезъ цѣлый годъ аукціоновъ, купить для себя величайшее количество книгъ. Три года съ половиною, которые я тамъ провелъ, и путешествія по Германіи и Италіи дали мнѣ случай снабдить себя книгами, ко всѣмъ частямъ учености относящимися, особливо же по части физической.— Въ то время, когда попечитель сего университета чрезъ русское посольство, находящееся въ Вѣнѣ, предлагалъ мнѣ не занятое физики профессора мѣсто, я, по многократномъ его предложеніи, принявъ оное, политическими обстоятельствами принужденъ былъ выѣхать изъ Вѣны, не бывъ даже дома (что въ Славоніи), и не сдѣлавъ никакого распоряженія въ имѣніи своемъ, котораго я и былъ и есмь единственный наслѣдникъ, и не взявъ съ собою

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв., № 5747, картонъ 156, 1811 г.

ни книгъ и ничего нужнаго. Проходя здѣсь службу съ ревностію, какъ надѣюсь, начальству извѣстною, купилъ я мало по малу за нѣсколько тысячъ рублей книгъ, и поелику книги по моей части все еще не доставали у меня, ни въ библіотекѣ нашего университета не существовали, то я выписалъ вдругъ свои собственные, а на какой конецъ выписалъ оныя, такъ же извѣстно начальству, знающему сколько я уже издалъ сочиненій на русіи́йскомъ мнѣ не матернемъ языкѣ. Всѣ почти сочиненія, объ которыхъ я говорю въ своей физикѣ, въ сочиненіи о воздушныхъ камняхъ и въ послѣднемъ о предохраненіи себя отъ молній, находятся въ собственной моей библіотекѣ. А поелику я сіи сочиненія покупалъ съ переплетомъ, поелику выписывалъ ихъ для пользы новаго моего отечества съ большими издержками, поелику Его Императорское Величество Государь Императоръ изъ указа о переплетенныхъ книгахъ исключилъ университеты, академіи и гимназіи, то я прошу оное правленіе представить его сіятельству господину министру народнаго просвѣщенія, для испрошенія у Государя Императора изъятія и для профессоровъ отъ сего указа, когда они выписываютъ старыя книги единственно для пользы отечества, какъ я сіе сдѣлалъ. Ибо какая причина принудила меня выписать сіи книги? вѣрно не интересъ, а рвеніе къ службѣ. И какая причина побудитъ другихъ профессоровъ выписывать книги, ежели они вмѣсто признательности за труды свои, поставлены будутъ на одной линіи съ книгопродавцами? Впрочемъ, правленію извѣстно, что профессоръ Гутъ гораздо болѣе получилъ книгъ изъ чужихъ краевъ, нежели я имѣлъ, и за переплетъ ничего не заплатилъ.

3. *Относительно вина*, я по сей статьѣ отвѣчаю на слѣдующіе вопросы: 1-е, какое вино, славонское ли или венгерское?... 2-е, что оно стоитъ въ Славоніи, 433 р. или 2970 р.? 3-е, на какой предметъ оно выписано и 4-е, почему сосудамъ я далъ другое имя на таможнѣ?

1) Кто покупалъ вино, кто его отправлялъ отъ мѣста покупки до границы, кто чрезъ границу препровождалъ, всякой тотъ имѣетъ ясное доказательство въ рукахъ, какое должно быть вино — славонское ли или венгерское; но я покупалъ вино и покупалъ въ Славоніи, т. е. на родинѣ своей, сказалъ сіе въ отношеніи моемъ въ таможнѣ, доказалъ свидѣтельствомъ, даннымъ мнѣ отъ продавца Игнатія Станковича, утвержденнымъ печатью его и своеручно писаннымъ, на которомъ означено мѣсто Рафенъ или Ровеница по-сербски, которое есть деревня и монастырь въ Сремѣ (что въ Славоніи). Ровеница отстоитъ отъ родины моей полторы милею, т. е. десятью верстами, между сербскими монастырями Язакъ и Гергетекъ. Мѣста сіи ежели не означены на ландкартѣ, то есть въ Санктпетербургѣ русской столповой дворянинъ Алек-

сандръ Ивановичъ Тургеневъ, который первый изъ россиянь, путешествуя по земли Сербской, во всѣхъ сихъ мѣстахъ былъ и знаетъ, что Ровеница есть не во Венгрии, а въ Славоніи, во Фрушкой такъ называемой горѣ, шесть миль отъ Карловца, мѣста сербскихъ митрополитовъ. *Когда* честной человѣкъ и говорить, а колыми паче *когда* писать, *когда* сіе доказываетъ законнымъ свидѣтельствомъ, *когда* сей честной человѣкъ есть чиновникъ Имперіи, тогда таможня должна вѣрить его словамъ, а особливо тогда, когда сей чиновникъ *служитъ такъ, какъ я служу*. По какому праву можетъ она по своему произволу давать чуждыя имена вещамъ, которыя повидимому ей неизвѣстны? Но остановимся на наименованіи венгерскаго краснаго вина, каковымъ таможня назвала вино, мнѣ принадлежащее. Подъ словомъ венгерскаго вина разумѣютъ по всѣмъ частямъ Россіи токайское вино, слѣдовательно, и сіе бы красное вино, должно быть красное токайское; но на цѣлой цѣпи Токайскихъ горъ, простирающейся длиною на пятнадцать миль, никогда не было и нѣтъ ни одного зерна краснаго винограда. Но предполагая, что оно есть токайское красное, то по какому щету таможня полагаетъ его цѣну въ 2970 рублей, когда такое количество токайскаго вина по крайней мѣрѣ бы двадцать тысячъ рублей стоило? Остается, слѣдовательно, чтобы сему вину быть Ерлаугскому, Будимскому (Budienne), Саксардскому (Sexardiense), Святеандрейскому (Sen-Endriense), или наконецъ Минешскому (Ménésense), ибо сіи суть сорта винъ красныхъ въ Венгрии; но вина сіи такъ различествуютъ другъ отъ друга и отъ вина, мною выписаннаго, какъ французское отъ донскихъ или волошскихъ. Почему таможня не означила имя вина, когда его предполагаетъ быть венгерскимъ, ибо слово венгерское вино ничего не означаетъ? Къ доказательствамъ симъ я прилагаю у сего копію счета коммисіонерскаго, въ которомъ оно означено простымъ сремскимъ, т. е. славонскимъ виномъ, коммисіонеръ же, получивши вино, по письмамъ, къ нему писаннымъ, оное наименовалъ.

2) По накладной, данной отъ г. Станковича, отправившаго оное вино, значить, что онъ посылаетъ „98“ ведеръ Австрійскихъ (аймеровъ); я же купилъ у него „100“ аймеровъ, какъ онъ самъ въ вышеупомянутомъ и отъ меня въ таможню препровожденномъ свидѣтельствѣ пишетъ, въ которомъ ясно сказано, что онъ отъ меня получилъ 1300 гульденовъ банковыми нотами; курсъ же въ то время, какъ можно видѣть изъ Вѣнскихъ газетъ, имѣющихся вѣрно въ Петербургѣ, на примѣръ, у посланника австрійскаго, тогда былъ „30“ гульденовъ червонецъ, которые дѣлаютъ сорокъ три червонца и одну треть, а поелику тогда червонецъ былъ десять рублей, то сіе и дѣлаетъ 433 руб. 33 коп., такъ какъ я

писалъ въ таможенію и какъ теперь повторяю. Ежели таможиѣ сіе покажется дешево, то потому, что таможенное вино покупаютъ для себя у жиновъ, и не покупаютъ его въ Славоніи, а покупаютъ въ Радзивиловѣ; извѣстно же, какъ сей народъ торгуетъ. Когда таможня говорить о заграничныхъ цѣнахъ, то она не можетъ о другихъ, какъ о Бродскихъ цѣнахъ говорить, а что оно въ Бродахъ можетъ около трехъ тысячъ стоять, сіе есть безсумѣнно; но здѣсь не испрашивается, по чему сіе вино можно въ Бродахъ купить, а спрашивается, по чему я его купилъ, я же сказалъ, свидѣтельствомъ доказалъ и теперь повторяю, что я купилъ за 1300 флориновъ, и требую непременно, чтобы мнѣ всякой вѣрилъ, когда я такимъ образомъ доказываю. Ежели взять провозъ изъ Славоніи до Бродъ, т. е. съ одной стороны отъ границы турецкой въ другую сторону до границы російской, чрезъ всю имперію австрійскую; ежели взять, что изъ Венгріи въ Галицію или изъ Галиціи въ Броды платится питейная подать, ежели взять, что жидъ или всякой другой купецъ, торгующій виномъ, оное безъ барыша не отдастъ, то безсумѣнно въ Радзивиловѣ уже столько платить за вино надобно. Но сомнѣваться въ томъ, что вино стоитъ 433 руб. въ моей родинѣ, значить тоже самое, что сомнѣваться, бывши въ Петербургѣ, ежели кто пріѣхавшій изъ Харькова скажетъ, что здѣсь можно купить иногда возъ арбузовъ за рубль, между тѣмъ, какъ въ Петербургѣ рублями платятъ за одинъ арбузъ, или что здѣсь ведро хорошихъ вишенъ продаютъ за тридцать копѣекъ, когда въ Петербургѣ за десятокъ платятъ рубль. Сія страшная разность въ одномъ и томъ же государствѣ служить доказательствомъ, что таковая разность можетъ гораздо легче и должна даже случиться, когда продукты проходятъ изъ государства, изобилующаго ими, въ другое государство, гдѣ ихъ весьма мало. Кому изъ ученыхъ или по крайней мѣрѣ читавшихъ статистику Венеціи неизвѣстно, что часто случалось такое изобиліе винограда, что хозяева столько ведеръ вина всякому даютъ, во сколько ведеръ бочки получаютъ. Сіе ежели неизвѣстно таможиѣ, оспаривать нельзя, ибо довольно есть венгровъ въ Петербургѣ, которые сіе, въ статистикахъ напечатанное, можетъ быть опытомъ видѣли; при семъ разительномъ примѣрѣ, можетъ ли еще послѣ оваго таможня означать цѣну вина?

3) Извѣстно университету и самому г. министру народнаго просвѣщенія, его сіятельству графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому, что я послѣ почти семилѣтняго моего служенія при университетѣ, въ различнѣйшія будучи употребляемъ должности, въ одно и тоже время, и занимая даже кромѣ своей, чрезъ теченіе трехъ лѣтъ, катедру сельскаго домоводства, я столь разстроилъ свое здоровье, что по увѣренію

медиковъ въ одномъ только путешествіи, въ дыханіи отечественнымъ воздухомъ и въ употребленіи минеральныхъ водъ спасеніе найти могу. Къ несчастію моему политическія обстоятельства, принудившія меня оставить отечество свое, за семь лѣтъ предъ симъ, еще не перемѣнились при поѣздкѣ моей въ Австрію, и я, находясь тамъ въ непріятномъ положеніи, употреблялъ минеральныя воды, все отчаяваясь въ выздоровленіи, и только въ Славоніи дыша воздухомъ, въ которомъ свѣтъ узрѣлъ, и питаюсь плодами, щедро излитыми на сей край рукою природы, началъ выздоравливать; но въ Славоніи нельзя мнѣ было долго прожить, потому что причиною путешествія моего предполагали быть не нездоровье, и Аргусовыми глазами смотрѣли на меня по предписанію выше. Ежели я, слѣдовательно, самаго того плода, который возвратилъ мнѣ здоровье, вывезъ съ большими издержками, то само по себѣ разумѣется, что сіе для употребленія, ибо кто только чрезъ семь лѣтъ можетъ видѣть свое отечество, почему таковому человѣку не употребить нѣкую сумму для своего удовольствія, особливо ежели онъ издержки таковыя понестъ въ состояніи, какъ я сіе могу.

4) Наконецъ, относительно наименованія сосудовъ (предполагая, что ихъ наименовалъ я боченками, ибо, какъ я ихъ наименовалъ, не припомню, не оставя у себя копіи съ отношенія моего въ таможеню), то оное должно изъяснить слѣдующимъ образомъ. Въ Славоніи и Венгріи сербы называютъ сосудъ отъ одного до шести ведеръ венгерскихъ, т. е. отъ 4 до 24 русскіихъ, не именемъ рода, но именемъ вида, т. е. одно, два, три, четыре, пять, шесть ведеръ. Иногда употребляютъ италянское слово барило. — Отъ шести до пятнадцати ведеръ называютъ буре, сирѣчь бочка, отъ 50 до 300 ведеръ, т. е. 1200 русскихъ, называется ардоеръ, которое различіе существуетъ ли въ русскіихъ языкѣ не знаю, слѣдовательно, поелику всѣ мои сосуды меньше нежели 6 ведеръ венгерскихъ, я ихъ по моему понятію иначе и назвать не могу какъ боченками, я же писалъ по своему понятію. — Въ Россіи называютъ продолговатую рюмку покаломъ, а у сербовъ въ Славоніи подъ именемъ покала разумѣется сосудъ, въ которой входитъ немножко больше, нежели шампанская бутылка вина; и такъ какъ здѣсь пьютъ за здоровье изъ бокаловъ своихъ, такъ и тамъ пьютъ изъ бокаловъ же. Слѣдовательно, ежели бы я, говоря о здѣшнемъ покалѣ, назвалъ покальчикомъ, то бы сіе справедливо было по моему понятію о сербскихъ покалахъ. Совершенно такъ справедливо есть и наименованіе сосудовъ боченками, въ сравненіи венгерскихъ бочекъ. Впрочемъ всякой народъ, имѣетъ свою единицу для мѣры, и понятія наименованій различныхъ мѣръ относить къ сей своей единицѣ. А поелику бочки, по законамъ

таможни, пропускаются при свѣтѣ дня, то какъ бы я ихъ не назвалъ, не нужно было таможнѣ къ названію прицѣпляться, которое не есть существо вещи.

Изяснивъ такимъ образомъ предметъ сей, покорнѣйше прошу оваго правленія: во 1-хъ, представить сіе мое объясненіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я его даю, высшему начальству; во 2-хъ, представить его сіятельству господину министру народнаго просвѣщенія невыгоды, встрѣчающіяся при покупкѣ книгъ въ чужихъ краяхъ профессорами на аукціонахъ, и объ испрошеніи сей Монаршей милости профессорамъ, занимающимся ревностною службою, чтобы за переилетъ старыхъ книгъ не платили; въ 3-хъ, ежели пожитки, выписываемые профессорами изъ чужихъ краевъ, должны быть считаемы по цѣнамъ тамошнимъ, то и цѣну вина поставить въ четыреста тридцать три рубля; если же по цѣнамъ здѣшнимъ, то по опредѣленію таможни. Профессоръ А. Стойковичъ ¹⁾. 6 августа 1811 года⁴.

Къ сожалѣнію, у насъ не было подъ руками полного текста той бумаги таможни, которая вызвала только что приведенную отвѣдь Стойковича, хотя о содержаніи ея можно судить по отвѣту этого послѣдняго. Во всякомъ случаѣ, полагаемъ, у всякаго читателя послѣ прочтенія объясненія Стойковича должно сложиться подозрѣніе, что онъ хотѣлъ заплатить пошлины за вино гораздо меньше, чѣмъ было нужно въ дѣйствительности, желалъ, какъ говорится, выгадать на этомъ дѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ „наказать казну“. И хотя его объясненіе представляетъ въ своемъ родѣ шедевръ искусства и ловкости, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ все таки выдаетъ себя слишкомъ натянутыми доводами. Таковы его разясненія касательно боченковъ: не смотря на всѣ его доказательства или, правильнѣе говоря, вслѣдствіе ихъ у насъ невольно складывается убѣжденіе, что это были не боченки, а бочки. Въ самомъ дѣлѣ изъ его же словъ оказывается, что въ каждомъ изъ этихъ боченковъ было нѣсколько менѣе 24 русскихъ ведеръ вина; а если въ нихъ было по 20 ведеръ, то это были уже не боченки, а скорѣе бочки. За тѣмъ Стойковичъ въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ говоритъ о самомъ важномъ пунктѣ въ этомъ дѣлѣ — о *назначеніи вина*. Изъ его словъ видно, что онъ предназначалъ это вино исключительно для собственнаго употребленія; но насъ невольно поражаютъ размѣры заказа; таможня оцѣнила его почти въ 3000 р.; Стойковичъ же говоритъ, что если бы это было красное токайское, то стоило бы по крайней мѣрѣ 20000 руб.; самъ онъ оцѣнилъ его въ 433 р., но нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта оцѣнка сильно приуменьшена, хотя

¹⁾ Ibidem.

онъ и старается всячески насъ убѣдить, что за такую сумму оно именно было куплено на мѣстѣ въ Славоніи и даже ссылается въ доказательство на счетную квитанцію продавца. Смущаетъ насъ также и то обстоятельство, что таможня сочла это вино не простымъ славонскимъ, а венгерскимъ: должна же она была имѣть для этого какія-нибудь основанія! Невольно припоминается здѣсь, что въ слѣдующемъ 1812 г. Стойковичъ былъ обвиненъ Васильевымъ въ безошлинномъ провозѣ именно *венгерскаго вина*. Въ концѣ концовъ, если *оправдательной* записки Стойковича и недостаточно для обвиненія его въ нарушеніи казеннаго интереса, то онъ все-таки долженъ быть оставленъ въ сильномъ подозрѣніи по этому дѣлу. Во всякомъ случаѣ дѣло это прошло для него вполне безнаказанно, да и по существу своему явилось скорѣе проступкомъ противъ чести и нравственности, чѣмъ противъ уголовныхъ законовъ. Безнаказанность же эта, какъ это всегда бываетъ съ людьми безъ нравственныхъ устоевъ, только усилила его желаніе поискать мѣръ и средствъ, чтобы вовсе не платить пошлинъ въ ненавистную ему таможню. И такія средства были скорѣй изобрѣтены ловкимъ, хитрымъ Стойковичемъ. Онъ покровительствовалъ своимъ землякамъ — сербамъ и другимъ славянамъ, вызывая ихъ на службу въ Россію, давалъ мѣста учителей въ гимназіяхъ и т. п. Естественно, что они чувствовали себя обязанными за это покровительство и въ свою очередь готовы были отплатить услугой за услугу. Да и вообще среди учителей Харьковскаго округа были лица, готовые всячески заискивать у всемогущаго главы университета, объединившаго въ своей персонѣ, съ отъѣздомъ въ Варшаву Потоцкаго, и власть попечителя. Стойковичъ рѣшился воспользоваться этимъ послушнымъ элементомъ для собственной наживы. Каждый иностранецъ, переходившій на службу въ Россію, имѣлъ право по закону привезти съ собою безошлинно разныхъ товаровъ на 3000 р. И вотъ, якобы на деньги, доставшіяся по наслѣдству учителю Паратичу, онъ пріобрѣтаетъ въ Австро-Венгріи вино и разныя другія вещи, *безошлинно* ввозить ихъ въ качествѣ имущества Паратича въ Россію и за тѣмъ продаетъ все это съ большимъ барышомъ, частію самъ, а частію посредствомъ учителей, которые должны были выступить въ несвойственной имъ роли коммиссіонеровъ.

Въ такомъ видѣ представляется это печальное дѣло по слѣдствію, вызванному публичными формальными изобличеніями адъюнкта Васильева, поданными въ совѣтъ университета въ 1812 году. Къ подробностей мы теперь и переходимъ.

Адъюнктъ архитектуры Васильевъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Харьковѣ; это объясняется съ одной стороны его

спеціальностію, а съ другою—характеромъ. Онъ читаль лекціи по архитектурѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ практикомъ-архитекторомъ. „Все что въ Харьковѣ до 1832 года построено лучшее, начиная отъ Дворянскаго собранія, университетскихъ зданій и соборной колокольни до купеческихъ порядочныхъ домовъ есть его, Васильева, произведеніе“; такъ говорить о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ современникъ Т. С. Селивановъ. „Мало было людей въ Харьковѣ, которые бы его не знали; это былъ весельчакъ, любитель общества и веселыхъ компаній, открытый, безпечный, беззаботный, онъ могъ, говорить Т. С. Селивановъ, получать большія деньги и подарки, но получаль немного и изъ того не все домой приносилъ“. Состоя преподавателемъ архитектуры, занимая должность университетскаго архитектора, ведя городскія постройки и будучи при этомъ безпечнымъ человѣкомъ, онъ, естественно, манкировалъ лекціями и нерѣдко отлучался изъ города, чтобы заняться постройками у своихъ пріятелей-помѣщиковъ¹⁾. Въ университетѣ однако онъ, очевидно, стижалъ себѣ репутацію практика и дѣльца, хорошо знакомаго не только съ строительною частью, но и съ юридическими вопросами, съ законами; объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что онъ въ теченіе 5 лѣтъ состоялъ синдикомъ, а на эту должность избирались обыкновенно только опытные юристы. Впрочемъ онъ отчасти и подготовился къ этому своею предшествующей дѣятельностію, ибо до назначенія въ Харьковъ служилъ въ Петербургскомъ городскомъ магистратѣ, и засѣдателемъ въ Богодуховскомъ земскомъ судѣ. Это былъ человѣкъ, обладавшій художественнымъ вкусомъ и его архитектурные проекты заслуживали одобренія высшаго начальства. За составленный имъ планъ, признанный министромъ и всѣми членами главнаго правленія училищъ „весьма красивымъ и доказывающимъ знаніе въ архитектурѣ и дарованія трудившагося надъ онымъ“, онъ получилъ отъ попечителя округа въ 1805 г. полную благодарность. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ В. Н. Каразинымъ, который его привлекъ въ Харьковскій университетъ и пользовался его услугами для созданія своихъ грандіозныхъ строительныхъ плановъ. Таковъ былъ человѣкъ, рѣшившійся вступить въ борьбу съ ректоромъ Стойковичемъ.

Стойковичъ, какъ мы знаемъ, былъ грозный противникъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени ловкій, практическій, умный, обладавшій огромными административными и дипломатическими способностями, счумѣвшій высоко себя поставить, какъ въ самомъ университетѣ, такъ

¹⁾ Изъ его жалобы на ректора Стойковича видно, что онъ въ одно лѣто заложилъ по своему плану дома и церкви у помѣщиковъ — Герсегонова, Захаржевскихъ, Норова, Шидловской, Квитки, Альховскаго.

и во мнѣніи попечителя и министерства. Роммель отзывался о немъ такъ: „нашимъ геніемъ добра и зла былъ многоопытный, отлично изучившій слабыя стороны русскихъ и нѣмцевъ, честолюбивый сербъ *Стойковичъ*. Его высокая худощавая фигура, строгое съ орлинымъ носомъ лицо вызвали уваженіе, а рѣдкій даръ слова и административныя таланты упрочили за нимъ огромное вліяніе... Скромныя занятія ученаго не были его призваніемъ и настоящая арена открылась для него съ выборомъ въ ректоры: въ теченіе трехъ лѣтъ онъ воишь развернулъ необыкновенную, можно сказать, политическую свою дѣятельность... Онъ едва не вздумалъ отстаивать независимость нашего университета (имѣется въ виду, очевидно, его роль въ курскихъ безпорядкахъ)... Всегда готовый на обширныя планы, онъ сильно поддерживалъ нѣмцевъ, когда задумали было вызвать новыхъ профессоровъ изъ Германіи... Не будучи самъ выдающимся ученымъ, онъ однако способствовалъ учрежденію въ Харьковѣ ученаго общества при университетѣ. Его склонность къ смѣлымъ проектамъ выразилась между прочимъ въ томъ, что онъ поднялъ вопросъ о переводѣ Харьковскаго университета въ другой городъ въ виду ужасныхъ гигиеническихъ условій Харькова. Наконецъ, замѣтимъ, что и въ знакомствахъ своихъ онъ держался преимущественно высшаго круга“. И нельзя не сознаться, что Стойковичъ былъ дѣйствительно незаурядный университетскій дѣятель — энергичный, умный администраторъ. При этомъ онъ занялъ совсѣмъ особенное и чрезвычайно выгодное для него положеніе челоѣка, стоявшаго внѣ тогдашнихъ партій — русской и иностранной; онъ не принадлежалъ ни къ той, ни другой, а между тѣмъ пользовался преимуществами первой и второй; иностранцы предпочитали его русскимъ кандидатамъ на разныя университетскія должности, потому что видѣли въ немъ все таки европейца по мѣсту рожденія, воспитанія и научнымъ стремленіямъ; правительство же смотрѣло на него какъ на единовѣрца и единоплеменника, рѣшившагося посвятить всѣ свои силы служенію Россіи, и потому, какъ мы видѣли, всячески покровительствовало ему. Самъ же онъ отличался огромнымъ честолюбіемъ, которое двигало его по пути служебныхъ отличій и карьеры. Къ сожалѣнію, главнымъ двигателемъ его на ряду съ честолюбіемъ былъ матеріальный расчетъ, корыстныя побужденія, заставлявшія его дѣлать такіе поступки, которые совершенно не гармонировали съ достоинствомъ ректорскаго званія. „Понемногу, говоритъ Роммель, открылись его торговыя спекуляціи, подрывавшія казну и состоявшія въ безошлинномъ ввозѣ иностранныхъ товаровъ, особенно венгерскаго вина. Началось скандальное слѣдствіе: онъ лишился должности“. Розаліонъ-Сопальскій прямо называетъ Стойковича корыстолю-

бывимъ человекомъ, прибавляя при этомъ, что и женился онъ на богатой помѣщицѣ Голубовой изъ корыстныхъ побужденій, польстившись на ея приданное ¹⁾.

Что собственно послужило причиною вражды между Васильевымъ и Стойковичемъ, въ точности неизвѣстно. Можно только думать, что едва ли высшія нравственныя соображенія подвинули Васильева на его доносъ. По всей вѣроятности, ссора возникла изъ столкновеній, вызванныхъ должностями и характеромъ обоихъ дѣйствующихъ лицъ: ректоръ долженъ былъ постоянно сталкиваться въ своей хозяйственной дѣятельности съ архитекторомъ; если къ этому прибавить, что ректоръ отличался властолюбивымъ характеромъ, а Васильевъ былъ горячъ, откровененъ и, быть можетъ, нѣсколько самоувѣренъ, то на такой почвѣ и могли произойти разногласія, тѣмъ болѣе, что Стойковичъ стремился изъ своей ректорской должности извлечь какъ можно болѣе выгоды. Между нимъ и Васильевымъ, вѣроятно, произошло то, что раньше случилось съ Делявинымъ; „помню, рассказываетъ Роммель, какъ однажды онъ крупно поспорилъ съ ректоромъ Стойковичемъ за то, кому пользоваться травой изъ огромнаго ботаническаго сада“. Что ближайшій поводъ къ враждѣ былъ практическаго свойства, въ пользу этого говорить и характеръ пререканій, и одно частное обстоятельство. Оказывается, что вражда началась въ 1812 г., когда вмѣсто Васильева, занимавшаго дотошъ должность университетскаго архитектора, назначено было другое лицо. Едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что виновникомъ удаленія его отъ должности былъ ректоръ, и понятное дѣло, что Васильевъ могъ за это быть на него въ большой претензій.

Сущность жалобы, поданной Васильевымъ въ совѣтъ 18 сентября 1812 года, заключается въ слѣдующемъ. По объясненію его, ректоръ предъявлялъ къ нему, какъ архитектору, слишкомъ строгія и незаконныя требованія, а именно: 1) требовалъ объясненія по поводу его отлучекъ изъ города во время каникулъ; 2) приказалъ эстафетою немедленно вернуться въ Харьковъ будто бы для исполненія порученія, которое ему не было дано; 3) велѣлъ ежедневно осматривать работы на крышахъ университетскихъ зданій; „цѣль же всѣхъ этихъ предписаній ректора, прибавлялъ Васильевъ, была та, чтобы лишить меня доходовъ, приобретаемыхъ мною отъ занятій постройками для частныхъ лицъ и необходимыхъ для содержанія моего многочисленнаго семейства“.

¹⁾ Должно думать, что Стойковичъ, при неоспоримыхъ достоинствахъ какъ ученаго и профессора, былъ очень корыстолюбивъ. Женился онъ на дворянкѣ Бахмутскаго уѣзда (Екатери. губ.) Голубовой, какъ вся обстановка показывала, изъ денежныхъ видовъ. („Х. Губ. Вѣд.“, 1869, № 44).

Но вслѣдъ за этимъ объясненіемъ, служащимъ отвѣтомъ на запросы и требованія ректора, у Васильева идетъ уже настоящій обвинительный актъ противъ этого послѣдняго. „Можно ли человѣку, ничѣмъ не запятнавшему свою службу, писать онъ, уважать начальника, который изъ университета сдѣлалъ торговое мѣсто, открывъ въ погребахъ его ведерную и бутылочную продажу вина? Могъ ли я дорожить мнѣніемъ о моемъ отъѣздѣ изъ Харькова во время вакацій того начальника, который самъ въ продолженіе цѣлаго года не посѣщалъ аудиторіи? Возможно ли честному члену совѣта прійти съ просьбою объ отпускѣ къ ректору, который самопроизвольно передалъ торговкѣ Розалин имуществу учителя Билинскаго, принадлежащее пенсіонной суммѣ? Какого уваженія заслуживаетъ начальникъ, который унижилъ свое званіе до мелочнаго торгаша лентъ, матерій, гранатъ, остатковъ? Всѣ эти самопроизвольныя и незаконныя дѣйствія, столь явно совершаемыя, безъ сомнѣнія, извѣстны всѣмъ членамъ совѣта и не открыты высшему начальству только потому, что сообщеніе этого рода имѣло бы видъ доноса, всегда представляющагося каждому русскому чѣмъ то ужаснымъ, и я бы никогда этого не сдѣлалъ, если бы самъ ректоръ не потребовалъ отъ меня актомъ показать причины моего къ нему не уваженія“.

25 сентября состоялось засѣданіе совѣта, на которомъ рѣшено было передать жалобу Васильева на разсмотрѣніе правленія; но такъ какъ во главѣ правленія стоялъ ректоръ, то выбрали особаго предсѣдателя проф. Срезневскаго (хотя нѣкоторые и находили это излишнимъ въ виду того, что законъ не предусматривалъ такого случая). На это обстоятельство ¹⁾, а также на предсѣдательство въ совѣтѣ проф. Осиповскаго, (а не проректора, какъ того требовалъ уставъ), было указано Стойковичемъ, какъ на отступленіе отъ требуемыхъ закономъ формальностей (въ совѣтскомъ засѣданіи 2 октября); были отмѣчены и другія отступленія отъ правилъ устава ²⁾, которыя, по мнѣнію Стойковича,

¹⁾ Quaero, говоритъ Стойковичъ, ubi sunt illae leges imperii, ubi consuetudo, ubi paragraphi statutorum nostrae universitatis, qui permittunt ut loco rectoris, a sua Caesarea Majestate confirmati, eligatur praeses Directorii? Etenim, si Summus Imperator hoc voluisset, mentio hujus rei certe paragrapho 150 (ubi hic casus expresse occurrit) injecta fuisset. Statuta autem altum de hac re silent, leges imperii vetant et consuetudo nunquam ab initio inde hujus imperii obtinuit, ut membra alicujus collegii pro lubitu in quacunque re praesidem eligant“.

²⁾ Такъ между прочимъ Стойковичъ отмѣтилъ, что 4 члена совѣта высказались вообще противъ выборовъ особаго предсѣдателя въ правленіи (Дегуровъ, Лангъ, Роммель и Делявинъ), а между тѣмъ имена ихъ, неизвѣстно почему, числятся среди лицъ, участвовавшихъ въ избраніи.

уничтожали значеніе постановленія, сдѣланнаго въ предыдущемъ засѣданіи; самымъ важнымъ изъ нихъ было то, что жалобу на ректора нужно было направить прежде всего по 150 § устава въ правленіе, а не совѣтъ, который являлся высшей инстанціей. Отмѣтивъ цѣлый рядъ нарушеній законовъ и обычаевъ, Стойковичъ говоритъ слѣдующее (мы приведемъ это мѣсто въ подлинникѣ, потому что оно даетъ понятіе объ его краснорѣчіи и литературныхъ талантахъ): „servanda sunt a nobis, clarissimi viri, sanctissime statuta, quibus suae Caesareae Majestati placuit benignissime hanc suam universitatem munire, namque si nosmet ipsi contra ea agere perrexerimus et nostras decisiones eis non conformaverimus, tum ipsi erimus in culpa, si jura et praerogativae nobis non concessa... nobis adimantur. Etenim nulla ratio adduci posset, cur properatum sit ad electionem; universitas enim et omnia, quae ad eam pertinent, sunt in maxima quiete et non fuit periculum, ne per moram detrimentum aliquod patiatur“ ¹⁾. Въ этомъ замѣчаніи много справедливаго. Дѣйствительно, жаль, что въ такомъ серьезнѣйшемъ дѣлѣ, какъ судъ надъ ректоромъ по обвиненію его въ *тяжкомъ преступленіи*, совѣтъ нарушилъ нѣкоторыя формальности и дѣйствовалъ слишкомъ быстро и недостаточно осмотрительно. Но это, конечно, объясняется тѣмъ общимъ возбужденіемъ, которое, очевидно, существовало противъ Стойковича среди профессоровъ. Васильевъ, подавая свою жалобу, несомнѣнно, рассчитывалъ на сочувствіе къ себѣ большинства; можно даже сказать, что во 2-й части своей жалобы, связанной только механически съ первой, онъ просто явился выразителемъ общаго настроенія. Нужно, впрочемъ, прибавить, что отвѣтъ ректора вызвалъ объясненія Осиповскаго, подробно разобравшаго указанія Стойковича на неправильности, будто бы допущенныя въ засѣданіи совѣта, и въ значительной степени ихъ опровергнувшаго ²⁾.

Н. А. Лавровскій, разобравъ подробно объясненія Стойковича и Осиповскаго, приходитъ къ заключенію, что совѣтъ отнесся къ дѣлу Стойковича слишкомъ страстно. „Вражда раздула это дѣло и тотчасъ сообщила ему размѣры, какихъ оно въ дѣйствительности не имѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что при иныхъ условіяхъ былъ бы прежде всего отвергнутъ совѣтомъ самый доносъ, какъ не подлежащій его вѣдѣнію и недостойный его; при иныхъ условіяхъ онъ, можетъ быть, и не появился бы въ совѣтѣ, потому что самое появленіе его, очевидно, вызвано было личными отношеніями“. Мы съ этимъ согласиться не можемъ. Дѣло это можно счи-

¹⁾ Acta, 1812, стр. 343—345, 346—352.

²⁾ Это было сдѣлано въ засѣданіи 6 ноября; ib. стр. 381—384.

татъ маловажнымъ только въ той его части, которая относится къ личному столкновению Васильева со Стойковичемъ—и здѣсь оно дѣйствительно было раздуто Васильевымъ. Но въ немъ была другая сторона, имѣвшая огромное общественное значеніе—это обвиненія Васильевымъ Стойковича въ торговлѣ и при томъ противозаконной. Хотя мы и замѣтили выше, что обвиненія эти были вызваны, по всей вѣроятности, личнымъ раздраженіемъ Васильева, но это не уничтожаетъ ихъ серьезности. Н. А. Лавровскій говоритъ, что доносъ Васильева не подлежалъ вѣдѣнію совѣта; но вѣдь совѣтъ и не разбиралъ его по существу, а передалъ на разсмотрѣніе правленію, какъ того требовалъ уставъ. Н. А. Лавровскій полагаетъ, что совѣтъ долженъ былъ бы отвергнуть этотъ „доносъ“, какъ недостойный его; но это не былъ доносъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: это было явное обличеніе человека, позорившаго своими поступками честь университета, направленное при томъ въ ту самую коллегію, которая стояла на стражѣ нравственныхъ интересовъ всего учрежденія и потому прежде всего должна была узнать о предосудительныхъ дѣйствіяхъ своего начальника, представителя и вмѣстѣ съ тѣмъ товарища. Правда, что совѣтъ отнесся къ дѣлу Стойковича очень страстно; но могъ ли онъ сохранить спокойствіе при такомъ тяжкомъ обвиненіи, въ особенности, когда, по словамъ Васильева, о торговлѣ ректора знали уже и безъ того всѣ? Между тѣмъ Стойковичъ, чувствуя шаткость своего положенія, рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы дѣло его было перенесено въ Петербургъ въ министерство. Онъ полагалъ, что ему можетъ быть удастся такимъ образомъ вывернуться изъ бѣды: тутъ ему могла помочь дальность разстоянія, его дипломатическіе таланты, ловкость и изворотливость, умѣнье писать бумаги и, наконецъ, недо-вѣрчивость министерства къ доносамъ. Въ Харьковѣ же, очевидно, никто не сомнѣвался въ его виновности и потому тутъ онъ едва ли могъ рассчитывать на благопріятный исходъ своего дѣла, какъ въ правленіи, такъ и въ совѣтѣ (въ особенности послѣ того, какъ предсѣдателемъ правленія по его дѣлу былъ избранъ Срезневскій). И вотъ 30-го октября онъ обращается въ совѣтъ съ такимъ прошеніемъ: „всѣмъ вамъ довольно извѣстно о моей болѣзни; но мысль о моей обязанности, которую я свято чтить, всегда мѣшала мнѣ воспользоваться и самымъ малымъ временемъ свободы для собственнаго здоровья и это съ тѣхъ поръ, какъ Его Императорскому Величеству угодно было возложить на меня должность ректора университета. Много и весьма много приходится исполнять ректору такого, что вамъ неизвѣстно, такъ какъ никто изъ васъ не былъ ректоромъ; многія дѣла ректоромъ и оканчиваются, не доходя вовсе до вашего свѣдѣнія. Я весь поглощенъ былъ ими, посвящая имъ дни и

ночи. Думаю, всѣмъ вамъ извѣстно, что я со всею ревностью занимался всѣмъ, что относится къ общему благу. Но уже ослабѣваютъ мои силы, плечи не могутъ долѣе выносить возложеннаго на нихъ бремени. Кро-
вохарканіе, обнаружившееся недѣли двѣ тому назадъ, доказываетъ, что мое здоровье въ опасности“. Въ виду всего этого Стойковичъ просилъ освободить его временно отъ занятій по университету, выбрать проректора и отправить его дѣло къ министру.

Правленіе между тѣмъ энергично вело слѣдствіе надъ ректоромъ. Затребованы были объясненія, какъ отъ него, такъ и отъ Васильева. Объясненія ректора оказались краткими и слишкомъ общими; тутъ, между прочимъ, Стойковичъ высказалъ любопытное сужденіе, что если бы позволимъ на него обвиненія были и справедливы, то они не имѣютъ никакого отношенія къ его служебной дѣятельности; „служба имѣетъ свои правила и не должна быть смѣшиваема съ внутренними домашними дѣлами“; очевидно, что Стойковичъ признавалъ только одинъ кодексъ нравственности — уголовное право. Васильевъ сдѣлалъ цѣлый рядъ фактическихъ указаній по поводу торговой дѣятельности ректора. „Оптовая и мелочная торговля всѣми прописанными вещами (винами, лентами, гранатами и картинами) производилась столь явно, писалъ онъ, какъ въ самомъ университетѣ, такъ и въ нанитомъ домѣ Дмитріевой, что она извѣстна была всему городу и передъ глазами всѣхъ членовъ университета, на которыхъ я въ справедливости сказаннаго и ссылаюсь“. Между прочимъ, прибавляетъ далѣе Васильевъ, нѣсколько бочекъ вина и значительное количество гранатъ было отправлено для продажи учителю Курской гимназіи Паратичу; покупали вино у ректора харьковскіе обыватели — Коссовскій и Сердюковъ (первый три ведра, а второй бочку); ведрами платилось по 35, а бочкою по 30 рублей ведро; почетный смотритель Купянского уѣзднаго училища Элли купилъ много вина и до 40 картинъ; большую же часть вина, картинъ, лентъ и гранатъ продалъ въ Харьковѣ въ домѣ Дмитріевой иностранецъ Лангнеръ, состоящій нынѣ преподавателемъ иностранныхъ языковъ въ Екатеринославской губерніи; для продажи ректорскихъ товаровъ онъ былъ даже отправляемъ въ Москву; картинъ было болѣе 200—и по оцѣнкѣ, произведенной учителемъ рисованія Матесомъ и самимъ Васильевымъ, каждая изъ нихъ стоила отъ 25 до 100 руб. Однихъ гранатъ продано было Паратичемъ на 1300 руб.; ленты же отданы на продажу частію торговкѣ Розаліи, имѣвшей въ Харьковѣ модную лавку, а частію Лангнеру. По поводу объясненія Стойковича, что всѣ эти обвиненія относятся къ его частной жизни, Васильевъ замѣчаетъ: „всякій знаетъ, что публичный учитель къ знаніямъ, ему потребнымъ, долженъ

пріобщить строгую нравственность и честное поведеніе; почему же ректоръ думаетъ иначе, о томъ судить предоставляю правительству". Отъ ректора потребовали опроверженія этихъ доказательствъ—и онъ послѣ долгаго промежутка времени далъ его правленію. Здѣсь опять обвиненія въ торговлѣ называетъ онъ приватнымъ дѣломъ, удивляется, почему его допрашиваютъ по поводу его, и за тѣмъ доказываетъ, что никому онъ за деньги вина не отпускалъ, что Паратичъ продавалъ ленты и гранаты, купленные на деньги, доставившія ему по наслѣдству въ Венгріи, и что если Лангнеръ и продавалъ товары, то онъ и ректоръ—два совершенно различныхъ лица. Вслѣдъ за тѣмъ явились въ правленіе Стойковичъ и Васильевъ и подали просьбу о примиреніи и прекращеніи дѣла. Но правленіе рѣшило все-таки продолжать слѣдствіе о незаконномъ торгѣ ректора, какъ о дѣлѣ публичномъ, а не приватномъ. Прежде всего члены правленія отправились въ ректорскій погребокъ, чтобы изслѣдовать количество и качество находящагося въ немъ вина, но слѣдствіе не привело ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. За тѣмъ дѣло вышло за стѣны университета и приняло по истинѣ грандіозныя размѣры. Допрошены были Курскіе учителя, Екатеринославскій учитель Лангнеръ, университетскій педель Ломаковскій, профессора Дегуровъ и Ванотти, учитель рисованія въ университетѣ Матесъ, добровольно явился со своими показаніями проф. Шадъ, намѣревались сдѣлать запросы разнымъ таможнямъ и т. д. Курскіе учителя—Рудневъ, Пузановъ и Василевскій — подтвердили обвиненіе Васильева; они показали, что Паратичъ получилъ отъ Стойковича по почтѣ ящикъ съ золотыми часами и гранатами, и письмомъ, въ которомъ тотъ поручалъ ему продать находившіеся здѣсь товары за назначенную имъ цѣну. Паратичъ исполнилъ эту комиссію, но при этомъ, не разобравъ въ точности обозначенныхъ ректоромъ цѣнъ, продалъ дешевле, чѣмъ было нужно, и потому долженъ былъ впослѣдствіи отбирать назадъ проданныя вещи и возвращать деньги, хотя все-таки, благодаря этому, приплатился изъ собственнаго кармана. Профессора Дегуровъ и Ванотти показали, что ректоръ, по ихъ просьбѣ, продалъ имъ по ведру вина съ платою по 30 и 25 руб. за ведро. Матесъ подтвердилъ заявленіе Васильева на счетъ оцѣнки картинъ или, какъ онъ называетъ ихъ, эстамповъ. Шадъ явился въ правленіе съ 10 кусками цѣлыхъ и начатыхъ лентъ и со спискомъ ихъ, писаннымъ рукою самого ректора; эти ленты не были проданы Паратичемъ и онъ передавалъ ихъ Стойковичу черезъ жену Шада; этотъ же послѣдній официально возвращалъ ихъ ректору черезъ правленіе, добавляя при этомъ, что ему нѣсколько разъ Паратичъ говорилъ, что вещи эти ректора и что онъ только изъ боязни и располо-

женія къ Стойковичу, какъ своему начальнику и земляку, даль ложное показаніе, будто онѣ пріобрѣтены имъ на деньги, полученныя по наслѣдству. Обо всѣхъ этихъ показаніяхъ узнавалъ, конечно, своевременно Стойковичъ отъ своихъ друзей. И вотъ онъ направляетъ въ совѣтъ два новыя объясненія. Въ первомъ онъ силится доказать, что Паратичъ продавалъ свои собственныя вещи, а не ректорскія, и закончилъ свою рѣчь угрозою примѣнить 17 § университетскаго устава, т. е. прибѣгнуть къ военнымъ или гражданскимъ властямъ. Во второй бумагѣ Стойковичъ пытается подорвать значеніе показаній Курскихъ учителей, какъ лицъ, которые недавно выступали доносчиками на университетъ (въ извѣстномъ нами дѣлѣ о Курскихъ безпорядкахъ) и опять-таки требуетъ отсылки его дѣла въ Петербургъ къ министру. Отзывъ этотъ былъ разосланъ для заключеній всѣмъ членамъ совѣта, и любопытно, что въ пользу отправленія дѣла Стойковича въ Петербургъ высказалась половина членовъ совѣта — Гизе, Дрейсигъ, Вавотти, Швейкардтъ, Лангъ, Пильгеръ и Дегуровъ; другая половина — Роммель, Каменскій, Книгинъ, Осиповскій, Срезневскій, Шумлянскій и Шадъ, — наоборотъ, стояла за продолженіе слѣдствія. Любопытны отзывы нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ. Швейкардтъ, напримѣръ, совѣтовалъ „просить министра о снисходительномъ отвращеніи отъ университета скандала въ столь пустомъ дѣлѣ“. Дегуровъ объявилъ: „такъ какъ дѣло между ректоромъ и Васильевымъ тянется уже 8 мѣсяцевъ и не предвидится, когда правленіе окончитъ свой судъ, а между тѣмъ немедленное установленіе мира, для блага науки, въ нашемъ университетѣ необходимо, и такъ какъ ректоръ жалуется на незаконность дѣйствій правленія, а обсужденіе дѣла въ совѣтѣ угрожаетъ еще большими раздорами, то слѣдуетъ всѣ относящіеся сюда бумаги немедленно препроводить къ министру“. Но рядомъ съ этимъ спокойнымъ предложеніемъ мы находимъ слѣдующій рѣзкій отзывъ секретаря совѣта Ланга объ извѣстномъ намъ свидѣтельскомъ показаніи проф. Шада въ правленіи университета: „весьма удивляюсь, какъ осмѣливается этотъ человѣкъ, какъ членъ совѣта, высказывать свое мнѣніе въ настоящемъ дѣлѣ, когда онъ, какъ самъ говоритъ, представилъ въ правленіе ленты, о которыхъ еще неизвѣстно, кому они принадлежать, съ тою цѣлю, чтобы обнаружить свои предательскіе помыслы, когда онъ такимъ образомъ явился и обвинителемъ и доносчикомъ, какъ осмѣливается высказывать свое мнѣніе тотъ, кто долженъ воздерживаться отъ подачи какого бы то ни было мнѣнія“. Полную противоположность этому составляетъ отзывъ проф. Пильгера: „такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ, писалъ онъ, нѣтъ рѣчи о предметахъ, касающихся образованія и преподаваемой мною науки, и такъ какъ я не имѣю никакихъ свѣ-

дѣній въ юридическихъ наукахъ, то и не могу высказать вѣрнаго мнѣнія, соответствующаго настоящему дѣлу¹⁾.

Изъ всего этого видно, что многіе члены совѣта были утомлены этимъ прискорбнымъ процессомъ, отражавшимся крайне невыгодно на ученыхъ занятіяхъ университета, и желали, чтобы его поскорѣе разрѣшило своимъ властнымъ словомъ высшее начальство. Къ этому послѣднему теперь и обратились всѣ — и самъ ректоръ, и его противники. Еще 28 ноября 1812 года Стойковичъ отправилъ министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому обширное конфиденціальное письмо, въ которомъ старался оправдаться по дѣлу о Курскихъ безпорядкахъ, выставлялъ себя вполне благонамѣреннымъ и усерднымъ слугою министра, перечислялъ свои заслуги на пользу университета и округа и, чтобы рельефнѣе отгѣнить ихъ, не щадилъ темныхъ красокъ для характеристики своего предшественника слабаго и бездѣтельнаго, по его словамъ, ректора Рижскаго, при которомъ будто бы университетъ и дѣло образованія во всемъ округѣ пришли въ полный упадокъ и разстройство. Письмо это представляетъ необыкновенно искусный образчикъ оправдательной записки и свидѣтельствуетъ о недюжинномъ талантѣ Стойковича въ составленіи подобныхъ бумагъ: тутъ есть все — и самохвалство, и смѣлое извращеніе фактовъ въ характеристикѣ дѣятельности своего предшественника, который лежалъ въ гробу и не могъ отвѣтить на эти инсинуаціи, и подчеркиваніе своей благонамѣренности, и лесть передъ высшимъ начальникомъ, и даже общаніе публично прославлять его ими. Стойковичъ во что бы то ни стало хотѣлъ вернуть прежнее довѣріе къ себѣ министра, которое было для него столь необходимо и въ новомъ дѣлѣ, въ борьбѣ съ Васильевымъ, членами правленія и совѣта (Васильевъ подалъ свою жалобу на Стойковича 18 сентября 1812 г., а этотъ послѣдній отправилъ письмо министру 28 ноября).

Вотъ подлинный текстъ письма Стойковича на имя министра.

„Ваше сіятельство, М. Г.! Харканье кровью, которое послѣ долговременной грудной болѣзни въ октябрѣ мѣсяцѣ открылось, принудило меня 30 октября просить у совѣта увольненія отъ дѣлъ на нѣкоторое время. Получивъ оное, поѣхалъ я въ Сорочинцы къ прославившемуся тамъ врачу Трофимовскому и, пробывъ у него нѣсколько дней, снабженъ его совѣтами и лѣкарствомъ возвратился въ Харьковъ, гдѣ я засталъ непріятное дѣло о назначенномъ вашимъ сіятельствомъ въ Курскую гимназію визитаторѣ, которое на меня такъ сильно подѣйствовало, что я,

¹⁾ Всѣ приведенныя здѣсь фактическія подробности мы позаимствовали изъ статьи Н. А. Лавровскаго о Стойковичѣ (Чтенія, 1873, кн. 2, стр. 1—37).

при продолжающемся еще кровохарканіи, не токмо своею должностію, но и ничѣмъ на свѣтѣ заниматься не могу и въ единомъ токмо спокойствіи и бездѣйствіи нахожу нѣкоторое облегченіе. Но при всемъ этомъ собираю я послѣднія силы, дабы изъяснить вашему сіятельству сущность того дѣла, на которомъ г. профессоръ Шумляинскій основалъ свой голосъ, дабы вашему сіятельству можно разсудить было о справедливости или несправедливости онаго. Я долженъ начать съ предшествовавшаго сему времени.

Въ послѣднее время ректорства покойнаго профессора Рижскаго университетъ приближался къ паденію: должности были пренебрегаемы, члены университета иногда по недѣлѣ и по двѣ не ходили въ классы. Въ совѣтѣ часто многіе не бывали, такъ что одинъ разъ должно было разойтись всѣмъ пришедшимъ членамъ, потому что число отсутствовавшихъ было больше половины. Нѣкоторые выѣзжали изъ города не на день и не на два, а на двѣ и три недѣли, не извѣщая ректора о своихъ отлучкахъ, которыя впрочемъ однимъ членомъ адъюнктомъ Васильевымъ и по сіе время продолжались. Многія профессорскія мѣста не были заняты, и науки ихъ не читались. Медицинскіе чиновники кромѣ одного, читавшаго антропологию, брали жалованье по пустому. Наконецъ, одинъ профессоръ во все время съ открытія университета не окончилъ ни одного курса; но сей уже увольняется на всегда. Кабинеты университетскіе (кромѣ физическаго, находившагося подъ моимъ вѣдѣніемъ) были въ безпорядкѣ и безъ описей; бібліотека не имѣла каталога. Въ типографіи университетской такое существовало бездѣйствіе, что на нее болѣе выходило издержекъ, нежели она приносила дохода. Однажды въ ней цѣлый мѣсяцъ не работали, потому, что, какъ увѣряли, дѣла не было. Въ здѣшней гимназіи непослушаніе учениковъ и пансіонеровъ не токмо къ учителямъ, но и къ директору доведено было до такой степени, что когда покойный ректоръ увѣщевалъ учениковъ одинъ разъ публично въ классѣ и угрожалъ имъ, то одинъ изъ сего числа закричалъ: *а что намъ съплатите?* Извѣстно вашему сіятельству и то неустройство, за которое университетъ, наконецъ, принужденъ былъ исключить четырехъ гимназистовъ. Сіи неустройства принудили, наконецъ, совѣтъ пріѣхавшему мнѣ изъ чужихъ краевъ препоручить лично надзоръ за гимназіей и пансіонами.

Въ округѣ университета дѣятельность чрезвычайно была уменьшена. Открытіе уѣздныхъ училищъ почти пріостановилось, а о приходскихъ (которыхъ числомъ двадцать во время моего ректорства въ 1807 году въ здѣшней губерніи къ открытію совершенно были приготовлены и по перемѣнѣ моей также забыты) и не помышляли. Въ

херсонской губерніи ни одного училища не было открыто, а таврическая въ такомъ оставалась забвеніи, какъ бы и вовсе не принадлежала къ харьковскому учебному округу. Покойный ректоръ или по слабости, или по другой какой-либо причинѣ, мнѣ неизвѣстной, позволялъ всякому дѣлать, что хотѣлъ и какъ кто хотѣлъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла университета, когда я утвержденный по милости вашего сіятельства на три года вступилъ въ должность. Что съ того времени до сего дня публично при университетѣ сдѣлано, частію вашему сіятельству извѣстно изъ донесеній университета. Пополнены вакантныя кафедры, приглашены молодые учителя изъ округа въ университетъ или какъ адъюнкты, или какъ магистры. Трое изъ нашихъ воспитанниковъ посланы для ихъ образованія въ другія мѣста и теперь всѣ науки, положенныя уставомъ, проходятся. Кабинеты приведены въ порядокъ и или описаны, или описываются; библіотекѣ сдѣланъ временный каталогъ подѣ собственнымъ моимъ присмотромъ, немедленно по вступленіи моемъ въ должность; въ типографіи умножено число работниковъ изъ бывшихъ воспитанниковъ нашей и другихъ гимназій, такъ что нынѣ всѣ четыре станка находятся въ дѣйствиіи. Помѣщеніе типографіи распространено; одинъ изъ воспитанниковъ былъ отправленъ въ Москву для изученія словолитному дѣлу, другой же воспитанникъ посланъ для усовершенствованія своего въ переплетеніи книгъ, и оба уже возвратились; дѣла въ типографіи такъ много, что и сіи не успѣваютъ.

Чиновники университета начали и продолжаютъ исполнять должности свои рачительно; студенты прилежаніемъ своимъ и поведеніемъ совершенно отличаются; казеннокоштные же, послѣ двукратнаго очищенія ихъ комнатъ отъ неизсчитнаго множества клоповъ и послѣ другихъ нѣкоторыхъ распоряженій, живутъ чисто и опрятно и трудолюбіемъ развѣ токмо Геттингенскимъ воспитанникамъ уступятъ, такъ что г. Швейкардъ и пріѣхавшій изъ Москвы Тауберъ удивлялись порядку и точному исполненію должностей учащихся и учащихся.

Здѣшняя гимназія и заведенные при ней пансіоны находятся въ самомъ лучшемъ устройствѣ.

Въ округѣ университета сколько въ теченіи сего времени открыто училищъ уѣздныхъ и приходскихъ, вашему сіятельству изъ донесеній извѣстно; въ одинъ высокаторжественный день коронованія Его Величества 15-го сентября сего года открыто ихъ нѣсколько въ разныхъ губерніяхъ, не по случаю, а по распоряженіямъ, мною сдѣланнымъ. Для таврической губерніи присканы мною челоуѣкъ дѣятельный, и тамъ, гдѣ прежде одно токмо уѣздное училище существовало, въ крат-

комъ времени открыта и гимназія, и почти всѣ уѣздныя училища. Въ херсонской губерніи три уѣздныя училища открыты, а три послѣднія къ открытію совершенно приготовлены. Только потому не были открыты до сего времени, что зараза начала тамо свирѣпствовать. Пятьсотъ приходскихъ училищъ по плану должны быть открыты въ округѣ, изъ которыхъ многіе уже открыты, многіе по военнымъ обстоятельствамъ остановлены, а другіе приготовлены къ открытію. Для устройства же Александровскаго греческаго въ Нѣжинѣ училища и тамошней гимназіи я самъ ѣздилъ.

Безсумнѣнно многія изъ сихъ дѣйствій, то есть тѣ, о которыхъ университетъ обыкновенно доноситъ, извѣстны вашему сіятельству и и обратили на университетъ сей вниманіе ваше, прочія же, которые только лично можно видѣть, оставались, можетъ быть, вамъ неизвѣстными, потому что попечитель не пріѣзжалъ и никто другой визитаторомъ въ университетъ присылаемъ не былъ. Видя дѣла наши въ такомъ блистательномъ положеніи, естественно было мнѣ, какъ ректору, желать, чтобы кто-нибудь могъ донести подробно вашему сіятельству о состояніи университета и потому я желалъ въ душѣ моей, чтобы ваше сіятельство прислало къ намъ визитатора. Въ самое то время, какъ я сею идеею занимался, получено предложеніе отъ вашего сіятельства объ отправленіи въ Курскую гимназію и другія учебныя заведенія визитатора. И поелику я не могъ знать, будетъ ли г. Дунина-Барковский и къ намъ въ университетъ, не могъ также знать, можетъ ли Дунина-Барковский войти подробно во всѣ части университета, о состояніи котораго льстило моему честолюбію, чтобы ваше сіятельство получили подробное свѣдѣніе, то и родилась во мнѣ мысль, нельзя ли будетъ соединить Курское дѣло съ визитаціею университета и просить ваше сіятельство объ отправленіи визитатора изъ ученыхъ высшихъ классовъ. Сіе мое мнѣніе положилъ я на бумагу и прочиталъ въ совѣтѣ, но, увидѣвъ, что со мною не согласовались и что мнѣнія были различны, я остался при своемъ мнѣніи, въ томъ, сирѣчь, что я желаю, что бы посланъ былъ кто нибудь изъ высшихъ ученыхъ чиновниковъ, который бы, разумѣется, могъ осмотрѣть и состояніе университета. Я при семъ мнѣніи имѣлъ въ виду больше университетъ, нежели Курское дѣло, и въ невинности своей никакъ ни думалъ, чтобы я симъ могъ оскорбить ваше сіятельство. Противъ г. Дунина-Барковского я ничего не имѣлъ, а что я его почитаю, то я ему доказалъ въ дѣлѣ, о которомъ онъ ко мнѣ относился. Относительно же особы вашего сіятельства я никогда не забуду того снисхожденія, съ каковымъ вамъ угодно было меня въ Петербургѣ принять и отпустить въ

чужіе край. Я бы безумнымъ долженъ себя считать, если бы могло въ умѣ мнѣ притти противиться вашимъ предписаніямъ, ибо отъ кого я долженъ ожидать награжденія за мои труды? и кто при здоровомъ умѣ захочетъ тому не повиноваться, отъ котораго зависитъ его счастье?— Изъ всего вышесказаннаго ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что мое мнѣніе, здѣсь въ кратцѣ изложенное, совсѣмъ не согласно съ мнѣніемъ прочихъ профессоровъ. Я не различаю визитатора Курской гимназіи отъ визитатора университета; не говорю, что не признаю г. Дунина-Барковского, какъ визитатора, и не упоминаю ни слова о § 161-мъ, а просто говорю, что желаю, чтобы ученый высшихъ классовъ чиновникъ былъ посланъ (изъ прежде наведенной причины). Какъ же послѣ сего можно сказать, что гг. профессеры подали мнѣніе по моей волѣ? Развѣ ректоръ въ состояніи принудить профессоровъ? Развѣ мужи, которымъ ввѣрена участь чиновниковъ цѣлаго округа столь мало самостоятельности имѣть могутъ? Неужели тѣ, которые себя въ латинскомъ слогѣ называютъ *patres conscripti* (какъ себя называли римскіе сенаторы), не обдумая вещи дѣла, должны слѣдовать за ректоромъ, какъ овцы за пастыремъ? Странное дѣло, подавая совершенно противный моему голосъ, утверждать, что мнѣ слѣдовали. Почему же не подписали моего голоса, когда ему слѣдовали? Почему же г. Шумлянскій не послѣдовалъ ни моему голосу, ни голосу Осиповскаго, ни голосу г. Шада? Онъ же г. Шумлянскій говоритъ, что гг. профессеры слѣдовали моему голосу. Ежели мой голосъ на него не подѣйствовалъ, почему же онъ, не бывши сердцевѣдцемъ, знаетъ, что мой голосъ подѣйствовалъ на другихъ? Но я повторяю, что я отказываюсь отъ ихъ голосовъ, ибо мой голосъ со всѣмъ не сходенъ съ ихъ голосами.

Впрочемъ, я г-ну профессору Шумлянскому прощаю, ибо источникъ желчи его есть ректорство и прежнее и нынѣшнее. Но развѣ я виноватъ, что въ прежнее изъ насъ двоихъ выбранныхъ г-нъ попечитель представилъ меня на утвержденіе и въ нынѣшнее не онъ избранъ? Однакожъ не простибельно тѣмъ изъ гг. профессоровъ, которые въ публичномъ актѣ доказали, что они какъ ученики и дѣти дѣйствовали, а не какъ профессеры. Сей родъ извиненія есть самый гнусной и не простибельный.

Ежели и послѣ сего чистосердечнаго моего признанія ваше сіятельство почитаете меня виновнымъ въ семь дѣлъ, то я покорнѣйше васъ прошу извинить меня и великодушно простить, что я желаю визитатора противъ вашего пазначенія. Я смѣю увѣрить ваше сіятельство, что сіе не произошло отъ какого либо упорства, котораго во мнѣ никогда не было, или отъ злого намѣренія противиться вашей волѣ,

но единственно отъ желанія, чтобы ваше сіятельство лучше могли узнать о моихъ трудахъ.

Я, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, ничего не сдѣлалъ такого, чтобы послужило къ стыду моей фамиліи, которая нѣкогда управляла Сербією и изъ которой и нынѣ Миленко Стойковичъ есть вторая въ народѣ особа. Могъ ли я на сороковомъ году моей жизни съ намѣреніемъ сдѣлать такой непростительный поступокъ, который бы и меня и ее обезчестилъ? Есть ли бы вашему сіятельству извѣстна была исторія жизни моей, то бы и уже увѣренъ былъ въ моемъ прощеніи: теперь же я о семъ васъ покорнѣйше прошу. Равномѣрно прошу ваше сіятельство взять въ милостивое ваше вниманіе понесенныя мною въ университетѣ великіе труды и удостоить меня по представленію совѣта просимымъ награжденіемъ. Сіе послужить мнѣ доказательствомъ, что ваше сіятельство такъ ко мнѣ добры, какъ были въ бытность мою въ Петербургѣ. Оно послужить мнѣ одобреніемъ продолжать (ежели останусь живъ послѣ болѣзни) службу мою съ такимъ рвеніемъ и такою дѣятельностію, съ каковыми и до сей поры продолжалъ онѹю, и заставить меня прославлять имя ваше, что ваше сіятельство въ непродолжительномъ времени на опытѣ увидите. Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою ректоръ А. Стойковичъ. Ноября 28 дня 1812 года ¹⁾.

Съ другой стороны министерство получило и бумаги, содержавшія самыя сильныя и рѣзкія обвиненія противъ Стойковича. Таково было, напримѣръ, „мнѣніе профессора Шада о двухъ отношеніяхъ отъ г. ректора университетскому совѣту 2 мая представленных“. Оно было доложено совѣту Харьковскаго университета, а затѣмъ отправлено въ министерство. Вотъ его полный текстъ въ русскомъ переводѣ.

„Когда уже до того дошло въ нашемъ университетѣ, что всякій порядокъ и должное повиновеніе къ законамъ государственнымъ нарушается, когда такъ ведется, что проступокъ одного влечетъ за собою общее всѣхъ несчастіе, когда, наконецъ, о вредѣ, безразсудностію одного университету нанесенномъ и грозящемъ гибелью, нельзя болѣе разсуждать со снисхожденіемъ; то въ семъ случаѣ да проститъ мнѣ совѣтъ, если слогъ мой будетъ суровъ и сообразенъ съ гнусностію того преступленія, которое учинить намѣревались, которое должноствовало во всѣхъ честныхъ людяхъ произвести оцѣпененіе, отвращеніе и ужасъ, которое, наконецъ, непремѣнно поколебало бы цѣлый университетъ и

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6053, карт. 159, присоединенное къ дѣлу № 6005, 1813 года.

въ скоромъ времени приблизило его къ паденію, если бы только осталось безъ справедливаго наказанія.

Наступило уже время, въ которое самыя сокровеннѣйшія ощущенія души могутъ быть обнаруживаемы; нынѣ всякій, кто только любить свѣтъ истины, а не обманъ или мглу ее скрывающую, ясно усмотрѣть можетъ, кто какъ мыслить о университетѣ и государствѣ Россійскомъ. Воины наши, изгнавъ изъ отечества своего тирана Европы, и въ чуждыхъ странахъ сражаются противъ него съ тѣмъ же мужествомъ. Правдивымъ мужамъ, поставленнымъ бодрствовать надъ благосостояніемъ университета, которое пришло было въ крайнюю опасность отъ проступка одного сочлева ихъ, теперь уже нечего опасаться. По крайней мѣрѣ я, будучи руководимъ истиною, справедливостію и доброю совѣстію, ничего не страшусь. При общей опасности, долгомъ почитаю открыть чистосердечно душевныя мои чувствованія, какъ предъ совѣтомъ, такъ и предъ г. министромъ, коего любовь къ справедливости и человеколюбіе въ короткое время уврачуютъ наши бѣдствія.

Г. ректоръ въ двухъ отношеніяхъ своихъ къ совѣту отъ 2 мая, со всѣмъ свойственнымъ ему лукавствомъ, старается доказать, что вещи, продаваемыя учителемъ Паратичемъ, были не его, а сего учителя; для доказательства того употребилъ онъ непристойную выдумку, что Паратичъ приобрѣлъ деньги по наслѣдству въ Венгріи и накупилъ на оныя вещей, кои и продавалъ нѣсколько лѣтъ публично. Г. ректоръ, желая покрыть глаза наши непроницаемымъ мракомъ, прибѣгаетъ къ святости религіи, вызываясь все сіе подтвердить присягою, если только нужно сіе; каковое обстоятельство въ письмѣ, переписанномъ другимъ, приписалъ онъ собственною рукою, дабы тѣмъ больше ослѣпить насъ, хотя противное нимало не сомнительно. Въ правленіи такъ уже много доказательствъ противъ того, что о преступномъ намѣреніи г. ректора никто изъ благоразумныхъ, справедливыхъ и безпристрастныхъ мужей сомнѣваться не можетъ; а потому совѣмъ другое правленію предложить учинить изслѣдованіе, нежели каково было доселѣ — о гнусной и безчестной его торговлѣ, которою онъ обезславилъ университетъ нашъ, съ того несчастнаго времени, какъ обратно сюда, будучи преслѣдуемъ австрійскою полиціею до самаго почти университета.

Я не могу согласиться съ тѣми, кои подали уже письменныя свои мнѣнія о семъ дѣлѣ и кои желаютъ, чтобы дальнѣйшихъ по оному слѣдствій не производить ни въ правленіи, ни въ совѣтѣ, а все, принадлежащее къ оному, безъ изслѣдованія послать къ г. министру. Напротивъ думаю, что все дѣло сіе тщательно должно разсмотрѣть прежде въ правленіи, а потомъ уже съ опредѣленіемъ или мнѣніемъ онаго пре-

проводить къ г. министру. Причины, коими руководствуюсь въ семъ мѣнѣи, суть слѣдующія. 1) Въ подобныхъ случаяхъ именно сіе предписывается уставомъ университета § 150. 2) Многія обстоятельства, къ сему относящіяся, въ нашемъ университетѣ удобно могутъ быть открыты, между тѣмъ какъ въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ, какъ Петербургъ, оныя могутъ укрыться; даже тамъ объ нихъ никому не придетъ и на мысль. 3) Притомъ какая будетъ польза изъ того, если все дѣло сіе и неполныя записки (поелику слѣдствіе о преступленіи г. ректора началось только за нѣсколько дней) безъ дальнѣйшаго разысканія послать къ г. министру. Мы ясно видимъ, что г. ректоръ о томъ только и старается, дабы слѣдствіе сіе не было производимо на самомъ мѣстѣ преступленія, ибо, какъ хитрый человѣкъ, онъ явно предвидитъ, что если дѣло его разбираемо будетъ въ Петербургѣ, безъ университетскаго слѣдствія, то многія обстоятельства, которыя могли бы открыться на мѣстѣ и тѣмъ весьма много пояснить дѣло, въ Петербургѣ останутся вовсе неизвѣстными; а потому не только боится онъ правленія, разсматривающаго дѣло его, но сверхъ того, чтобы воспрепятствовать слѣдствію, которое почиталъ для себя весьма опаснымъ, будучи мучимъ притомъ черною совѣстію своею, осмѣлился угрожать даже, что онъ поступитъ по § 17 устава, т. е. разгонитъ членовъ Правленія, призвавъ въ помощь градскую полицію. Итакъ, ничѣмъ не могъ онъ яснѣе высказать своего намѣренія, дабы избавиться отъ слѣдствія.

Но предлагая учинить присягу, какъ бы въ дѣлѣ самомъ несправедливомъ, чрезъ то самое уже открылъ онъ преступленіе свое, а дѣлая угрозы правленію, оказалъ безразсудность свою. Ибо можетъ ли быть что нибудь несмысленнѣе такого требованія, чтобы самому не только быть судьей въ собственномъ дѣлѣ, но даже предсѣдательствующимъ судилища, разсматривающаго проступокъ его? Можетъ ли быть что либо безумнѣе и безсовѣстнѣе, какъ угрожать полиціею законному судилищу, коему онъ самъ подчиненъ? И симъ безумнымъ насиліемъ ищетъ снисхожденія и прощенія, которое въ такомъ гнусномъ поступкѣ, каковъ есть самовольный вызовъ учинить ложную присягу, одному только безумцу можетъ быть оказано. У всѣхъ народовъ, у коихъ разумъ хотя бы едва только пробудился отъ усыпленія и кои хотя нѣкоторое понятіе имѣютъ о законахъ и повиновеніи онымъ, никто не можетъ быть судіею въ своемъ дѣлѣ, особливо же обвиняемый въ важномъ преступленіи. А онъ хочетъ поступать такимъ образомъ въ Россійскомъ государствѣ, гдѣ чрезъ дѣяныя вѣки, особливо со временъ Петра Великаго, двѣтуютъ превосходнѣйшіе и достоиннѣйшіе всякаго уваженія законы. Что онъ дѣлаетъ? На что отваживается? Какъ мыслить о государствѣ

Россійскомъ? Къ какимъ варварскимъ, дикимъ, не имѣющимъ признаковъ челоѣчества и невѣжественнымъ народамъ хотеть онъ отнести знаменитый народъ Россійскій? Но уже сѣкира лежитъ при корени всѣхъ золъ, кои мы перенесли со времени учрежденія университета. Если нѣкоторыя отрасли въ немъ и содѣлываются знаменитыми, то и сіи исторгаются безъ всякой трудности. Преступное намѣреніе сего челоѣка само собою явно обнаружилось. Покровители и друзья защищаютъ его, другіе колеблются, самъ онъ грозитъ не только правленію изслѣдующему ужасное преступленіе его, но и самый совѣтъ университета страшаетъ полиціею. Тщетное покушеніе, не надежное средство и прибѣжище! Въ университетѣ нашемъ есть мужи правдивые, отважные и радѣющіе о благѣ общемъ; голосъ ихъ, хотя нѣкоторые и желаютъ оправдать сего челоѣка въ самомъ гнусномъ дѣлѣ, достигнетъ чрезъ г. министра даже до престола мудраго и справедливаго Монарха.

2. Я никакъ не могу согласиться съ г. профессоромъ Срезневскимъ, который въ 4-й статьѣ мнѣнія своего говоритъ: „что касается „до присяги, которую г. ректоръ обѣщается принять въ томъ, что „проданныя и продаваемые г. Паратичемъ и другими вещи не его „собственныя, почитаю за нужное предоставить сіе правленію, дабы „оно по силѣ и формѣ законовъ привело г. ректора къ упомянутой „присягѣ“. Сохрани Боже! Чтобы дозволить присягу такому челоѣку, коего преступленіе очевидно.

3. И къ чему всѣ доказательства г. ректора, что учителю Паратичу досталось въ Венгріи наслѣдство? Вопросъ, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, состоитъ не въ наслѣдствѣ, а въ томъ, точно ли вещи, продаваемые Паратичемъ, куплены были на деньги, вырученныя имъ за наслѣдство, что г. ректоръ хочетъ присягою подтвердить, или лучше, не самъ ли г. ректоръ на свои собственныя деньги покупалъ и — къ безславію университета — повсюду выставлялъ ихъ для продажи чрезъ г. Паратича? Вотъ, говорю, вопросъ, который единственно должно рѣшить. — Но, чтобы, сколько можно, пояснить дѣло сіе предъ совѣтомъ, нужнымъ считаю предложить нѣчто оному, о чемъ я никогда бы не упомянулъ, если бы не требовало того благосостояніе университета, отъ проступка одного только сочлена приходящее въ великую опасность; въ семь случаѣ частное дружество и долъ гостепріимства не имѣютъ мѣста: 1) сей Паратичъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, одинъ или съ своею женою, жилъ у меня, когда только пріѣзжалъ въ Харьковъ. По сему случаю неоднократно бралъ онъ у г. ректора разныя вещи для продажи, которыя не только мнѣ, но и другимъ, посѣщающимъ меня, показывалъ и предлагалъ для покупки, чистосердечно открываясь, что

вещи сіи не его, а г. ректора, ибо онъ тогда не могъ предвидѣть таковыхъ пагубныхъ слѣдствій сей гнустной торговли. 2) Что вещи сіи действительно принадлежали ректору, то весьма недавно на самомъ дѣлѣ открылъ Паратичъ: когда жена моя, бывшая нѣсколько недѣль въ Курскѣ, намѣревалась обратно ѣхать въ Харьковъ, то Паратичъ, воспользовавшись симъ случаемъ, препоручилъ ей перевезти въ Харьковъ значущее количество связокъ, коихъ онъ не могъ болѣе распродать, вмѣстѣ съ каталогомъ оныхъ, писаннымъ рукою самого ректора, для доставленія ихъ настоящему хозяину. 3) Въ Курскѣ, даже до пріѣзда визитатора, коего г. министръ прислалъ туда, прошлою зимою Паратичъ со всею искренностію объявлялъ тоже самое всѣмъ тѣмъ, коимъ предлагалъ онъ вещи для покупки. Будучи же допрашиваемъ по сему дѣлу г. визитаторомъ, отвѣчалъ, что продаваемые имъ вещи не Стойковичевы, а его, ссылаясь на то же наслѣдство, коимъ онъ только въ университетѣ такъ много превозносится. Но что вещи точно были Стойковичевы, то сіе во всемъ городѣ Курскѣ сдѣлалось извѣстнымъ по слѣдующему достопамятному случаю. Паратичъ несовершенно зналъ цѣну продаваемымъ королькамъ, каковую назначилъ имъ главный купецъ, находящійся въ домѣ университета, и потому продавалъ оныя гораздо дешевле, нежели чего они стоили. Но когда г. ректоръ, ничего нехотѣвшій и слышать о сей ошибкѣ Паратича, требовалъ отъ него всей суммы, причитающейся по оцѣнкѣ купцовъ, то Паратичъ, вмѣстѣ съ женою своею, принужденъ былъ бродить по всему городу, дабы выкупить проданные уже корольки, представляя обратно заплаченные покупателями деньги. Курскіе жители еще были столько добры, что отдавали корольки, довольствуясь тѣмъ, что получали обратно заплаченные ими деньги. Но многія таковыя нитки корольковъ проданы были пріѣзжимъ, бывшимъ случайно въ то время въ Курскѣ, кои не могли уже быть выкуплены, а посему Паратичъ горько жаловался какъ въ Курскѣ, такъ и въ Харьковѣ, что по непреклонности г. ректора потерялъ онъ въ семъ случаѣ по крайней мѣрѣ 300 руб. 4) По случаю пріѣхалъ я въ городъ Курскъ въ то самое время, когда профессоръ Двигубскій былъ тамъ визитаторомъ; по отъѣздѣ его, Паратичъ чистосердечно признался мнѣ, что вся исторія о купленныхъ вещахъ на доставшіяся якобы по наслѣдству деньги была выдумана, и что онъ изъ одного повиновенія къ Стойковичу, такъ какъ ректору и земляку своему, прибѣгъ къ сему услужливому обману, для того, чтобы онъ постарался о его чинѣ; что хотя и получилъ онъ наслѣдство въ 800 р. въ Венгріи, впрочемъ, на деньги сіи не только не покупалъ вещей для продажи, но даже и до сего времени остаются онѣ въ Венгріи для сохраненія. Паратичъ, по моему мнѣнію, удобно

можетъ быть извиненъ въ семъ обманѣ, который онъ употребилъ по дружбѣ, сверхъ того онъ не вызвался учинить присяги въ неправомъ дѣлѣ; но совѣмъ иначе долженъ быть принять поступокъ ректора, которой для оправданія своего въ томъ неправомъ дѣлѣ вызвался учинить присягу.

Дабы показать все мое отвращеніе къ гнусности преступленія, которое готово было совершиться, не могу не привести здѣсь одного мѣста изъ Цицерона, гдѣ ораторъ такъ выражается противъ Антонія: „и тебя, и подобныхъ тебѣ, и приближенныхъ твоихъ презираю, гнушаюсь и прокливаю; не страшусь угрозъ твоихъ, не ужасаюсь гибели, тобою мнѣ предопредѣляемой“. Проф. Шадъ. Харьковъ. 19 мая 1813 г.) ¹⁾.

Съ неменѣе рѣзкимъ заявленіемъ выступило коллективно 8 профессоровъ, направившихъ его черезъ совѣтъ прямо къ министру. Вотъ его текстъ въ тогдашнемъ же русскомъ переводѣ (оригиналъ былъ писанъ по латыни).

„Совѣту Императорскаго Харьковскаго университета. Съ того самого времени, какъ поступила въ совѣтъ жалоба Курскихъ учителей, возникло превратное понятіе и направленіе дѣлъ, къ оной принадлежащихъ. Вскорѣ послѣ того ректоръ университета вооружилъ членовъ оного противъ предписанія его сіятельства г. министра просвѣщенія, отъ чего едва не всѣ мы подверглись было слѣдствію въ какомъ-либо публичномъ судѣ. По одному только милосердію и особенному великодушію его сіятельства избавлены мы отъ того. Многіе профессора приведены ректоромъ въ заблужденіе двоякимъ образомъ: во-первыхъ, тѣмъ, что многія принадлежности, могшія вредить какъ ему самому, такъ и учителю Паратичу, земляку и сотруднику его въ торговыхъ дѣлахъ, были имъ нарочно запутаны и утаены отъ совѣта, предъ коимъ напротивъ весьма часто объяснялся онъ на счетъ тѣхъ только обстоятельствъ въ коихъ другіе учителя казались виновными и якобы бунтовщиками; а наконецъ, важнымъ тономъ въ рѣчи своей старался увѣрить всѣхъ, что назначеніемъ визитатора, коего г-ну министру угодно было послать, нарушаются всѣ права и преимущества, дарованныя университету, въ защищеніи и соблюденіи коихъ совѣтъ въ свое время долженъ будетъ дать отчетъ самому Государю Императору; а чтобы еще болѣе придать вѣсу словамъ, торжественно объявилъ, что, если такъ пойдутъ дѣла и такъ будутъ нарушаемы университетскія права и преимущества, онъ сложитъ съ себя званіе ректора. Таковымъ поступкомъ, подъ видомъ благосостоянія университета, онъ обольстилъ всѣхъ тѣхъ, кои не знали, что въ дѣлѣ семъ онъ ни мало не старался о пользѣ универси-

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6005, карт. 159.

тета, но заботился о собственномъ только положеніи, которое, какъ то онъ намъ повѣстилъ, приведено было въ величайшую опасность, такъ что, если бы проступокъ его былъ тогда же обнаруженъ, университетъ былъ бы избавленъ отъ того несчастія, подъ игомъ коего онъ стонетъ и будетъ стонать, покуда профессоръ Стойковичъ останется ректоромъ.

Но грозить тѣмъ, что сложить съ себя званіе ректора, было съ его стороны чистое хвастовство, каковую угрозу онъ весьма часто употреблялъ, какъ будто бы отъ него именно зависѣло благосостояніе университета, между тѣмъ, какъ достовѣрнѣйшимъ есть то, что при семъ ректорѣ оное тѣмъ вище подвергается опасности, а что угроза сія была однимъ хвастовствомъ, это очевидно изъ того, что въ то время какъ г. министръ изъявилъ свое согласіе на просимую имъ отставку, онъ притворился, какъ будто о томъ ничего не зналъ.

Наконецъ, поступила въ совѣтъ жалоба на ректора отъ адъюнкта Васильева, въ которой, между прочимъ, было донесено о запрещенномъ торгѣ и о пренебреженіи должности. Адъюнктъ сей убѣдительно доказалъ, что ни одинъ честный человѣкъ не можетъ имѣть почтенія къ такому ректору. Какъ же скоро ректоръ увидѣлъ, что при тщательномъ допросѣ тѣхъ, коими онъ былъ обвиняемъ, легко можетъ обнаружиться проступокъ его, то ничего болѣе не желалъ, какъ примиренія съ тѣмъ человѣкомъ, коего гналъ онъ съ величайшею ненавистію; примиренія сего искалъ онъ разными путями и, наконецъ, достигъ того съ величайшею признательностію. Но таковымъ поступкомъ тѣмъ болѣе посрамилъ онъ санъ ректора въ глазахъ всѣхъ ученыхъ и честныхъ людей, потому что чрезъ сіе ясно открылись и вина его, въ коей онъ сознался, и низкое понятіе о чести, коею онъ предъ всѣми величался. Однако-жъ и примиреніе сіе не могло имѣть желаемого конца, ибо такъ какъ жалоба адъюнкта Васильева передана уже была въ правленіе, которое тщательно принялось изслѣдовать сіе дѣло и требовало у ректора по сему отзывовъ, изъ коихъ нѣкоторые имъ и даны, то правленіе по законамъ государственнымъ никакъ уже не могло утаить и уничтожить сіе дѣло. Слѣдствіемъ же правленія ректоръ столько былъ раздраженъ, что въ отношеніи своемъ, недавно читанномъ и въ журналѣ записанномъ, грозилъ, что поступить съ правленіемъ по § 17-му устава, т. е., испросивъ помощь полиціи, разговить членовъ правленія; а въ другомъ отношеніи объявилъ, что прежде сказанное имъ, т. е., что вещи, продаваемые учителемъ Паратичемъ, были не его, а сего учителя, готовъ подтвердить клятвою, въ случаѣ нужды, между тѣмъ, какъ изъ многихъ документовъ явствуетъ, что вещи точно его, ректора; чѣмъ самымъ онъ нарушается достоинству званія имъ носимаго, чести же и

славѣ университета причиняетъ величайшій вредъ. Таковыя предложенія, торжественно въ совѣтѣ имъ чинимыя и изысканія письменныя, довольно показываютъ, къ какимъ подлостямъ онъ способенъ.

Съ того времени ректоромъ и его приверженцами подаваемы были самыя вздорныя совѣты, мнѣнія и поправки, разстроившія совершенно порядокъ и спокойствіе, грозившія переворотомъ самому университету, имѣя цѣлю то, чтобы проступокъ одного показать проступкомъ общимъ, и чтобы отставка, заслуженная однимъ ректоромъ, была рѣшительно защищаема цѣлымъ университетскимъ совѣтомъ. Если же съ равнодушнымъ терпѣніемъ, которое уже вотще было употреблено нами въ отношеніи къ ректору, и съ спокойнымъ духомъ рѣшимся ожидать конца симъ неустройствамъ, то онны болѣе и болѣе будутъ усиливаться, такъ что наконецъ ни одинъ честной и праводушной человѣкъ не согласится присутствовать тамъ, гдѣ предсѣдаетъ ректоръ; даже и тогда, когда бы дѣло шло только о немъ самомъ, а не другой какой либо долгъ предлежалъ намъ, мы имѣли бы уже достаточную причину убѣгать тѣхъ засѣданій, въ коихъ онъ предсѣдательствуетъ.

По самымъ важнымъ причинамъ, кои впослѣдствіи гораздо тщательнѣе выведутся наружу, нижеподписавшіеся находятся въ необходимости прибѣгнуть къ покровительству его сіятельства г. министра, съ полною надеждою ожидая его милосердія и покорнѣйше прося, чтобы среди бѣдствій, отъ коихъ стонетъ университетъ нашъ, простеръ къ намъ отеческую руку свою и по своему усмотрѣнію удостоилъ возстановить въ университетѣ тишину, изгнанную симъ ректоромъ и во гробъ покойнаго ректора Рижскаго ищущую для себя убѣжища, которая впрочемъ готова паки возвратиться къ намъ, какъ скоро будемъ имѣть достойнаго ректора.

Почитая долгомъ своимъ донести его сіятельству о настоящемъ положеніи и о сей язвѣ университета, чего причиною и виною одинъ только ректоръ, предадимъ благоусмотрѣнію и великодушію его сіятельства все сіе, то есть, и раны, университету причиненныя, и горестъ нашу, равно средства и попеченіе о томъ. Онъ и самъ соизволитъ усмотрѣть, что покуда время не выведетъ наружу всего того, что къ сему дѣлу принадлежитъ, мы ничего не можемъ принести его сіятельству, кромѣ совершенной преданности и покорности высшей власти.

Итакъ, всѣ мы одного мнѣнія, дабы совѣтомъ опредѣлено было донести его сіятельству, что миръ и согласіе въ университетѣ никакимъ образомъ не могутъ быть возстановлены, покуда сей ректоръ останется здѣсь, съ покорнѣйшею просьбою, объ освобожденіи насъ отъ онаго. Маія 31 дня 1813 г. Харьковъ. Подписали: профессоры Павелъ

Шумлянскій, Тимофей Осиповскій, Иванъ Шадъ, Христофоръ Роммель, Иванъ Каменскій, Иванъ Книгинъ, Иванъ Срезневскій, Карлъ Нельдехенъ желаетъ только, чтобы водворено было согласіе въ университетѣ и чтобы спокойно могъ онъ отивривать свою должность“¹⁾.

Подписали эту бумагу, какъ мы видимъ, всѣ тѣ профессора (7), которые хотѣли довести дѣло до конца; что же касается восьмого—Нельдехена—то онъ хотѣлъ только, чтобы въ университетѣ былъ, наконецъ, водворенъ порядокъ.

Сверхъ того одинъ изъ подписавшихся—профессоръ Книгинъ—обратился къ министру съ частнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія.

„Сіятедьнѣйшій графъ, М. Г.! Преисполненный благоговѣнія къ Монарху, неоднократно меня удостоившему Высочайшаго довѣрія и благоволенія во время службы моей въ Санктпетербургѣ, я не могу и теперь привести въ жертву кромѣ чувствованій преданности и усердія къ общему благу. Симъ однимъ руководимъ съ чистѣйшею откровенностію предстою особѣ вашего сіятельства изрещи правду, какъ бы съ оною надлежало повергнуться къ подножію трона.

Назначеніе университетовъ есть образованіе полезныхъ гражданъ; опыты насъ научили, что слѣдствіе всегда бываетъ равно своимъ причинамъ; а по сему добро и зло проистекають тѣмъ же порядкомъ. Есть ли представить настоящее положеніе Харьковскаго университета, то скорбь и собољзнованіе объемлетъ духъ сына отечества, предвидя неизбѣжныя и пагубныя послѣдствія отъ зла въ ономъ вкореняющагося.

Корень зла заключается вообще въ избраніи ректора изъ пришельцевъ и въ особенности въ лицѣ профессора Стойковича. Пресѣченіе зла въ первомъ отношеніи готовить вашему сіятельству благоволеніе потомства, въ послѣднемъ благодарность всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества за избавленіе отъ челоѡька, заглушившаго свою совѣсть и поблывшаго быть вѣчнымъ врагомъ тишины, чести, справедливости и всякаго добра, кромѣ собственнаго интереса.

Иностранецъ сей, лишенный качествъ высшаго чиновника, слишкомъ нагруженный безсовѣстіемъ, что было бы зломъ тлетворнымъ и въ частномъ лицѣ, пріосѣненный геніемъ Россіи, подъ защитою челоѡьколюбивыхъ законовъ ея избѣгаетъ правдивой казни, которая за беззаконные его поступки давно бы его постигла въ собственномъ отечествѣ. Въ кругѣ простодушныхъ и неалчныхъ гражданъ обрѣтаетъ тысячи средствъ удовлетворять страсти къ любостижанію. Среди сочленовъ—однихъ, въ миролюбіи не ревнующихъ кромѣ пользы отечества, другихъ, обольщенныхъ коварствомъ его и общаніемъ наградъ, невоз-

¹⁾ Архивъ мин. нар. проsv. Дѣло № 6005, карт. 159.

бранно идетъ на всѣ высшія степени, не по достоинству, а пронырствомъ, не для общей пользы, а для собственнаго низкимъ образомъ стяжаемаго интереса.

Уличенный въ поступкахъ, неприличныхъ званію и мѣсту, сокро-венно возжигаетъ распри между сочленами, дабы тѣмъ большую часть склонить на свою сторону и силу вины своей ослабить, а вмѣстѣ, какъ говорятъ, въ мутной водѣ и рыбу ловить. Гдѣ требуетъ собственная его польза, онъ не знаетъ ни святости чести, ни совѣсти, ни закона.

Такое состояніе университета требуетъ помощи вашей, требуетъ истребленія тлетворной заразы, уже довольно вкоренившейся. Настоящій ректоръ по большей склонности къ торговлѣ и раздорамъ, а не къ наукамъ и тишинѣ долженъ изъ круга образователей быть удаленъ.

Вотъ искра всѣхъ раздоровъ какъ теперь, такъ и впредь угрожающая университету пагубными слѣдствіями.

Представляя сіе на высокое вашего сіятельства благоусмотрѣніе, имѣю честь пребыть, сіятельнѣйшій графъ, вашъ всепокорнѣйшій слуга Харьковскаго университета профессоръ Иванъ Книгинъ. Харьковъ. 1813 года, іюня 1 дня.

У министра народнаго просвѣщенія, впрочемъ, сложилось уже опредѣленное мнѣніе о дѣлѣ Стойковича прежде даже, чѣмъ онъ получилъ послѣднія представленія профессоровъ: онъ рѣшилъ прекратить слѣдствіе и удалить въ отставку ректора. 21 мая гр. А. К. Разумовскій писалъ правленію: „предлагаю начатое правленіемъ слѣдствіе по доносамъ адъюкта Васильева на ректора Стойковича оставить вовсе, какъ потому что они уже между собою помирились, такъ и для того что Васильевъ показанія свои не подтверждаетъ достаточными доводами; отобраніе же объясненій отъ разныхъ мѣстъ и лицъ, найпаче не подвѣдомыхъ университету, продлило бы производство дѣла сего, и при томъ сношенія о семъ предметѣ съ посторонними мѣстами могли бы поселить въ людяхъ объ университетѣ, какъ о новомъ въ тамошнемъ краю заведеніи, невыгодное мнѣніе, что послужило бы къ великому вреду учебной части“. Въ тотъ же день министръ разрѣшилъ Стойковичу трехъ мѣсячный отпускъ, съ вычетомъ впрочемъ жалованья, а совѣту приказалъ выбрать проректора. Наконецъ, въ тотъ же день была имъ подписана въ совѣтъ бумага слѣдующаго содержанія: „разстроенное здоровье ректора сего университета Стойковича и дѣлаемые имъ по сей причинѣ частыя отъ университета отлучки побуждаютъ меня предложить совѣту объ избраніи установленнымъ порядкомъ на мѣсто его въ ректоры другого изъ ординарныхъ профессоровъ“ ¹⁾. 23 іюня министръ шлетъ

¹⁾ Чтенія, 1875, кн. 2-я, стр. 35.

новую бумагу, въ которой пишетъ совѣту: „предложивъ совѣту на мѣсто настоящаго ректора избрать другого изъ ординарныхъ профессоровъ, предписываю нынѣ поспѣшить симъ выборомъ, а между тѣмъ избрать профессора, который имѣетъ тотъ часъ вступить въ управленіе своей должности, *хотя бы настоящий ректоръ* и находился еще въ Харьковѣ“¹⁾. Проректоромъ сейчасъ же былъ избранъ Осиповскій, утвержденный въ своей должности 26 іюля и онъ же вслѣдъ за этимъ былъ избранъ и въ ректоры. 8-го августа гр. Разумовскій сдѣлалъ слѣдующій докладъ Государю: „ректоромъ Харьковскаго университета въ маѣ мѣсяцѣ 1811 года утвержденъ на три года ординарный профессоръ онаго коллежскій совѣтникъ Стойковичъ. Впослѣдствіи частые болѣзненные припадки столько ослабили его здоровье, что онъ не въ силахъ сдѣлался исправлять безотлучно должность свою и для пользованія своего принужденъ былъ оставлять нерѣдко университетъ, какъ и нынѣ по сей же причинѣ отлученъ къ кавказскимъ водамъ на три мѣсяца. Обстоятельство сіе побудило меня предложить университету избрать въ ректоры другого изъ профессоровъ, который бы, находясь безотлучно при университетѣ, *могъ быть болѣе для него полезенъ*. Вслѣдствіе сего избранъ совѣтомъ университета въ ректоры ординарный профессоръ коллежскій совѣтникъ Осиповскій. Объ утвержденіи его въ семъ званіи по установленію на три года имѣю счастье представить“.

На это послѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція: „согласно представленію вашему ординарнаго профессора Харьковскаго университета коллежскаго совѣтника Осиповскаго утверждаю ректоромъ сего университета по установленію на три года“. На подлинномъ собственною Е. И. В. рукою подписано такъ: Александръ, Грушево, августа 8 дня 1813²⁾.

Но еще до полученія этого указа въ Харьковѣ Стойковичъ самъ подалъ слѣдующее прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи его по болѣзни въ отставку отъ профессорской должности. Очевидно, онъ рассчитывалъ добиться такимъ образомъ по крайней мѣрѣ пенсіи. „Все-пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій Государь Императоръ, Александръ Павловичъ, Самодержецъ всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій! Просить Харьковскаго университета профессоръ, коллежскій совѣтникъ, Аѳанасій Ивановъ сынъ Стойковичъ, а о чемъ мое прошеніе, то слѣдуетъ. Десятый уже истекаетъ годъ, какъ я вступилъ въ службу Вашего Императорскаго Величества по ученой части. Съ самаго открытія учрежденнаго волею Вашею въ Харьковѣ университета, не щадилъ я

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6005, карт. 159.

²⁾ Ibidem.

силъ моихъ во исполненіи возлагаемыхъ на меня должностей; я отправлялъ ихъ съ вѣрностію и токмо совѣсти моей извѣстнымъ рвеніемъ. Многоразличными должностными и подвигами трудами, кои видны изъ послужнаго моего при семъ прилагаемаго списка, здоровье мое разстроилось, и я для поправленія онаго отпущенъ былъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ чужіе края въ 1810 году. Нынѣ болѣзни мои умножились до такой степени, что я, не видя здѣсь избавленія отъ нихъ, какъ явствуетъ изъ лѣкарственнаго свидѣтельства, службу мою продолжать не въ состояніи. Будучи безъ имѣнія, повергаюсь предъ Высочайшею Вашего Императорскаго Величества волею, изъясненной въ утвердительной грамотѣ университета. И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять, записать, меня отъ службы въ отставку уволить и за оную для пропитанія пенсіономъ по благоусмотрѣнію вознаградить. Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. 1813 г. августа 9 дня. Къ подавію надлежитъ въ совѣтъ Императорскаго Харьковского университета. Прошеніе писалъ проситель самъ¹⁾.

По университетскому уставу, пенсія полагалась за 25-ти лѣтнюю службу, за исключеніемъ того случая, когда профессоръ долженъ былъ выйти въ отставку ранѣе этого срока по неизлѣчимой болѣзни, лишавшей его возможности исправлять свои обязанности; тогда ему назначалась половинная пенсія, а иногда въ видѣ исключенія, за выдающіеся услуги, по особому одобренію университета, и полная (т. е. 2000 р.). Стойковичъ прослужилъ всего 10 лѣтъ и вышелъ въ отставку, не по болѣзни, а потому, что не могъ остаться въ университетѣ послѣ раскрытія его торговыхъ операцій. Слѣдовательно, онъ въ сущности не имѣлъ права рассчитывать ни на какую пенсію, тѣмъ болѣе, что у него, какъ мы знаемъ, было порядочное состояніе. Министръ народнаго просвѣщенія зналъ хорошо всѣ его предосудительные поступки, легшіе тяжкимъ бременемъ на университетъ, видѣлъ, что и ссылка его на неизлѣчимую болѣзнь есть только одинъ предлогъ; но, по великодушію своему, рѣшилъ удовлетворить его ходатайство и выдать половинную пенсію, какъ будто неизлѣчимо больному. Казалось бы, что Стойковичу уже ничего болѣе не оставалось, какъ благословлять щедрую и милосердную руку своего бывшаго министра. А между тѣмъ онъ пускаетъ въ ходъ просьбы и искательства, чтобы добиться еще награжденія слѣдующимъ чиномъ и вмѣсто половинной пенсіи получить полную! Эта назойливость окончательно дорисовываетъ намъ крайне антипатичную

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6053, карт. 159.

въ нравственномъ отношеніи личность Стойковича. Его искательства переполнили чашу терпѣнія даже у сдержаннаго, корректнаго министра и заставили его дать спокойную, но откровенную, безъ недомолвокъ, характеристику Стойковича въ отвѣтномъ письмѣ къ ходатайствовавшему за него князю Салтыкову. Хотя печатаемые нами ниже документы и относятся уже къ 1815 году, т. е. ко второму десятилѣтію ~~и~~ исторіи университета, но мы ихъ помѣщаемъ здѣсь въ виду тѣсной связи ихъ съ рассказаннымъ выше эпизодомъ о ректорствѣ Стойковича.

Прежде всего Стойковичъ обратился съ личнымъ ходатайствомъ къ гр. А. К. Разумовскому о награжденіи его чиномъ статскаго совѣтника—и здѣсь, по присущей ему манерѣ, подробно излагалъ свои заслуги передъ университетомъ, забывая о неудобствѣ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ и по обыкновенію безъ зазрѣнія совѣсти, приписывая себѣ то, что сдѣлано было другими; такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что университетскій садъ исключительно ему обязанъ „своимъ бытіемъ“, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности такъ могъ бы выразиться о себѣ скорѣе всего попечитель гр. Потоцкій; затѣмъ тутъ же онъ говоритъ, что управлялъ университетомъ въ теченіе 5 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ стоялъ во главѣ его только 3 года и 2 мѣсяца.

Вотъ подлинный текстъ его письма.

„Сіятельнѣйшій графъ, М. Г. Двѣнадцатый уже протекаетъ годъ, какъ я по приглашенію вступилъ въ службу. Бывъ при самомъ открытіи университета, половину времени служенія моего управлялъ я онымъ; другую половину отправлялъ я важнѣйшія при немъ должности непрерывно. Я смѣло утвердить могу, что ни единого нѣтъ при университетѣ заведенія, къ которому бы я не содѣйствовалъ: многія изъ нихъ, какъ-то — университетскій садъ, технологическій кабинетъ и проч. одолжены мнѣ бытіемъ своимъ; другія, какъ-то — физическій кабинетъ, типографія и пр. мною именно усовершенствованы. О сочиненіяхъ умалчиваю: они извѣстны. Не одинъ городъ и губернію Харьковскую — я призываю во свидѣтели весь университетскій округъ, сколь неуспѣшно трудился о благѣ просвѣщенія: вездѣ находятся слѣды трудовъ и стараній моихъ. Служа съ таковымъ рвеніемъ болѣе десяти лѣтъ, узналъ я токмо на сихъ дняхъ съ горестнымъ души прискорбіемъ, что при представленіи другихъ къ слѣдующему чину я пропущенъ. Я не смѣю думать, что сіе могло произойти отъ личнаго вашего неудовольствія, по причинѣ происшедшихъ въ послѣдній годъ ректорства моего въ университетѣ несогласій; *во-первыхъ* потому, что вы же сами послѣ того удостоили меня представить къ пенсіону; *во-вторыхъ* потому, что теперь уже видно, кто былъ источникомъ крамоль, споровъ и интригъ, продолжавшихся и послѣ меня и

при томъ въ худшемъ видѣ, *въ-третьихъ*, навснецъ, по тому, что ваше сіятельство и самыхъ зачинщиковъ всѣхъ несогласій не наказали и, слѣдовательно, неестественно, чтобы меня *сурубо* хотѣли наказать. Что же можетъ быть причиною *суруба* сего наказанія? Я остаюсь въ недоумѣніи и готовъ вашему сіятельству изъ официальныхъ университетскихъ бумагъ доказать свою невинность.

Сіятельнѣйшій графъ! Отъ васъ зависитъ успокоить меня; и я, зная ваше праводушіе, осмѣливаюсь питать себя надеждою, что вы мнѣ не откажете въ милости, которую вы другимъ оказали, не столько ее заслужившимъ, сколько пребывающій съ глубочайшимъ почтеніемъ милостивый государь вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Аѳанасій Стойковичъ. С.-Петербургъ, 4-го марта 1815 года⁴.

Но не разсчитывая на убѣдительность своей просьбы, Стойковичъ рѣшилъ прибѣгнуть къ протекціи сильныхъ міра сего и добился того, что князь Н. И. Салтыковъ написалъ въ пользу его слѣдующее письмо къ графу А. К. Разумовскому:

„Милостивый государь мой, графъ Алексѣй Кирилловичъ! Извѣстно мнѣ, что ваше сіятельство взяли обратно отъ управляющаго дѣлами комитета министровъ представленіе ваше объ опредѣленіи половиннаго пансіона бывшему профессору Харьковскаго университета Стойковичу съ тѣмъ, чтобы вмѣсто онаго доставить другое представленіе ваше объ опредѣленіи ему полнаго пансіона, который ему слѣдуетъ по Высочайше утвержденному уставу объ университетахъ за выслугу извѣстныхъ лѣтъ и за изданіе полезныхъ сочиненій. Зная г. Стойковича весьма достойнымъ человѣкомъ и принималъ въ немъ участіе, я покорнѣйше прошу васъ, М. Г. мой, оказать ему сію заслуженную имъ милость, равно какъ и отдать ему справедливость въ разсужденіи слѣдуемаго ему чина, чѣмъ вы меня весьма одолжите изволите. Я слышу, что вы остановились до сего времени представленіемъ о г. Стойковичѣ потому, что есть какое-то дѣло о взаимныхъ его съ нѣкоторыми членами Харьковскаго университета неудовольствіяхъ. Но, какъ извѣстно, что дѣло сіе при самомъ началѣ предано по вашему предложенію забвенію, и г. Стойковичъ, по пріѣздѣ своемъ сюда, просилъ васъ единственно о томъ, чтобы дѣло сіе истребовали для собственнаго вашего свѣдѣнія, желая, чтобы вы усмотрѣли изъ онаго его невинность и при томъ, такъ какъ онъ и университетъ уже два года оставилъ, то кажется мнѣ, дѣло сіе и не можетъ имѣть никакого вліянія на то, что ему за выслуги его по всей справедливости слѣдуетъ. Имѣю честь впрочемъ быть съ истиннымъ почтеніемъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга (подписано) князь Салтыковъ. Октября 29 дня 1815 г.“

Въ отвѣтъ на это графъ А. К. Разумовскій написалъ князю Н. И. Салтыкову слѣдующее:

Милостивый государь, князь Николай Ивановичъ! На почтеннѣйшее письмо вашей свѣтлости отъ 29 минувшаго октибріа о бывшемъ профессорѣ Харьковскаго университета Стойковичѣ—имѣю честь откровенно сообщить причины, удерживавшія меня доселѣ представить его къ пенсіону, и изъяснить обстоятельства, предшествовавшія увольненію его отъ университета. Я не отвергаю его ученыхъ знаній, но въ разсужденіи нравственности его, каковую долженъ имѣть опредѣленный къ образованію юношества чиновникъ, она весьма сомнительна, какъ изволите усмотрѣть изъ слѣдующаго. По Высочайше дарованнымъ правамъ для университетскихъ иностранныхъ профессоровъ дозволено имъ выписать вещей или пожитковъ на три тысячи рублей безплатно. Стойковичъ, пользуясь симъ правомъ, побывавъ въ отпуску на родинѣ своей въ Славоніи, выписалъ оттуда не другое что, какъ тамошнее красное вино въ количествѣ, не менѣе 19 оксофтовъ 14¹/₂ ведеръ. Г. министръ финансовъ, получивъ о семъ изъ Радзивиловской таможни донесеніе, предоставилъ заключеніе на счетъ сего привоза моему усмотрѣнію. Ваша свѣтлость, по собственному проищанію вашему, судить изволите,—можетъ ли такое количество вина быть выписано для домашняго токмо употребленія профессора, какъ Стойковичъ утверждать старался. Вскорѣ послѣ того явились у него на значительную сумму иностранные естампы, женскія украшенія, гранатами называемыя, и разныхъ сортовъ лентъ. Товары сіи запрещены къ привозу и, слѣдовательно, не могли быть иначе, какъ тайно привезены изъ заграницы. Стойковичъ, будучи ректоромъ университета, завелъ предосудительную торговлю сими товарами и разсылалъ оныя для распродажи къ подвѣдомымъ университету учителямъ, которые не обвиняясь говорили вездѣ, что товары сіи принадлежатъ ректору. Торговля сія всюду сдѣлалась извѣстною. Въ Курскѣ учитель ошибкою продалъ гранаты за дешевую цѣну и послѣ принужденъ былъ ходить по домамъ и отбирать ихъ отъ тѣхъ, кто купилъ ихъ. Въ послѣдствіи сдѣланъ формальный доносъ на Стойковича въ таковой торговлѣ, и онъ старался прекратить дѣло мировымъ прошеніемъ и потомъ поданнымъ въ университетъ письменнымъ отзывомъ готовъ былъ утвердить присягою, что вещи не его; но по сдѣланному слѣдствію обнаружилось, что онъ дѣйствительно отъ Стойковича къ учителямъ для продажи присланы были и ими продавались. Такимъ образомъ, Стойковичъ и присягу свою готовъ былъ ни во что вѣнчать. Сберегая лишь славу университета, какъ заведенія въ томъ краю новаго, я приказалъ прекратить дѣло сіе; но имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ

удостоверительныя отзывы о возникшихъ въ университетѣ раздорахъ, происшедшихъ въ ономъ безпорядкахъ и разстройствѣ, на которые нельзя было взирать равнодушно, не подвергнувши самое заведеніе въ глазахъ тамошнихъ жителей и помѣщиковъ презрѣнію и осмѣянію, и что причиною всему тому ректоръ Стойковичъ, потерявшій отъ университетскихъ чиновниковъ всякое уваженіе, я принужденъ былъ испросить повелѣніе Его Императорскаго Величества смѣнить Стойковича отъ ректорства, что вѣроятно было поводомъ ему просить послѣ того увольненія отъ университета. Съ опредѣленіемъ новаго ректора водворились спокойствіе и порядокъ въ университетѣ. Что касается до пенсіи Стойковичу, то, по университетскимъ постановленіямъ, положено давать за 25-ти лѣтнюю службу, исключая того, когда профессоръ, какъ въ университетской грамотѣ сказано, — окажется одержимъ неизлѣчимою болѣзнію, отъемлющею силы исправлять свою должность; въ такомъ случаѣ назначается *половинная пенсія*; но за отличныя достоинства и оказанныя заслуги, по особенному одобренію университета, опредѣлять предположено въ пенсію полное жалованье, разумѣется, все въ случаѣ неизлѣчимыхъ болѣзней. Стойковичъ находился въ службѣ только 10 лѣтъ, и потому одна болѣзнь его, которую онъ выставляетъ, можетъ служить поводомъ къ назначенію ему пенсіона; но и сей предлогъ не будетъ имѣть основанія, если, какъ по наружному виду Стойковича судить можно, онъ не одержимъ неизлѣчимою болѣзнію, которая бы отняла отъ него всѣ силы къ исправленію должности. Получивъ отъ него чрезъ университетъ прошеніе объ опредѣленіи ему пенсіона за болѣзнь и сожалея объ немъ, какъ о человѣкѣ, не въ отечествѣ своемъ находящемся, я представилъ его по установленію къ половинному пенсіону, т. е. къ полученію тысячи рублей въ годъ. Вашей свѣтлости извѣстно, что чиновники гражданской службы, проходя оную въ три раза долѣе Стойковича, остаются безъ сего пособія. Стойковичъ недоволенъ будучи и симъ, ищетъ за 10-ти лѣтнюю службу полного пенсіона — 2000 руб. Не получивъ отъ университета одобренія о службѣ его, что именно требуется Высочайшимъ постановленіемъ, а напротивъ имѣя въ виду упомянутыя дѣла его, помрачающія и самыя ученныя достоинства его, я не въ правѣ, отступить отъ постановленія и представить его къ полному пенсіону, не подавъ повода, смотря на сей примѣръ и другимъ требовать того же. Почему слѣдующій къ разсмотрѣнію комитета гг. министровъ проектъ доклада моего о половинной пенсіи Стойковичу имѣю честь приложить при семъ, предоставляя вашей свѣтлости судить, справедливо ли Стойковичъ ищетъ назначенія ему полного пенсіона. Упомянутыя дѣла были также причиною оста-

новки къ представленію его къ слѣдующему чину; но поелику онъ въ настоящемъ выслужилъ уже положенное время, то я ожидать буду увѣдомленія вашей свѣтлости, угодно ли будетъ вамъ, дабы о награжденіи его онымъ сдѣлано было отъ меня представленіе въ комитетъ гг. министровъ. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашей свѣтлости. Подписано: покорнѣйшимъ слугою Г. Алексѣй Разумовскій. Ноября 5 дня, 1815 года“.

Замѣтимъ еще, что Стойковичъ, которому, по его словамъ, были такъ дороги интересы Харьковскаго университета, и по выходѣ въ отставку, постарался повредить ему своей инсинуаціей и доносомъ, причинившими не мало хлопотъ новому ректору проф. Осиповскому; но объ этомъ мы будемъ говорить уже во 2-мъ томѣ своего труда.

Таковъ былъ прискорбный эпизодъ ректорства Стойковича и борьбы съ нимъ совѣта и правленія. Вѣрную оцѣнку его далъ въ своемъ письмѣ къ кн. Салтыкову самъ министръ народнаго просвѣщенія, который, изучивъ внимательно все дѣло, пришелъ къ полному убѣжденію въ виновности Стойковича и вообще въ отсутствіи у него нравственныхъ началъ, столь необходимыхъ для руководителя и наставника молодого поколѣнія. Онъ справедливо также отмѣтилъ то важное обстоятельство, что, благодаря своему недостойному образу дѣйствій, Стойковичъ совершенно утратилъ уваженіе своей коллегіи и потому не долженъ былъ оставаться во главѣ ея. Наконецъ, онъ объясняетъ намъ, что только одна забота о поддержаніи чести и репутаціи новаго въ томъ краѣ учебнаго заведенія заставила его прекратить слѣдствіе, которое однако и безъ того дало достаточно вѣскія улики противъ ректора. Сопоставляя это письмо министра съ его прежнимъ отвѣтомъ правленію, гдѣ онъ говорилъ, что Васильевъ не доказалъ своего обвиненія убѣдительными доводами, мы замѣчаемъ между ними какъ бы противорѣчіе, но его можно объяснить отчасти желаніемъ министра не становиться рѣшительно на сторону враговъ Стойковича, чтобы этимъ не возбудить еще болѣе ихъ страстей, а отчасти незнакомствомъ его съ содержаніемъ послѣднихъ представленій и объясненій профессоровъ (которые не успѣли еще тогда до него дойти)—получивъ же ихъ, онъ окончательно убѣдился въ полной виновности Стойковича. Въ нашемъ распоряженіи были всѣ тѣ официальные документы, какими пользовался и гр. А. К. Разумовскій; мы представили ихъ въ подлинникахъ читателю и надѣемся, что онъ вынесетъ изъ нихъ такое же убѣжденіе, какое вынесъ и министръ народнаго просвѣщенія, несмотря на то, что раньше онъ сильно благоволилъ къ Стойковичу. И современный историкъ долженъ произнести суровый приговоръ надъ Стойковичемъ, какъ

ректоромъ, хотя не можетъ отрицать въ немъ ни огромной энергіи, ни большихъ административныхъ талантовъ, ни довольно широкаго (хотя и не особенно глубокаго) образованія, ни заслугъ въ области научныхъ изслѣдованій. Время его ректорства, несмотря на нѣкоторые успѣхи въ отдѣльных частяхъ управленія, является самою печальною страницей въ исторіи Харьковскаго университета — это была въ полномъ смыслѣ этого слова смутная эпоха, *михольтъ*, время взаимныхъ распрей, интригъ, доносовъ, пререканій въ совѣтѣ, правленіи и факультетахъ, расцвѣтъ организованнаго взяточничества — покупки магистерскихъ и докторскихъ дипломовъ и обкрадыванія казны, въ чемъ примѣръ другимъ подавалъ ректоръ. Этотъ упадокъ, эта деморализація, конечно, должны были подрывать нравственное значеніе университета и въ окружающей средѣ — и дѣло о Курскихъ безпорядкахъ вмѣстѣ съ торговлей учителей Паратича и Лангнера служить яркимъ тому доказательствомъ. Такимъ образомъ, терялось то, что съ большимъ трудомъ приобрѣтено было въ первые годы существованія университета, въ ректорство незабвеннаго Рижскаго, о которомъ не даромъ теперь вспоминали въ своей бумагѣ, поданной министру, профессора: „тишина, изгнанная изъ университета Стойковичемъ, писали они, ищетъ себѣ убѣжища въ гробѣ покойнаго ректора Рижскаго“. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить въ заключеніе того важнаго обстоятельства, что выступили противъ Стойковича и выдерживали всю тяжесть борьбы съ нимъ профессора русскаго происхожденія со включеніемъ только двухъ иностранцевъ — Роммеля и Шада. Конечно, трудно въ настоящее время судить о мотивахъ, побудившихъ тѣхъ или иныхъ профессоровъ выступить противъ ректора, — одни дѣйствовали по однимъ соображеніямъ, другіе — по другимъ; одни искренно возмущались поведеніемъ главы университета; другимъ не нравилось, что это былъ не русскій человекъ, а „пришелецъ“; третьи и раньше знали о его продѣлкахъ, но относились къ нимъ совершенно спокойно, равнодушно, а теперь подъ вліяніемъ личныхъ отношеній, стали возмущаться ими; къ числу первыхъ мы относимъ такихъ лицъ, какъ Осиповскій, Роммель; ко второй группѣ принадлежалъ Книгинъ и, вѣроятно, еще другіе (напримѣръ, Шумлянскій); къ третьей нужно причислить Васильева и Шада; о побужденіяхъ перваго мы говорили выше: онъ самъ опѣивалъ эстампы Стойковичу, по приглашенію этого послѣдняго, а потомъ выступилъ съ публичнымъ обвиненіемъ противъ него; второй такъ близко зналъ торговые операціи Стойковича и пользовался такимъ довѣріемъ у Паратича, что тотъ передалъ черезъ его жену ректору не проданныя ленты. Во всякомъ случаѣ у насъ нѣтъ данныхъ заподозрить чистоту побужденій тѣхъ пяти русскихъ профессоровъ, которые довели

дѣло до конца — Осиповскаго, Срезневскаго, Книгина, Шумлянскаго, Каменскаго и шестого иностранца Роммеля; а если можно заподозрить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ какой-нибудь задней мысли, то только въ желаніи, чтобы во главѣ университета стоялъ профессоръ русскаго происхожденія — желаніи, исполнѣ законномъ, тѣмъ болѣе, что въ составѣ русской партіи числился тогда такой достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ дѣятель, какъ Осиповскій. Этого же послѣдняго мы не имѣемъ права заподозрить ни въ какихъ честолюбивыхъ планахъ или искательствахъ, потому что онъ самъ раньше отказывался отъ ректорской должности, хотя и имѣлъ всѣ права на нее, приобрѣвъ большую опытность въ университетскихъ дѣлахъ сперва въ качествѣ члена комитета, завѣдывавшаго приготовленіями къ открытію университета, а потомъ непремѣннаго засѣдателя правленія; лестный отзывъ о немъ попечителя графа Потоцкаго мы приводили выше. Что касается профессоровъ иностраннаго происхожденія, то они играли въ дѣлѣ ректора Стойковича какую-то двойственную роль, за исключеніемъ, быть можетъ, Швейкардта, который дѣйствовалъ bona fide и искренно, по всей вѣроятности, былъ убѣжденъ въ необходимости скорѣйшаго прекращенія „такого пустого дѣла“. Профессоръ Лангъ (секретарь совѣта) былъ на сторонѣ Стойковича. Цильгеръ и Нельдехенъ хотѣли, повидимому, дѣйствовать по пословицѣ: „моя хата зѣ краю—и“ я ничего не знаю“, при чемъ первый былъ приведенъ къ этому своей упорной борьбой съ членами факультета, не разрѣшавшими ему медицинской практики. Дегуровъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ ректоромъ и въ то же время заклятымъ врагомъ Шада, напавшаго яростно, какъ мы видѣли, на Стойковича — и потому (а отчасти и вообще по свойствамъ своего характера), вѣроятно, лавировалъ; кромѣ того, онъ скорѣе предпочиталъ бы видѣть ректоромъ льнувшаго къ иностранцамъ Стойковича, чѣмъ Осиповскаго; по одному же извѣстію, которое мы приведемъ ниже, онъ вмѣстѣ со Стойковичемъ бралъ взятки за дипломы; не имѣя возможности правѣрить этого обвиненія (а оно исходитъ отъ врага Дегурова — вѣмца Рейта), мы все-таки должны замѣтить, что въ нравственномъ отношеніи это былъ весьма ненадежный человекъ, какъ это доказано его ролью въ печальной исторіи Петербургскаго университета, гдѣ онъ былъ ректоромъ. Какими побужденіями руководились въ дѣлѣ Стойковича Гизе, Дрейсигъ и Ванотти, сказать не можемъ; впрочемъ, они и не играли видной роли, не выступали въ немъ активно; можно думать только, что Стойковичъ старался придать своему дѣлу характеръ борьбы съ представителями русской партіи и потому его поддерживали нѣкоторые изъ иностранцевъ, столь сильно боявшіеся, какъ мы видѣли, руссофильства, т. е. національнаго

русскаго самосознанія, выросавшаго подъ вліяніемъ Наполеоновскихъ войнъ.

Борьба членовъ совѣта съ ректоромъ и партійныя распри, естественно, обостряли вообще отношенія профессоровъ другъ къ другу, вызвали частныя ссоры, несогласія, столкновенія и въ совѣтскихъ, и въ факультетскихъ засѣданіяхъ; и страдали отъ этого нерѣдко лица постороннія, непричастныя къ дѣлу. Цѣлый рядъ пререканій возбудили дѣла о дарованіи разнымъ лицамъ ученыхъ степеней магистра и доктора. Особенно сильное возбужденіе въ факультетѣ и совѣтѣ вызвала промоція купца Хлапонина, искавшаго докторской степени.

Съ одной стороны сильное стремленіе къ образованію, съ другой желаніе выйти въ чиновники и поступить на государственную службу побудили курскаго купца Григорія Хлапонина держать въ университетѣ экзаменъ на степень доктора философіи. Руководителемъ въ его спеціальныхъ занятіяхъ философскими науками былъ проф. Шадъ—и одного этого было достаточно, чтобы бывшій тогда ректоромъ Стойковичъ сталъ всячески тормозить выдачу Хлапонину установленнаго диплома. Въ результатѣ явились бурныя засѣданія совѣта и взаимныя жалобы Хлапонина и Стойковича другъ на друга министру. Наглядное понятіе объ этомъ даетъ, напримѣръ, слѣдующее письмо Стойковича къ министру: „по случаю предложенія вашего сіятельства за № 1040 въ разсужденіи удостоиваемыхъ въ докторы, предложилъ я въ засѣданіи 28-го сего мая совѣту университета нѣкоторые вопросы относительно экзамена купца Хлапонина, которые имѣю честь препроводить при семъ подъ литерою А. Вопросы сіи весьма нужны были, поелику я, пересматривая прошлогодніе журналы нравственно-политическаго факультета, къ величайшему моему удивленію, нашелъ, что въ оныхъ о письменномъ экзаменѣ Хлапонина ни слова не упоминается, что выраженіе въ протоколѣ того-жъ факультета, отъ 7-го ноября 1812 года, будто бы Хлапонинъ отвѣчалъ и письменно, несправедливо и что, слѣдовательно, донесеніе факультета о семъ дѣлѣ совѣту фальшиво. — Сіе мое предложеніе такъ поразило г. профессора Шада, тогдашняго декава и нѣкоторыхъ еще членовъ, думавшихъ, что дѣло рѣшено, что они никакъ не соглашались на выполненіе въ немъ содержащагося. Однако, большинствомъ голосовъ положено требуемыя мною справки представить совѣту, отъ котораго въ свое время вашему сіятельству донесено будетъ.

Послѣ сего г. профессоръ Лангъ началъ читать свое мнѣніе относительно производимыхъ въ университетахъ въ докторы, изъ которыхъ здѣсь подъ литерою В. приложеннаго мнѣнія ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что оно стоитъ вниманія. При самомъ началѣ сего

чтенія гг. профессоры Шадъ и Роммель начали кричать. Я ихъ остановилъ; и г. Лангъ только что хотѣлъ продолжать, какъ г. Шадъ въ полномъ совѣтѣ закричалъ: *senatus academicus est conventus nationalis sub praesidio Roberspierrri*, то есть, *совѣтъ университета есть національный конвентъ, подъ председательствомъ Робеспьера*. Я, видя, что г. профессоръ Шадъ вышелъ изъ предѣловъ благопристойности, всталъ и въ силу 55-го § устава университета объявилъ, что по сей причинѣ засѣданіе прекращается. О чемъ долгомъ моимъ поставлю донести вашему сіятельству.

Теперь узналъ я, что послѣ сего засѣданія г. профессоръ Шадъ 30-го и 31-го чиселъ истекшаго мая ко всѣмъ ординарнымъ и экстраординарнымъ профессорамъ ѣздилъ съ какою-то бумагою, уговаривая ихъ подписать оную. Поступокъ сей хотя и противенъ законамъ и подлѣ, но какъ многіе участвовали въ удостоеніи Хлаповина въ докторы, то г. Шадъ и найдетъ таковыхъ, которые готовы будутъ подписать сію бумагу. Но какая бы сія бумага ни была и чтобы въ ней не содержалось, я смѣю увѣрить ваше сіятельство, что я ни за что на свѣтѣ отъ своей должности и отъ своихъ правилъ, покуда я ректоръ, ни на одинъ шагъ не отступлю и съ такою же строгостію буду взыскивать за исполненіемъ обязанностей каждаго, съ каковою и до сихъ поръ взыскивалъ. Ректоръ А. Стойковичъ. Іюня 2 дня 1813 года¹⁾.

Большіе споры происходили также по поводу возведенія въ магистерское и докторское званіе Дудровича, Дегая, Любовскаго, Мизка и Гесъ-де-Кальве; но объ этомъ мы скажемъ ниже. Теперь же только замѣтимъ, что большая часть этихъ претендентовъ искала ученыхъ степеней по предмету философіи у проф. Шада, отчасти благодаря его огромному ученому авторитету, а отчасти, быть можетъ, и по другимъ побужденіямъ, ничего общаго съ наукою не имѣющимъ. Деканомъ этикополитическаго факультета былъ раньше Шадъ, а въ послѣднее время онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто Швейкардту. Между Шадомъ и Швейкардтомъ были очень враждебныя отношенія, которыя разражались частыми столкновеніями ихъ, какъ въ факультетѣ, такъ и въ совѣтѣ: точно такіе же столкновенія происходили между Шадомъ и бывшимъ секретаремъ совѣта Лангомъ²⁾. Дѣло дошло до того, что многіе профессора перестали посѣщать засѣданія, а проф. Швейкардтъ официально просилъ совѣтъ освободить его на зимнее время отъ засѣданій, такъ какъ они происходятъ по вечерамъ, когда онъ, по состоянію своего

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 5977, карт. № 158.

²⁾ См., напримѣръ, дѣло совѣта Харьковскаго университета о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ 1813 г., № 52, стр. 23—25, 70—72.

здоровья, не долженъ выходить изъ дому ¹⁾). Это обстоятельство обратило на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія, который принужденъ былъ издать слѣдующій циркуляръ: „замѣчено мною, что во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, не взирая на данное мною предписаніе, члены установленныхъ совѣтовъ, конференцій и другихъ сословій (sic!) не бывають иногда въ собраніяхъ оныхъ, не объявляя никакой законной причины своему отсутствію; почему подтверждаю университету, чтобы члены онаго, когда не могутъ быть въ собраніяхъ, объявляли о томъ напередъ, съ показаніемъ препятствующихъ причинъ, которыя всегда означать въ журналахъ, а отнюдь въ оныхъ не записывать, что кто-либо изъ членовъ не присутствовалъ по неизвѣстной причинѣ“ ²⁾ (29 января 1814 года). Кромѣ этого общаго циркуляра министръ обратился еще спеціально въ совѣтъ Харьковскаго университета съ такимъ разъясненіемъ: „усматривая изъ меморій университетскаго совѣта, что нѣкоторые профессора не бывають въ собраніяхъ по причинѣ, что заняты въ то время лекціями, предлагаю распорядить всѣ университетскія собранія, если можно, такимъ образомъ, чтобы они назначаемы были въ свободное отъ преподаваній время“ ³⁾).

Засѣданія совѣта бывали столь бурны, что оказалось необходимымъ наомнить членамъ объ указѣ Петра Великаго (отъ 27 января 1724 г.), ограждающемъ порядокъ въ засѣданіяхъ, и этотъ указъ былъ теперь же переведенъ на французскій языкъ, чтобы съ нимъ могли познакомиться профессора-иностранцы ⁴⁾).

Приведенное нами выше письмо Стойковича было написано уже тогда, когда министръ подписалъ бумагу объ избраніи на его мѣсто новаго ректора, каковымъ былъ избранъ, какъ мы знаемъ, Осиповскій. Хотя министръ и писалъ Салтыкову, что при немъ возстановилась тишина въ Харьковскомъ университетѣ, но прежнія хроническія, такъ сказать, распри не могли пройти безслѣдно, не могли не повліять на нравы и привычки профессорской коллегіи. Авторитетъ совѣта въ глазахъ зависимыхъ отъ него лицъ замѣтно палъ и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, вслѣдъ за профессорами стали обращаться непосредственно къ министру и эти послѣднія, прилагая свои жалобы и обиды и нерѣдко при этомъ инсинуируя на своихъ враговъ. Понятное дѣло, что провѣрка такихъ жалобъ была для министерства чрезвычайно затруднительна и не-

¹⁾ Ibidem, стр. 209.

²⁾ Дѣло совѣта 1814 г., № 38.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ 1813 г., № 52, стр. 141—142.

пріятна. Въ видѣ примѣра можно указать на частное письмо, посланное министру адъюнктомъ Рейтомъ, гдѣ онъ жалуется, что его въ теченіе многихъ лѣтъ несправедливо не производятъ въ профессора ¹⁾. Самыхъ незначительныхъ поводовъ подъ часъ было достаточно, чтобы вызвать въ совѣтѣ непримиримое противорѣчіе мнѣній, для разрѣшенія котораго приходилось обращаться опять-таки въ министерство. Эти постоянныя жалобы какъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, такъ и со стороны всего совѣта, естественно, подрывали довѣріе къ университету въ министерствѣ, дискредитируя въ его глазахъ и университетскую автономію, и ея дѣятелей. Въ одномъ подобномъ случаѣ министръ вынужденъ былъ даже сдѣлать замѣчаніе совѣту по поводу рапорта его слѣдующаго содержанія:

„Въ засѣданіи 7 іюля профессоръ Шадъ письменно представилъ совѣту слѣдующее: „какъ профессоръ Каменскій недавно въ совѣтѣ читалъ и въ протоколѣ помѣстилъ нѣкоторое писаніе, въ коемъ старается доказать: а) что адъюнктъ философіи не нуженъ; б) что учителя Дудровича, бывшаго два года при университетѣ лекторомъ, должно уволить; то я, какъ деканъ нравственно-политическаго отдѣленія, почитаю нужнымъ просить совѣтъ о выдачѣ мнѣ копии съ онаго писанія. — Между тѣмъ прошу разрѣшить, не обязанъ ли секретарь совѣта въ дѣлахъ, касающихся до какого-либо отдѣленія, по просьбѣ сего, сообщать представленіе, посылаемое къ его сіятельству господину министру и вчернѣ хранимое въ архивѣ?“ — По поводу сего опредѣлено: а) чтобы профессоръ Шадъ самъ въ присутствіи секретаря переписалъ просимое писаніе; б) когда нѣкоторые члены словесно изъяснили, что, по смыслу второй статьи, не только наводится подозрѣніе на вѣрность секретаря, но и означаетъ то, что совѣтъ университета обязанъ отдѣленію давать отчетъ въ своихъ дѣлахъ; то ректоръ университета предложилъ, что секретаря долгъ и отвѣтственность есть та, чтобы представленіе было сходно съ протоколомъ, и что не одинъ секретарь, но вмѣстѣ ректоръ или другой членъ совѣта поднимаетъ представленіе, — такъ что отдѣленіе должно представить причину, для которой имѣетъ надобность разсмотрѣть представленіе, сопровождаемое къ вашему сіятельству, съ чѣмъ согласно думалъ и профессоръ Делавинъ; профессора Успенскій, Шадъ, Гизе и Роммель почитали нужнымъ представить о семъ на разрѣшеніе вашего сіятельства; профессора Лангъ, Дрейсигъ и Швейкардтъ мнятъ, что отдѣленіе можетъ просить, дабы представленіе вчернѣ было оному показываемо, не споря, что о семъ вашему сіятельству представить можно;

¹⁾ Это письмо мы приведемъ впоследствии.

профессоръ Книгинъ изъяснилъ, что отдѣленіе можетъ просить не представленіе, но выписку изъ протокола. Секретарь совѣта профессоръ Каменскій просилъ позволеніе привести жалобу его сіятельству господину министру на подозрѣніе, которымъ онъ не можетъ не оскорбляться. Наконецъ, опредѣлено представить о семъ вашему сіятельству. Во время чтенія протокола вчерѣ въ засѣданіи 15 іюля, профессоръ Шумлянскій изъяснилъ, что дѣло, опредѣленное закономъ, не слѣдовало бы представлять; но поелику настоятъ, то по требованію должно представить.—Профессоръ Каменскій не только представилъ на разсмотрѣніе протоколъ засѣданія, въ коемъ шло дѣло о надобности адъюнкта философіи, и представленіе писанное вчерѣ и препровожденное къ вашему сіятельству, которое и было читано ректоромъ и профессоромъ Книгинымъ, но и просилъ профессора Шада взять обратно свою бумагу, дабы о таковыхъ преніяхъ не поступили безвременно представленія къ вашему сіятельству, что, однако, профессоръ Шадъ отвергнулъ. О чемъ, вашему сіятельству совѣтъ имѣетъ честь представить на разрѣшеніе. Ректоръ Тимофей Осиповскій. Совѣта секретарь профессоръ Иванъ Каменскій. № 218. Августа 15 дни 1814 года⁴.

Въ отвѣтъ на это министръ написалъ въ совѣтъ такую бумагу. „Изъ представленія совѣта № 218, къ крайнему сожалѣнію моему усматриваю я, что между членами совѣта водворились по прежнему распри; что совѣтъ продолжаетъ заниматься пустыми преніями о предметахъ, весьма маловажныхъ, и что не существуетъ въ немъ единодушія, отъ котораго зависитъ цвѣтущее состояніе не только самого университета, но и учебныхъ заведеній, ему подвѣдомыхъ. Обстоятельство, имѣетъ ли право какое либо отдѣленіе университета, просить копію съ представленія отъ университетскаго совѣта, начальству посланнаго, съ величайшимъ жаромъ принято было на разсужденіе. Я полагаю, что если дѣйствія совѣта основаны на справедливости, то никакой вѣтъ причины не давать отдѣленію копію съ посланнаго начальству о чемъ либо представленія, или журнала, по которому таковое представленіе сдѣлано. И потому предлагаю всякой разъ, когда какое-либо отдѣленіе или сословіе, къ составу университета принадлежащее, найдетъ нужнымъ имѣть къ свѣдѣнію своему копію съ представленія или журнала, по предмету, до отдѣленія относящагося, незамедлительно сообщать оныя отдѣленію. При семъ случаѣ обязанностію считаю рекомендовать членамъ совѣта, дабы они, остави навсегда неприличныя званію ихъ, какъ наставниковъ юношества, распри и несогласія, обратились къ единодушію, толь нужному во всякомъ сословіи, а найпаче въ сословіи учащихся, которые должны подавать собою примѣръ согласія и доброй

правственности. Члены совѣта должны, вспомоцествуя другъ другу благимъ совѣтомъ, совокупными силами содѣйствовать, дабы университетъ пріобрѣлъ общее уваженіе, въ какомъ онъ, какъ высшее учебное заведеніе, находится долженствуетъ. Впрочемъ, обязанъ и присовокупить, что если, за всѣми убѣжденіями моими, продолжаться будутъ впредь распри въ университетѣ, то зачинщика оныхъ не премину и обратитъ къ порядку и непріятностямъ, каковыя съ таковымъ встрѣтятся, самъ онъ причиною будетъ. Сентября 7 1814 г.¹⁾

Когда эта бумага прочитана была въ совѣтѣ, то профессоръ Лангъ выступилъ письменно съ такимъ предложеніемъ: „когда въ засѣданіи совѣта 23-го сентября читано было предложеніе его сіятельства г. министра, коимъ напоминаетъ профессорамъ о согласіи, г. профессоръ Гизе думалъ, чтобы спорныя дѣла оставить безъ производства, къ коему мнѣнію и другіе профессора присоединились. Я охотно принимаю оное мнѣніе, надѣясь, что, когда они будутъ оставлены, то исчезнутъ всѣ поводы къ несогласію“²⁾.

Къ сожалѣнію, это доброе намѣреніе не было приведено въ исполненіе, и распри въ совѣтѣ продолжались и внослѣдствіи.

На этомъ мы и заканчиваемъ обзоръ дѣятельности совѣта и теперь переходимъ къ характеристикѣ дѣятельности факультетовъ и правленія.

По уставу, въ Харьковскомъ университетѣ было четыре факультета, но правильно функционировали только три изъ нихъ—словесный, этико-политическій и физико-математическій; четвертый же—медицинскій—хотя и имѣлъ штатъ профессоровъ (впрочемъ, далеко не полный), но, по недостатку студентовъ, преподаваніе на немъ не могло идти акуратнымъ образомъ и вообще дѣятельность его до 1811 года отличалась случайнымъ характеромъ: объявленные курсы не всегда осуществлялись; профессора его, за неимѣніемъ настоящихъ слушателей, читали лекціи воспитанникамъ Харьковскаго коллегіума, которымъ разрѣшено было посѣщать съ этою цѣлью университетъ; состояніе учебновспомогательныхъ заведеній, столь необходимыхъ для правильного преподаванія медицинскихъ наукъ, было самое печальное. Въ виду такого положенія дѣлъ возникъ было даже вопросъ объ упраздненіи медицинскаго факультета въ нашемъ университетѣ и за эту мѣру высказался самъ попечитель графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Къ счастью, министр на-

¹⁾ Архивъ мн. нар. просв. Дѣло № 6146, карт. 160; см. также архивъ Харьковского университета; дѣло совѣта 1814 г., № 34.

²⁾ Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ 1814 г., № 58, стр. 166.

роднаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій стоялъ за statu quo и поддерживалъ представленіе совѣта о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо было предпринять для обезпеченія правильнаго преподаванія. Мѣры эти состояли съ одной стороны въ привлеченіи студентовъ, а съ другой — въ увеличеніи преподавательскаго персонала и устройствѣ учебно-вспомогательныхъ учреждений. Намѣченная ими цѣль была достигнута, и университетъ, благодаря этому, сохранилъ свою цѣлостность и неприкосновенность; уничтоженіе же одного факультета могло угрожать въ будущемъ полнымъ его расчлененіемъ или превращеніемъ въ лицей, тѣмъ болѣе, что одно время весьма серьезно ставился вопросъ о переводѣ Харьковскаго университета въ другой городъ въ виду крайне неблагоприятныхъ гигиеническихъ условий г. Харькова ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ внутренняя коллегіальная дѣятельность на медицинскомъ факультетѣ была значительно слабѣе, чѣмъ на трехъ остальныхъ, хотя и здѣсь все-таки мы видимъ всѣ тѣ функціи, какія характеризуютъ работу другихъ отдѣленій.

По уставу, обыкновенныя факультетскія засѣданія должны были происходить ежемѣсячно, а чрезвычайныя — по мѣрѣ необходимости. Предсѣдателемъ на нихъ могъ быть ректоръ или деканъ. Факультеты вѣдали слѣдующія дѣла: 1) составляли распредѣленіе лекцій; 2) производили экзамены для полученія разныхъ университетскихъ степеней; 3) разсматривали рѣчи, приготовленныя для чтенія на актахъ, и сочиненія, представленныя для напечатанія на счетъ университета; 4) назначали темы конкурсныхъ сочиненій и давали отзывы объ этихъ послѣднихъ; 5) разсматривали смѣту средствъ, предназначенныхъ на нужды факультета; 6) разсуждали о предложеніяхъ, внесенныхъ въ факультетъ деканомъ или ректоромъ. Всѣ постановленія факультетовъ вносились на утвержденіе совѣта, который могъ отвергнуть ихъ, утвердить или сдѣлать свои измѣненія ²⁾.

Какъ видно отсюда, дѣятельность факультетовъ была очень скромная по сравненію съ дѣятельностью совѣта. Она касалась главнымъ образомъ факультетскаго преподаванія и чисто научныхъ сферъ; но и эти вопросы, въ болѣе широкой постановкѣ, обсуждались и разрѣшались, какъ мы видѣли, въ засѣданіяхъ совѣта.

¹⁾ Подробнѣе объ оставленіи медицинскаго факультета при Харьковскомъ университетѣ и о мѣрахъ, которыя были приняты для поднятія преподаванія на немъ, мы будемъ говорить въ главѣ, посвященной научно-преподавательской дѣятельности, а о планѣ перевода Харьковскаго университета въ другой городъ — въ главѣ о бытѣ и нравахъ профессорской коллегіи.

²⁾ Сборникъ постановленій по министерству народн. просв., т. I-й, стр. 277—278.

Вѣроятно, вслѣдствіе того, что тогдашніе дѣатели не придавали рѣшающаго значенія постановленіямъ факультетскихъ собраній, протоколы этихъ послѣднихъ плохо сохранились, и мы въ настоящее время имѣемъ очень незначительную, отрывочную коллекцію ихъ, между тѣмъ какъ акты совѣта и журналы правленія сохранились въ полной неприкосновенности. Даже извѣстная намъ рукопись, содержащая въ себѣ краткія свѣдѣнія о дѣятельности всѣхъ учреждений университета за первые годы его существованія („Исторія дѣлъ“), умалчиваетъ о томъ, что сдѣлали факультеты, и это, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что въ рукахъ ея составителя не было полной коллекціи факультетскихъ протоколовъ, хотя въ профессорской корпораціи и возникала мысль о необходимости составленія особыхъ обзоровъ дѣятельности факультетовъ. О безпорядочномъ состояніи факультетскихъ архивовъ свидѣлствуютъ и протоколы совѣтскихъ засѣданій 1813—1814 гг. Не имѣя возможности остановиться подробно на дѣятельности факультетовъ (по недостатку данныхъ), мы приведемъ только нѣсколько примѣровъ, которые намъ помогутъ уяснить основной вопросъ—въ какой мѣрѣ факультеты выполняли задачу, предначертанную имъ уставомъ; т. е. разрѣшали тѣ вопросы, перечень которыхъ нами былъ приведенъ выше.

Важнѣйшимъ актомъ дѣятельности факультетовъ было производство экзаменовъ, на которыхъ присутствовали ректоръ и депутаты другихъ факультетовъ, избираемые по жребію совѣтомъ. Такъ, на примѣръ, нѣсколько засѣданій этикополитическаго отдѣленія было посвящено въ іюнѣ 1807 года испытаніямъ студентовъ по разнымъ предметамъ факультетскаго преподаванія (по моральной и теоретической философіи, праву и политической экономіи). Засѣданія были до обѣда и послѣ обѣда и продолжались 2 дня (10-го и 11-го іюня). Въ протоколѣ приведенъ именной списокъ лицъ, подвергавшихся экзамену, и указаны полученные ими отмѣтки; опредѣлено также точнымъ образомъ, когда начиналось и оканчивалось засѣданіе и кто на немъ присутствовалъ ¹⁾. Точно также происходили экзамены и на физико-математическомъ факультетѣ по физикѣ и математикѣ: они продолжались 3 дня (12, 13 и 14 іюня), и на нихъ присутствовали кромѣ членовъ факультета (а членами факультета были профессора и всѣ адъюнкты) еще депутаты отъ другихъ отдѣленій (Рижскій, Тимковскій, Коритаріи, Шумляинскій, Рейтъ, Совиньи; въ протоколѣ отмѣчены фамиліи преподавателей, неявившихся въ засѣ-

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ 1807 года, № 61. стр. 88—89, 238.

даніе, и таблица отмѣтокъ, полученныхъ студентами ¹⁾. Также торжественно производились въ факультетахъ испытанія разныхъ лицъ, искавшихъ ученыхъ степеней—магистра и доктора. На экзаменѣ учителя Дудровича и магистра Любовскаго (по философiи) присутствовали только члены факультета ²⁾, а на экзаменѣ кандидата Дегаля командированы были особые депутаты въ виду того, что по поводу его испытанія были высказаны нѣкоторыя сомнѣнія въ засѣданіи совѣта ³⁾. Другими важными фактами въ дѣятельности факультетовъ являлось—составленіе raspredѣленія лекцій, чтеніе научныхъ сочиненій, предназначенныхъ авторами ихъ къ печати или произнесенію на актахъ, предложеніе книгъ для университетской библіотеки, и вообще все то, что ближайшимъ образомъ касалось факультетскаго преподаванія или факультетской науки. Чтобы дать читателю болѣе наглядное понятіе о вопросахъ, разсматривавшихся въ факультетскихъ засѣданіяхъ того времени, мы изложимъ здѣсь содержаніе нѣсколькихъ протоколовъ физико-математическаго отдѣленія за 1806 и 1807 годы. Вотъ протоколъ засѣданія 15 января 1806 г. „Присутствовали: деканъ отдѣленія орд. проф. Стойковичъ, деканъ медицинскаго факультета орд. проф. Шумлянскій, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе адъюнктъ Васильевъ, адъюнктъ Шмерфельдъ, адъюнктъ Крюгеръ, адъюнктъ Каретниковъ, адъюнктъ Ванотти. Положили: 1) физико-химическое разсужденіе о произращеніи растений, сочиненное орд. проф. химіи Шнаубертомъ на нѣмецкомъ языкѣ, по долгомъ совѣтованіи, съ поправленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ онаго самимъ сочинителемъ, предати тисненію; 2) слушали сокращенный переводъ съ нѣмецкаго языка на російскій химическаго испытанія, учиненнаго г. экстраорд. проф. Гизе надъ минеральными Константиноградскими водами“. Подлинный подписали всѣ присутствовавшіе, исключая Шумлянскаго.

Протоколъ засѣданія отъ 14 февраля того же 1806 г. „Присутствовали: деканъ отдѣленія орд. проф. Стойковичъ, деканъ медицинскаго факультета орд. проф. Шумлянскій, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнктъ Васильевъ, адъюнктъ Шмерфельдъ, адъюнктъ Крюгеръ, адъюнктъ Каретниковъ, адъюнктъ Ванотти. Положили: 1) разсужденіе о врачебной пользѣ минеральныхъ Константиноградскихъ водъ, сочиненное г. орд.

¹⁾ Ibidem, стр. 115—116.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предм. на иностр. яз. 1813 г., № 52, стр. 41, 54.

³⁾ Ib. стр. 42, 53.

проф. Шумлянскимъ, и переводъ химическаго испытанія тѣхъ же водъ, сдѣланнаго проф. Гизе, по основательномъ разсмотрѣнн послѣдняго г. орд. проф. Осиповскимъ, поручить секретарю отдѣленія доставить помянутому проф. Шумлянскому для составленія изъ нихъ общаго сочиненія и изданія въ свѣтъ; 2) убѣждаясь нуждами по учебной части гимназій и уѣздныхъ училищъ, г. деканъ факультета предложилъ членамъ его взять трудъ на себя или въ сочиненіи новыхъ приличныхъ учебныхъ книгъ по разнымъ предметамъ, относящимся къ сему отдѣленію, для помянутыхъ училищъ, или подать свои мнѣнія объ извѣстныхъ имъ сего рода сочиненіяхъ, вслѣдствіе чего: а) г. проф. Делявинъ объявилъ, что онъ намѣренъ сочинить начальныя основанія ботаники, а пока оныя будутъ изданы, опредѣлено слѣдовать такого же рода сочиненію, издавшему на руссiйскомъ языкѣ Амбодивомъ (?); б) проф. Осиповскій взялъ на себя сдѣлать сокращенное сочиненіе изъ своего математическаго курса, касательно же прикладной математики опредѣлено преподавать по переводу курса г. Кестнера; в) для технологіи одобряется прибавленіе г. Функа, находящееся въ полномъ его сочиненіи естественной исторіи и технологіи; г) въ разсужденіи зоологіи факультетъ за полезное признаетъ слѣдовать сочиненію г. Влугенбаха съ прибавленіями г. Берхмана; е) минералогію преподавать по руководству г. академика Севергина, издавшему для гимназій и утвержденному главнымъ правленіемъ училищъ; ф) въ разсужденіи сельскаго хозяйства назначается сочиненіе г. Панкели на латинскомъ языкѣ; 3) кромѣ математики и ботаники гг. члены факультета о прочихъ книгахъ подадутъ черезъ два дня свои мнѣнія; 4) вслѣдствіе § 52 устава училищъ, подписывающаго дѣлать при гимназіяхъ метеорологическія и топографическія наблюденія, факультетъ, по довольномъ разсужденіи о семъ предметѣ, опредѣлилъ: начертать для гимназій инструкцію и потому о метеорологическихъ наблюденіяхъ поручилъ орд. проф. Стойковичу, а въ разсужденіи топографическихъ г. адъюнкту Шмерфельду, съ дополненіями г. проф. Делявина по части ботаники. При семъ случаѣ г. проф. Шнаубертъ объявилъ, что онъ сообщитъ факультету записку о химическихъ средствахъ испытанія воздуха; 5) факультетъ, находя полезнымъ и нужнымъ имѣть на домѣ университета громовой отводъ, опредѣлилъ представить о семъ на разсужденіе общаго совѣта и попечителя онаго университета, если только отводъ не дорого будетъ стоить; 6) о недостающихъ въ университетской лабораторіи химическихъ приборахъ представлено гг. проф. Шнауберту и Гизе подать въ факультетъ реестръ; 7) въ разсужденіе нужныхъ пособій по части технологіи поручено г. адъ-

юнкту Шмерфельду сдѣлать свое замѣчаніе и доставить оное факультету; 8) всѣмъ гг. профессорамъ и адъюнктамъ предложено, пересмотрѣвъ поданные ими прежде реестры книгъ, означить буквою „А“ самыя нужныя, которыя въ непродолжительномъ времени должны быть доставлены; 9) г. адъюнктъ Крюгеръ подалъ мнѣніе, что ему необходимо нужно имѣть модели всѣхъ измѣненій хрусталей, ископаемыхъ, вырѣзанныхъ изъ дерева, почему положили поручить ему самому заказать сдѣлать оныя по образцамъ, находящимся у г. экстраорд. проф. Гизе“. Подписали всѣ присутствующіе.

Протоколъ засѣданія отъ 3 марта того же года. „Присутствовали: деканъ орд. проф. Стойковичъ, деканъ медицинскаго факультета орд. проф. Шумлянскій, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Деливинъ, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты Васильевъ, Шмерфельдъ, Крюгеръ, Каретниковъ, Вавотти. 1) г. деканъ отдѣленія предложилъ, чтобы рекомендовать учителямъ гимназій по физикѣ сочиненіе Витта съ дополненіями изъ другихъ новѣйшихъ и лучшихъ по сему предмету сочинителей. При семъ случаѣ г. профессоръ Осиповскій подалъ свое мнѣніе, что лучше бы было повидимому, сколько возможно, въ физикѣ избѣгать системъ, на произвольной предварительности основанныхъ, почему и одобрилъ къ преподаванію физику г. Гаго (?), изданную въ пользу французскихъ національныхъ лекцій съ новыми дополненіями; 2) г. экстраорд. проф. Гизе рекомендуетъ для гимназій естественную исторію, сочиненную г. Флерномъ и изданную въ 1804 году; 3) по опредѣленію послѣдняго въ семъ отдѣленіи засѣданія г. адъюнктъ Шмерфельдъ подалъ проектъ о дѣланіи топографическихъ наблюденій; почему положено приобщить оное къ прочимъ, когда всѣ по сему предмету доставлены будутъ, для сочиненія общей инструкціи; 4) читаны оба сочиненія гг. профессоровъ орд. Шумлянского и экстраорд. Гизе объ изслѣдованіи, учиненномъ ими надъ Константиноградскими минеральными водами, которыя по прочтеніи и поправленіи въ нихъ нѣкоторыхъ мѣстъ опредѣлено препроводить въ правленіе университета, дабы благоволило вслѣдствіе заключенія общаго совѣта приказать напечатать въ университетской типографіи; для поправленія же корректуры отдѣленіе избрало г. адъюнкта Крюгера, о чемъ и дать знать правленію выпискою; 5) г. экстраорд. проф. Гизе подалъ списокъ инструментовъ и другихъ вещей, необходимо нужныхъ по химической лабораторіи, который опредѣлено представить на разсмотрѣніе общаго совѣта; 6) г. деканъ сего отдѣленія представилъ реестръ книгъ, которыя г. орд. проф. Шнаубертъ желаетъ продать университету; положено послать каталогъ для прочтенія всѣмъ

гг. членамъ онаго отдѣленія съ вопросомъ о миѣннѣ въ погупкѣ оныхъ⁴⁾. Подписали всѣ присутствовавшіе¹⁾.

Протоколъ засѣданія 12 января 1807 г. „Присутствовали: ректоръ университета орд. проф. Стойковичъ, деканъ отдѣленія орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты—Васильевъ, Шмерфельдъ, Крюгеръ. 1) Поелику нужно въ семъ краю знаніе употребленія градирныхъ домовъ, по причинѣ находящихся въ южныхъ російскихъ губерніяхъ соляныхъ источниковъ и озеръ, то отдѣленіе признаетъ полезнымъ искупить представленную ему модель таковаго градирнаго дома, которую нашло соотвѣтственно намѣренію и которой цѣна 50 р.; 2) г. ректоръ университета предложилъ: 1) 7 томовъ Фишера словаря физики, стоящіе 19 талеровъ и 20 фердинговъ и 2) Фишера исторіи физики недостающіе въ библіотекѣ 5-й, 6-й и 7-й томы, стоящіе 11 талеровъ и 15 фердинговъ: определено упомянутыя книги купить; 3) г. деканъ отдѣленія предложилъ, что необходимо нужно искупить—1) продолженіе „Species plantarum“ editio Willdenowii, которой въ библіотекѣ находится 3-го тома 2-я часть и 2) сочиненіе подъ названіемъ „Plantae variores, editio Kitaibeli et Valdesteinii; отдѣленіе согласно съ симъ предложеніемъ; 4) читаны—1) разсужденіе о паденіи метеорическихъ камней, сочиненное г. ректоромъ, и 2) о главныхъ подвигахъ, учиненныхъ російскими естествоиспытателями въ познаніи естественныхъ произведеній природы, и о тѣхъ, кои еще имъ сдѣлать предлежитъ, сочиненіе г. экстраорд. проф. Гизе. По выслушаніи, обрѣчи опредѣлены къ публичному чтенію въ день торжественнаго собранія университета сего генваря 17 дня. Г. секретарь отдѣленія адъюнктъ Каретниковъ за болѣзнь не присутствовалъ. Подлинный подписали всѣ присутствовавшіе“.

Протоколъ засѣданія 9-го марта 1807 г. „Присутствовали: деканъ отдѣленія орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты: Васильевъ, Шмерфельдъ, Крюгеръ. Слушали: 1) Предложеніе г. ректора университета, при которомъ препровожденъ отдѣленію кусокъ воздушнаго камня, упавшаго съ прочими въ слободскоукраинской губерніи. Определено: половину сего камня вручить г. проф. Шнауберту для помѣщенія въ минеральномъ кабинетѣ, а другую часть отдать г. проф. Гизе для химическаго разложенія. 2) По второму пункту упомянутаго предложенія было предложено отдѣленіемъ чрезъ исправляющаго должность секретаря адъюнкта Крюгера г. ректору университета Стойковичу, не благоугодно ли ему принять на себя сочиненіе разсужденія для чтенія онаго въ общемъ собраніи въ пер-

⁴⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1806 г., № 49.

выхъ числахъ апрѣля мѣсяца. Но какъ г. ректоръ чрезъ того же адъюнкта Крюгера отозвался, что онъ за многими другими дѣлами университета не можетъ приняться за сочиненіе упомянутого разсужденія, а потому предлагаетъ, чтобъ сочиненіе такового разсужденія поручить одному изъ прочихъ членовъ отдѣленія, то и опредѣлено: препоручить изготovitъ таковое разсужденіе г. декану отдѣленія проф. Делявиню.

3) По четвертому пункту предложенія г. ректора опредѣлено: адъюнкту Крюгеру быть въ помощи у него г. ректора при сочиненіи инструкціи о метеорологическихъ наблюденіяхъ. 4) Г. деканъ отдѣленія предложилъ о надобности въ книгахъ: 1) *Naturhistorische Abbildungen, von Blumenbach* и 2) *Neue Auflage von Blumenbach's Naturhistorischen Werke*. Опредѣлено: по необходимости упомянутыхъ книгъ потребно оныя испустить, о чемъ и дать знаніе правленію выпискою изъ журнала. 5) Г. адъюнктъ Шмерфельдъ представилъ модели машинъ: 1) топчею для битья масла и 2) крупчатку съ теркою для пиленія деревъ, первая цѣною въ 15 руб., а вторая — въ 20 руб., итого обѣ за 35 руб. Опредѣлено: упомянутыя модели купить для технологическаго кабинета и о томъ дать знаніе правленію выпискою изъ журнала. Г. ректоръ за дѣлами университетскими, а г. адъюнктъ Каретниковъ по болѣзни не присутствовали.

Протоколъ засѣданія 13-го апрѣля 1807 г. „Присутствовали: ректоръ университета орд. проф. Стойковичъ, деканъ отдѣленія орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты: Шмерфельдъ и Крюгеръ. Слушали: 1) Отзывъ г. декана отдѣленія, коимъ изъясняетъ, что по многимъ занятіямъ въ ботаническомъ саду не имѣлъ онъ времени написать разсужденія къ чтенію въ первыхъ числахъ апрѣля въ общемъ совѣтѣ, вслѣдствіе чего опредѣлено вмѣсто обыкновеннаго разсужденія прочитатъ въ совѣтѣ описаніе разложенія воздушнаго камня, сообщеннаго отдѣленію г. ректоромъ университета. 2) Читано представленіе г. проф. Шнауберта, по коему согласно съ § 84 устава университета на 5-й пунктъ того представленія опредѣлено: общее собраніе ископаемыхъ имѣетъ состоятъ въ вѣдѣніи профессора химіи, а употребленіе особеннаго отдѣленія минераловъ для преподаванія минералогіи предоставить преподающему сію науку адъюнкту Крюгеру“.

Протоколъ засѣданія отъ 24-го апрѣля 1807 г. „Присутствовали: ректоръ университета орд. проф. Стойковичъ, деканъ отдѣленія орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты: Шмерфельдъ и Крюгеръ. Слушали: 1) Предложеніе г. ректора университета, коимъ изъяснилъ, что онъ по многимъ университетскимъ занятіямъ, окончивъ общую часть физики, не имѣетъ

времени продолжать частную или особенную оной часть; а дабы студенты не могли утратить сего курса, то полагаетъ, чтобъ оный до начатіи экзаменовъ поручить преподавать адъюнкту Крюгеру. Отдѣленіе, соглашавсь съ симъ предложеніемъ, опредѣлило: дабы сію особенную часть физики преподавалъ упомянутый адъюнктъ Крюгеръ, о чемъ и представляетъ на благоусмотрѣніе общаго совѣта“ 1).

Этотъ подлинный текстъ протоколовъ прекрасно знакомить насъ съ обычною дѣятельностью всѣхъ факультетовъ; онъ какъ бы вводитъ въ ту комнату, гдѣ происходили засѣданія физико-математическаго отдѣленія. Засѣданія эти были посвящаемы почти исключительно вопросамъ, имѣвшимъ прямое отношеніе къ научной и преподавательской дѣятельности членовъ факультета. Если и въ засѣданіяхъ совѣта, согласно требованію устава, должны были читаться разные сочиненія, дѣлаться доклады и т. п., то въ факультетскихъ собраніяхъ имъ отводилось еще болѣе мѣста: здѣсь, какъ мы видимъ, цѣликомъ прочитывались и даже подвергались исправленію ученые рефераты и статьи членовъ отдѣленія; здѣсь сообща разсматривались вопросы о приобрѣтеніи книгъ для университетской бібліотеки и разныхъ предметовъ для учебно-вспомогательныхъ учрежденій факультета. Въ этомъ отношеніи власть факультетовъ была тогда шире, чѣмъ теперь — въ настоящее время каждому профессору въ отдѣльности предоставлено больше свободы, чѣмъ прежде. Но и старый порядокъ имѣлъ для своего времени серьезныя основанія — товарищескій взаимный контроль надъ сочиненіями былъ необходимъ, напримѣръ, тогда потому, что большая часть профессоровъ были иностранцы, незнакомые ни съ русскою жизнью, ни съ русскимъ языкомъ; точно также удобнѣе было, при крайне ограниченныхъ ресурсахъ для выписки книгъ въ университетскую бібліотеку, предоставить это право факультету, а не каждому изъ членовъ его въ отдѣльности.

Такова была обычная дѣятельность факультетскихъ собраній, нарушаемая иногда спорами и столкновеніями ихъ членовъ. Конечно, столкновений подчасъ трудно избѣжать и такой коллегіи, внутренняя жизнь которой идетъ нормальнымъ путемъ, — они могли быть (и бывали) и въ факультетахъ Харьковскаго университета. Но намъ интересно знать, не принимала ли эта внутренняя борьба иногда слишкомъ рѣзкаго, страстнаго характера. Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что подчасъ она именно отличалась такимъ свойствомъ.

Въ 1807 году страсти были возбуждены дѣломъ проф. Пильгера. Много хлопотъ доставилъ и факультету, и совѣту, и правленію профессоръ скотолчченія Пильгеръ. Не имѣя званія врача, онъ хотѣлъ тѣмъ

1) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1807 г., № 41.

не менѣе заниматься (и дѣйствительно занимался, при томъ очень удачно) медицинскою практикою. По словамъ Роммеля, онъ значительную часть своего времени проводилъ въ саркастическихъ выходкахъ противъ своихъ факультетскихъ враговъ, которые, прибавимъ отъ себя, платили ему тою же монетою, и дѣло дошло даже до того, что товарищи жаловались на него министру. Въ засѣданіи 30 сентября 1807 года медицинскому факультету пришлось, между прочимъ, рѣшать вопросъ, вызванный именно врачебною практикой Пильгера: «относится ли ветеринарное искусство къ медицинѣ?»

Факультетъ, читаемъ мы въ протоколѣ по этому поводу, не отвѣчалъ на этотъ вопросъ раньше вслѣдствіе малочисленности своихъ членовъ, изъ коихъ два должны были въ скоромъ времени пріѣхать изъ-за границы. Теперь же онъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе. Съ точки зрѣнія физиологической, ветеринарія относится къ медицинѣ и, конечно, съ болѣшимъ основаніемъ, чѣмъ медицина растений. Но человѣкъ отличается отъ животныхъ не однимъ только разумомъ, самая природа его несравненно совершеннѣе. Вслѣдствіе этого, если бы кто-либо былъ опытнѣйшимъ человѣкомъ въ ветеринаріи и искуснѣйшимъ ветеринаромъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ зналъ медицину человѣка и заслуживалъ бы званія доктора медицины; для этого требуются спеціальныя изученія, засвидѣтельствованныя дипломомъ. И наши законы благоразумно требуютъ для врачебной практики званія доктора медицины. А г. Пильгеръ, хотя и заявилъ въ присутствіи многихъ лицъ, достойныхъ довѣрія, что въ 1781 году онъ получилъ въ Ерлангенскомъ университетѣ дипломъ на степенъ доктора медицины и хирургіи, который спрятанъ у его брата, но не доказалъ этого и тѣмъ не менѣе вопреки рѣшенію совѣта и законовъ государства продолжаетъ запрещенную ему медицинскую практику, пользуясь тою уловкой, что свои рецепты прописываетъ какъ будто для скота, а на самомъ дѣлѣ для людей, съ явною опасностью для этихъ послѣднихъ, какъ это обнаружилось въ засѣданіи факультета 22 сентября подъ предсѣдательствомъ ректора ¹⁾.

Распри, происходившія въ совѣтѣ 1812—1814 гг., нашли себѣ отраженіе и въ факультетахъ и проявились съ особенною силою на экзаменахъ. Между прочимъ въ это время экзаменовался кандидатъ Дегай, противъ котораго была сильная оппозиція, вызванная, по всей вѣроятности, извѣстіями о взяткахъ, которыя были даны его отцомъ—извѣстнымъ богачомъ б. херсонскимъ губернаторомъ Хорватомъ; по крайней мѣрѣ Розальонъ-Сомальскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ объ этомъ, какъ о всѣмъ извѣстномъ фактѣ, подтверждая и разъясняя *

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ, 1807 г., № 61, стр. 106, 117.

разсказъ Роммели. Этотъ же послѣдній сообщаетъ, что Дегай предлагалъ ему передъ своимъ докторскимъ экзаменомъ въ видѣ взятки великолѣпныя дрожки и пару лошадей, которыя, послѣ его отказа, очутились во владѣніи одного изъ его русскихъ коллегъ. Въ томъ же 1814 г. произошло столкновение въ засѣданіи этикополитическаго отдѣленія во время экзамена студента Андреева. Вотъ какъ описывается оно въ официальномъ донесеніи факультета совѣту. Студентъ Андреевъ выдержалъ удовлетворительно письменное испытаніе и былъ допущенъ факультетомъ къ устному экзамену на степень кандидата; при этомъ онъ просилъ, чтобы его прежде всего проэкзаменовали изъ земледѣлія, лѣсоводства и технологіи, ибо этими предметами онъ занимался особенно усердно. Въ виду этого былъ приглашенъ въ засѣданіе преподаватель этихъ наукъ проф. Нельдехенъ, который и хотѣлъ приступить къ испытанію Андреева. Но явившійся въ факультетъ проф. И. Срезневскій (преподаватель русской словесности) просилъ, чтобы факультетъ разрѣшилъ ему первому проэкзаменовать аспиранта изъ своего предмета, такъ какъ онъ не можетъ долго оставаться въ засѣданіи факультета. Получивъ это разрѣшеніе, проф. Срезневскій приказалъ студенту Андрееву принести бумагу и перо, посадилъ подлѣ себя и хотѣлъ продиктовать ему диктовку, чтобы убѣдиться въ томъ, можетъ ли онъ правильно писать по русски. Но противъ этого возстали члены факультета, объясняя, что Андреевъ уже выдержалъ письменное испытаніе и теперь долженъ сдавать устный экзаменъ; факультетъ же не обязанъ контролировать успѣховъ Андреева въ русскомъ правописаніи, потому что такой контроль происходитъ при поступленіи молодыхъ людей въ университетъ; профессоръ же Срезневскій можетъ, если угодно ему, производить устное испытаніе изъ русской словесности. Проф. Срезневскій отказался отъ экзамена при такихъ условіяхъ и удалился изъ засѣданія. Факультетъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе совѣту и сообщилъ результаты испытаній Андреева; оказалось, что онъ превосходно выдержалъ экзаменъ изъ всѣхъ наукъ—главнаго предмета философіи, латинской словесности и сельскаго хозяйства, при чемъ отвѣты давалъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ. Совѣтъ, по большинству голосовъ, рѣшилъ однако, чтобы Андреевъ написалъ письменную работу проф. Срезневскому, и члены этикополитическаго факультета съ своей стороны заявили, что, хотя это противорѣчитъ формѣ экзаменовъ, предписанной уставомъ, тѣмъ не менѣе они соглашаются на это, чтобы ихъ не заподозрѣли въ какомъ-либо покровительствѣ испытуемому¹⁾. Въ объясненіе этого послѣд-

¹⁾ Харьк. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ 1814 г., № 58, стр. 152, 167.

няго намека мы должны добавить, что этотъ Андреевъ былъ сынъ богатаго Екатеринославскаго помѣщика и, слѣдовательно, экзаменаторы могли быть заподозрѣны тутъ въ особомъ лиценріятіи и полученіи подарковъ.

Большія пререканія на этикополитическомъ факультетѣ происходили въ 1813 году между тогдашнимъ деканомъ проф. Швейкардтомъ и прежнимъ Шадоу. Шаду не даромъ слылъ „неистовымъ“: онъ дѣйствительно былъ крайне неводержанъ въ выраженіяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуешь и жалоба, поданная на него Швейкардтомъ въ совѣтъ университета. „О неслыханномъ и почти невѣроятномъ дѣлѣ мнѣ приходится говорить—такъ начинается свою жалобу Швейкардтъ. Обыкновенный профессоръ теоретической и практической философіи Шаду осмѣлился меня оскорбить при исполненіи моихъ обязанностей. Довошу объ этомъ совѣту, потому что этого требуетъ моя должность и къ этому меня принудилъ самъ Шаду. Предоставляю вашей мудрости рѣшить это дѣло и переходжу къ изложенію его.

Когда я вступилъ въ обязанность декана, секретарь факультета Павловичъ доставилъ мнѣ акты истекшаго года, причемъ я сейчасъ же замѣтилъ, что тамъ нѣтъ на лицо почти половины ихъ, въ томъ числѣ работъ и диссертаций магистрантовъ Любовскаго и Любатинскаго и докторанта де-Кальве. Отыскать ихъ было для меня долгомъ чести. Поэтому я отправилъ списокъ недостающихъ протоколовъ, совѣтскихъ рѣшеній, просьбъ о выпискѣ книгъ и т. п. къ бывшему декану, профессору Шаду, и просилъ его возвратить случайно оставшіеся у него документы. И онъ дѣйствительно нашелъ у себя два протокола (если не ошибаюсь), а о другихъ заявилъ, что они у тѣхъ профессоровъ, которымъ были переданы для прочтенія. Обойти молчаніемъ этотъ вопросъ въ засѣданіи этикополитическаго отдѣленія я и не могъ, и не долженъ былъ, въ особенности въ виду того, что совѣтъ поручилъ всѣмъ деканамъ выработать какія-либо мѣры касательно факультетскихъ архивовъ. По этой причинѣ факультетъ, согласно моему предложенію, въ присутствіи проф. Шада, безъ всякихъ колебаній постановилъ—если нѣтъ на лицо важныхъ актовъ, то просить совѣтъ, чтобы онъ напомнилъ профессорамъ, которые ихъ читали и, быть можетъ, удержали у себя, о возвращеніи ихъ въ факультетъ. На третій день послѣ этого проф. Шаду не устыдился написать на этомъ протоколѣ, что этотъ параграфъ содержитъ несправедливую по отношенію къ нему ложь и пристрастіе совершенно недостойное декана.

Въ томъ же засѣданіи я, продолжая далѣе Швейкардтъ, указалъ на неудобства, происходящія отъ принятаго нынѣ способа составленія факультетскихъ протоколовъ и предлагалъ утверждать и подписывать

ихъ въ томъ же засѣданіи. Такъ принято почти вездѣ и препятствіемъ для этого не должны служить сложныя дѣла, потому что рѣшеніе ихъ могло быть перенесено въ слѣдующее засѣданіе. И хотя по этому поводу не состоялось рѣшенія, однако проф. Шадъ воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы внести въ акты слѣдующее выраженіе: „противъ юношеской стремительности, чтобы составлять и подписывать протоколъ въ текущемъ же засѣданіи факультета, я самымъ рѣшительнымъ образомъ протестую“.

Знаю я, *patres conscripti*, что это дѣло касается не одного меня, но и васъ, и не декана, а этикополитическаго факультета, а потому и совѣта. Ибо не можетъ статься, чтобы кто-либо оскорблялъ главу коллегіи при исполненіи его обязанностей и въ то время не оскорблялъ самой коллегіи. Однако надѣюсь, что мой протестъ въ этомъ дѣлѣ будетъ имѣть значеніе въ вашихъ глазахъ. И такъ, прошу, чтобы вы, насколько возможно, охранили меня (27 марта 1813 г.)“ ¹⁾.

Нѣсколько позже, но въ томъ же году деканъ этикополитическаго факультета Швейкардтъ снова вошелъ въ совѣтъ съ заявленіемъ, въ которомъ указывалъ на пропажу изъ факультетскаго архива (бывшаго подъ замкомъ) работы докторанта Хлапонина. Разъ въ мѣсяцъ и даже чаще, писалъ Швейкардтъ, я обыкновенно осматриваю факультетскія бумажки, хранящіяся въ особомъ шкафу въ университетскомъ помѣщеніи; и вотъ недавно я замѣтилъ отсутствіе одной работы Хлапонина; тотчасъ я обратился къ секретарю факультета, которому иногда давалъ ключъ, по его просьбѣ, съ вопросомъ, нѣтъ ли у него случайно этого документа, но получилъ отвѣтъ, что у него его не имѣется; и такъ какъ шкафъ былъ запертъ неудобнымъ поперечнымъ запоромъ, такъ что его можно было отпереть почти всякимъ ключемъ, то мнѣ кажется, нужно позаботиться о лучшихъ запорахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить Хлапонина, чтобы онъ представилъ другой списокъ своего труда, если у него имѣется таковой. Совѣтъ постановилъ позволить Хлапонину переписать свои работы подъ наблюденіемъ секретаря факультета ²⁾.

Приведенные нами факты свидѣтельствуютъ, что распри и взаимное недовѣріе и вражда въ концѣ десятилѣтія получили широкое развитіе и въ факультетскихъ собраніяхъ и нарушали то обычное теченіе дѣлъ, какое господствовало здѣсь раньше.

Но во всякомъ случаѣ эти явленія носили временный характеръ и не уничтожаютъ той огромной пользы, какую приносили факультеты дѣлу

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ 1813 г., № 52, стр. 15.

²⁾ Ibidem, стр. 192.

науки и преподаванія, и при томъ не въ одномъ только университетѣ, а и во всемъ обширномъ харьковскомъ учебномъ округѣ. Всѣ вопросы, связанные съ преподаваніемъ, и всѣ научныя изслѣдованія и предпріятія имѣли ближайшее отношеніе къ этимъ коллегіямъ, въ нихъ находили себѣ опору, поддержку и авторитетную оцѣнку, и многое изъ того, что обсуждалось и рѣшалось въ совѣтѣ или правленіи, первоначально зарождалось въ факультетскихъ собраніяхъ; мало того, отдѣленія занимались и дѣлами, касавшимися среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ краѣ, т. е. тѣмъ, чего вовсе не касаются нынѣшніе факультеты, слѣдовательно, внесли свою лепту и въ сокровищницу народнаго образованія въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова. На почвѣ факультетской дѣятельности находила примѣненіе своимъ силамъ между прочимъ та группа преподавателей, которая не участвовала въ совѣтскихъ засѣданіяхъ—именно адъюнкты, и нельзя не сознаться, что привлеченіе ихъ къ этой общественной повинности было какъ нельзя болѣе умѣстно и полезно: работы было много, а дѣятелей очень мало, такъ что на долю каждаго выпадало слишкомъ уже много труда. Для самихъ же адъюнктовъ участіе въ факультетскихъ трудахъ являлось прекрасною подготовительною школою для будущихъ работъ въ совѣтѣ, училищномъ и цензурномъ комитетѣ, правленіи. Покончивъ съ дѣятельностью факультетовъ, переходимъ теперь къ характеристикѣ дѣятельности *правленія*.

Обязанности правленія уставъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ. Правленіе состояло изъ ректора, который является председателемъ его, декановъ факультета и такъ называемаго непремѣннаго засѣдателя, назначаемаго попечителемъ изъ ординарныхъ профессоровъ. Непремѣнный засѣдатель—это былъ ближайшій помощникъ ректора въ дѣлахъ, касающихся правленія и университетскаго суда. Онъ особенно долженъ былъ заботиться о соблюденіи порядка въ отправленіи текущихъ дѣлъ, непоколебимомъ выполненіи законовъ и полезныхъ, опытомъ утвержденныхъ постановленій; о нарушеніи же ихъ послѣ благопристойнаго представленія ректору доносить попечителю. Для текущихъ дѣлъ правленіе обязано было собираться по два раза въ недѣлю, а для экстренныхъ—сколько понадобится, по приглашенію ректора. Правленію принадлежала *исполнительная* власть; оно занималось внутреннимъ устройствомъ въ университетѣ и благочиніемъ, а также сносило съ другими государственными учрежденіями по университетскимъ дѣламъ. Въ его вѣдѣніи находились всѣ суммы, отпускаемыя на содержаніе университета; оно отвѣчало за цѣлость ихъ, распорядилось ими согласно Высочайше утвержденному штату, дѣлало выдачи, давало подряды, заключало договоры, наблюдая при этомъ порядокъ, предписанный общи-

ми законами, и рассматривало счета всѣхъ чиновниковъ, которымъ вѣ-
рились частные расходы (главнымъ образомъ по учебновспомогательнымъ
учрежденіямъ). Остатки отъ штатной суммы, за дѣйствительнымъ удов-
летвореніемъ годовыхъ потребностей, обращались въ хозяйственную
сумму (нѣчто въ родѣ нашихъ нынѣшнихъ специальныхъ средствъ) и
употреблялись на разныя нужды и потребности университета, по опре-
дѣленіямъ совѣта, утвержденнымъ начальствомъ. Правленіе рассматри-
вало употребленіе этихъ суммъ и, если оказывались свободные капиталы,
то помѣщало ихъ въ государственные банки или опекунскій совѣтъ.
Самъ ректоръ собственною властью безъ правленія могъ распорядиться
выдачею изъ казначейства въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства
суммы не болѣе 100 руб. и при этомъ обязанъ былъ довести объ этомъ
въ ближайшемъ же засѣданіи до свѣдѣнія членовъ правленія. Правле-
ніе само могло дѣлать распоряженія о выдачѣ изъ хозяйственного фон-
да суммы до 500 р. и только доносило объ этомъ попечителю; большія
же выдачи разрѣшалъ уже совѣтъ съ утвержденіи попечителя. Каждый
мѣсяцъ правленіе должно было свидѣтельствовать какъ штатную, такъ
и хозяйственную сумму, сличая ее съ приходными и расходными кни-
гами; послѣ каждаго такого засѣданія ректоръ отправлялъ попечителю
подробную вѣдомость, подписанную кассиромъ и бухгалтеромъ. По исте-
ченіи года отчетъ объ израсходованіи суммъ представлялся на размо-
трѣніе совѣту, который назначалъ изъ своей среды нѣсколькихъ чле-
новъ для освидѣтельствованія оставшейся суммы и затѣмъ отправлялъ
счета черезъ попечителя къ министру. Канцелірія правленія состояла
изъ секретари, кассира, бухгалтера, переводчика и эзекутора; секре-
тарь назначался попечителемъ съ утвержденія министра. Низшихъ слу-
жителей назначало правленіе собственною властью, а о классныхъ чи-
новникахъ дѣлало представленіе попечителю. Въ вѣдѣніи правленія на-
ходился и *университетскій судъ*. Первой инстанціей его былъ ректоръ,
какъ предсѣдатель правленія. Всѣ жалобы, касавшіяся студентовъ, онъ
разбиралъ устно, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ велъ письменное про-
изводство, пользуясь услугами своего ближайшаго помощника-непреми-
наго засѣдателя, синдика, секретаря и чиновниковъ правленія. Его рѣ-
шеніе было окончательнымъ и безапелляціоннымъ въ слѣдующихъ слу-
чаяхъ: по денежнымъ взысканіямъ, не превышающимъ 15 руб., по про-
ступкамъ и оскорбленіямъ, за которые университетскіе законы назна-
чаютъ выговоръ или заключеніе подъ стражу на 3 дня. Второю инстан-
ціей было правленіе въ его полномъ составѣ; оно разбирало дѣла, ка-
савшіяся профессоровъ, адъюнктовъ и другихъ чиновниковъ универси-
тета. Въ важныхъ и сомнительныхъ дѣлахъ правленіе усиливало свой

составъ однимъ или двумя профессорами-юристами. Обязанность подписывать къ рѣшеніямъ законы лежала на синдикѣ, который имѣлъ только совѣщательный голосъ. Въ правленіе могли быть приносимы жалобы и на ректора, но для соблюденія къ нему должнаго уваженія, въ случаѣ если жалоба окажется несправедливой, на просителя налагалась денежная пеня въ пользу неимущихъ до 25 р.; если же правленіе признаетъ жалобу основательной, то свое заключеніе представляетъ попечителю, отъ котораго и ждетъ приговора. Рѣшенія правленія являлись окончательными въ слѣдующихъ случаяхъ: по денежнымъ взысканіямъ до 50 руб.; по проступкамъ студентовъ, за которые полагается наказаніе не выше 14-ти-дневнаго ареста; по жалобамъ на чиновниковъ университета, результатомъ коихъ былъ выговоръ или штрафъ до 24 руб.; по жалобамъ на служителей университета или университетскихъ чиновниковъ. Дерзости студентовъ, причиняющія явный соблазнъ, подвергались изслѣдованію правленія, хотя бы по нимъ и послѣдовало примиреніе сторонъ. Дѣла, касающіяся недвижимыхъ имѣній, не поступали въ правленіе, а шли въ соотвѣтственные присутственные мѣста, раздѣлъ же движимаго наслѣдственнаго имѣнія, принадлежавшаго подвѣдомственнымъ университету лицамъ и ихъ семьямъ, находился въ вѣдѣніи правленія. Въ дѣлахъ уголовныхъ правленіе только учиняло первоначальное изслѣдованіе и затѣмъ препровождало его въ соотвѣтственное присутственное мѣсто, но въ этомъ послѣднемъ въ качествѣ депутата отъ университета обязательно засѣдалъ синдикъ. Третьей инстанціей былъ судъ совѣта и рѣшенія его признавались окончательными въ слѣдующихъ случаяхъ: въ денежныхъ искахъ до 500 руб.; въ дѣлахъ, касающихся должностей и нарушенія университетскихъ правилъ; по приговорамъ, сопровождающимся штрафомъ до 100 руб. Въ остальныхъ случаяхъ недовольный имѣлъ право апеллировать въ правительствующій сенатъ, куда изъ совѣта отправлялось все дѣло. Судебное дѣлопроизводство въ университетѣ, по мысли законодателя, должно было отличаться краткостью и ни въ какомъ случаѣ не препятствовать преподаванію наукъ. Наконецъ, на разсмотрѣніе правленія переходили различныя дѣла хозяйственнаго характера изъ училищнаго комитета, въ вѣдѣніи котораго были всѣ училища огромнаго харьковскаго учебнаго округа; со всѣми посторонними вѣдомствами и учрежденіями училищный комитетъ сносился также посредствомъ правленія ¹⁾.

Таковы были положенія устава касательно дѣятельности правленія. О ходѣ же и результатахъ ея краснорѣчиво свидѣтельствуютъ тѣ огромные фоліанты, которые содержатъ въ себѣ журналы засѣданій прав-

¹⁾ Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., I, стр. 290—296, 298.

ленія съ 1805 по 1815 годъ. Мы пересмотрѣли всѣ 28 томовъ этихъ журналовъ—и можемъ сказать, что правленіе успѣшно выполняло огромный трудъ, возложенный на него университетскимъ уставомъ. Перечитывая теперь эти журналы, невольно поражаешься обиліемъ и разнообразіемъ тѣхъ дѣлъ и вопросовъ, которые приходилось рѣшать и обсуждать небольшому контингенту лицъ, составлявшему ежегодно правленіе. При томъ необходимо еще обратить вниманіе на разноплеменный составъ членовъ этой коллегіи: иностранные профессора, не знакомые съ русскою жизнью, не могли быть компетентны и особенно дѣтельны въ хозяйственныхъ дѣлахъ, составлявшихъ главный предметъ вѣдомства правленія, но и ихъ голосъ перѣдко былъ важенъ въ вопросахъ болѣе общаго характера, а въ послѣдствіи они освоились со своими новыми обязанностями и при исполненіи ихъ пользовались традиціей, которую унаслѣдовали въ западно-европейскихъ университетахъ и которой не было у ихъ русскихъ коллегъ. Въ особенности это нужно сказать относительно учебновспомогательныхъ учреждений. Такимъ образомъ, оба элемента—русскій и иностранный—взаимно дополняли другъ друга, хотя все-таки можно сказать, что главная тяжесть дѣлъ лежала на русскихъ членахъ правленія, хорошо знакомыхъ и съ мѣстными (харьковскими) условіями жизни, и съ окружающею средой, и съ узаконеніями; наконецъ, на ихъ обязанности лежало и самое письменное производство, требовавшее знанія языка и канцелярскихъ формъ.

Больше всѣхъ, несомнѣнно, потрудились въ правленіи, въ первые десять лѣтъ существованія его, два профессора русскаго происхожденія—Иванъ Степановичъ *Рижскій* и Тимофей Ѳеодоровичъ *Осиповскій*. Первый въ теченіе 5 слишкомъ лѣтъ былъ ректоромъ университета и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ правленія, а второй также былъ ректоромъ послѣ Стойковича, а остальное время несъ не менѣе важную и отвѣтственную должность непремѣннаго засѣдателя. О чрезвычайно важномъ значеніи этой должности ясно свидѣтельствуетъ университетскій уставъ. Непремѣнный засѣдатель былъ ближайшій помощникъ ректора, сохранившій, однако, такую независимость отъ этого послѣдняго, что могъ непосредственно сноситься съ попечителемъ, отъ котораго зависѣло и самое его назначеніе. Рижскій и Осиповскій были прекрасно подготовлены къ сложнымъ обязанностямъ предшествующей дѣятельности своею въ комитетѣ правленія. Мы говорили выше уже о комитетѣ и его функціяхъ, отмѣтили даже важнѣйшіе факты его дѣятельности и могли убѣдиться, что онъ выполнялъ тѣ обязанности, которые приняло на себя потомъ правленіе. Рижскій занималъ въ немъ должность предсѣдателя, Осиповскій—члена. Комитетъ дѣйствовалъ съ 11 апрѣля

1804 по 24 марта 1805 года. 24 марта 1805 года комитетъ былъ замѣненъ правленіемъ и состоялось первое засѣданіе этого послѣдняго. На другой день по открытіи университета (18 января) состоялись въ совѣтѣ выборы членовъ правленія — ректора и трехъ декановъ (медицинскій факультетъ еще не былъ тогда открытъ); ректоромъ былъ избранъ Рижскій, а деканами Шадъ, Стойковичъ и Умляуфъ, непремѣннымъ засѣдателемъ назначенъ Осиповскій. Утверждены были эти лица въ должности министромъ 10 февраля 1805 года. Совѣтъ университета, получивъ бумагу объ утвержденіи ихъ, опредѣлили вмѣсто существовавшаго доселѣ при университетѣ комитета открыть, согласно требованію устава, правленіе и извѣстить объ этомъ архіереевъ, губернаторовъ, губернскихъ предводителей дворянства и директоровъ училищ¹⁾. Въ 1805 году было 81 засѣданіе правленія, въ 1806 году — 115, въ 1807 году — 106, въ 1808 г. — 100, въ 1809 г. — 103, въ 1810 г. — 98, въ 1811 г. — 117, въ 1812 г. — 108, въ 1813 г. — 123, въ 1814 г. — 100, всего 1051 засѣданіе. Засѣданія происходили въ началѣ обыкновенно въ послѣобѣденное время, свободное отъ учебныхъ занятій, и продолжались часа три (отъ 4 до 7 часовъ), а потомъ (съ 1811 г.) по утрамъ (часовъ съ 11-ти до часу); иногда, конечно, затягивались и дольше. Такимъ образомъ, члены правленія посвящали правленскимъ засѣданіямъ въ среднемъ не менѣе двухъ дней въ недѣлю, не выключая и каникулъ, а сверхъ того приходилось еще подчасъ затрачивать время на исполненіе разныхъ отдѣльныхъ порученій правленія (въ родѣ, напримѣръ, осмотра лѣсовъ и т. п.). Самыми аккуратными посѣтителями засѣданій были Рижскій и Осиповскій, они же были и наиболѣе авторитетными и свѣдущими членами этой коллегіи, работавшими больше всѣхъ остальныхъ. Осиповскій, по числу лѣтъ своей службы въ правленіи, долженъ занять первое мѣсто: въ теченіи всего десятилѣтія онъ работалъ въ правленіи сначала въ качествѣ непремѣннаго засѣдателя (съ 1805 до конца 1813 года), а потомъ ректора (въ концѣ 1813 и въ 1814 году); за нимъ слѣдуетъ Рижскій, исполнявшій въ теченіи почти шести годичныхъ терминовъ должность предсѣдателя правленія и одинъ годъ (когда не былъ избранъ въ ректоры) бывшій членомъ его; только смерть пресѣкла многополезную дѣятельность этого честнаго труженика и радѣтеля о благѣ общемъ, но благодарная память о немъ долго жила въ сердцахъ его товарищей. Дѣятельность этихъ двухъ лицъ свободна отъ какихъ бы то ни было подозрѣній и нареканій: она также чиста и безупречна, какъ и ихъ жизнь, всецѣло посвященная пользѣ универ-

¹⁾ Харьк. университетскій архивъ. Дѣло правленія по архиву № 28 по карт. № 3 (объ открытіи правленія); ср. журналъ правленія 1805 г. 24 марта.

ситета; для него они не щадили ни своихъ силъ, ни здоровья; припомнимъ, напримѣръ, что въ 1808 году Осиповскій былъ избранъ на должность ректора, но отказался отъ нея „по причинѣ слабаго здоровья, поврежденнаго отъ понесенныхъ имъ трудовъ въ теченіе четырехлѣтняго исправленія обязанностей непрерывнаго засѣдателя“; а между тѣмъ и послѣ этого онъ оставался, по назначенію попечителя, безсмѣннымъ непрерывнымъ засѣдателемъ; очевидно, что попечитель никоимъ образомъ не хотѣлъ разстаться съ нимъ и, быть можетъ, даже противъ воли его удерживалъ на этомъ посту, потому что самъ Осиповскій никогда не былъ искателемъ: это видно изъ того, что онъ еще и другой разъ отказался отъ ректорскаго званія, когда былъ избранъ на эту должность вторично въ 1810 году. Рижскій также всю жизнь свою посвятилъ университету и умеръ, не оставивъ женѣ никакого состоянія, такъ что университетъ принялъ на себя его похороны ¹⁾.

За этими лицами идетъ цѣлый рядъ другихъ дѣятелей въ правленіи, которые далеко уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ вышеназваннымъ. Таковъ энергичный дѣлецъ, но крайне сомнительный въ нравственномъ отношеніи, какъ мы видѣли, Стойковичъ; онъ въ теченіи 3-хъ слишкомъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ правленія и 5 лѣтъ членомъ его; но извѣстно, какую ожесточенную борьбу вело противъ своего предсѣдателя правленіе; извѣстно, что для суда надъ Стойковичемъ былъ избранъ даже особый предсѣдатель въ правленіи проф. И. Срезневскій. Затѣмъ очень долго работали въ правленіи въ качествѣ декановъ проф. этико-политическаго факультета Шадъ (7 лѣтъ) и медицинскаго Шумлянскій (6 лѣтъ). Шадъ едва ли не самый энергичный изъ иностранныхъ профессоровъ, къ сожалѣнію, имѣлъ очень горячій, неводержанный нравъ и задорный характеръ, приводившій его къ постояннымъ спорамъ и столкновеніямъ; въ нравственномъ отношеніи онъ также былъ сомнителенъ; наконецъ, ему не доставало знанія русской жизни и русскаго языка. При такихъ условіяхъ дѣятельность его въ правленіи едва ли могла приносить такіе плоды, которые бы соотвѣтствовали его уму, огромной эрудиціи, краснорѣчію и энергіи. Шумлянскій — здоровый весельчакъ — какъ его называетъ Роммель — былъ едва ли не самымъ виднымъ представителемъ русской партіи на медицинскомъ факультетѣ; не

¹⁾ Надъ могилою его поставленъ мавзолей въ Харьковѣ, въ оградѣ Каплуновской церкви; теперь онъ пришелъ въ ветхое состояніе и нуждается въ поправкѣ. Было бы актомъ справедливости, если бы *нынешнее правленіе* университета, въ память объ огромныхъ трудахъ, понесенныхъ И. С. Рижскимъ на пользу всего университета въ качествѣ предсѣдателя и дѣятеля *старою* правленія (1804—1811 гг.), позаботилось о реставраціи этого памятника и приведеніи его въ надлежащій видъ.

разъ его выдвигали на должность ректора, и онъ получалъ такое же число голосовъ, какъ и его конкуренты, но долженъ былъ уступать этимъ послѣднимъ, согласно представленію попечителя. За этими лицами идутъ въ нисходящемъ порядкѣ (по числу лѣтъ дѣятельности въ правленіи) — Дюгуровъ (3 года), Деливинъ (3 года), Тимковскій (2 года), Умляуфъ (2 года), Белленъ-де-Баллю (2 года), Гизе (2 года), Книгинъ (1 годъ), Роммель (1 годъ), Швейкардтъ (1 годъ), Успенскій (1 годъ), Дрейсигъ (1 годъ). Изъ нихъ особенно полезны были своею опытностью и знаніемъ дѣла Тимковскій и впоследствии Успенскій. Первый, какъ мы знаемъ, былъ одно время главнымъ дѣтелемъ по части мѣръ, клонившихся къ открытію Харьковскаго университета, и былъ призванъ къ исполненію этой отвѣтственной обязанности попечителемъ округа, графомъ Сев. Ос. Потоцкимъ. Впоследствии онъ сосредоточилъ свою дѣятельность главнымъ образомъ въ училищномъ комитетѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень полезенъ въ этомъ отношеніи и правленію, такъ какъ этому послѣднему очень часто приходилось рѣшать дѣла, относившіяся къ среднимъ и низшимъ училищамъ Харьковскаго учебнаго округа. Успенскій долго занималъ должность синдика при правленіи, которая требовала спеціальнаго знанія узаконеній, и вообще составилъ себѣ репутацію тонкаго практика-юриста; все это дѣлало его незамѣнимымъ человѣкомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда правленію приходилось разбирать тяжбы и иски; а это, къ сожалѣнію, случалось довольно часто. Деливинъ былъ директоромъ ботаническаго сада и, слѣдовательно, компетентнымъ лицомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ правленіи заходила рѣчь о его благоустройствѣ (а это дѣлалось нерѣдко). Белленъ-де-Баллю и Дюгуровъ были библіотекарями университетской библіотеки; Гизе завѣдывалъ химической лабораторіей; Дрейсигъ былъ университетскимъ врачомъ; каждый изъ нихъ опять-таки былъ полезенъ по своей части правленію. Отмѣтимъ еще, что Роммелю поручены были на сохраненіе ключи отъ университетской кассы. Объ остальныхъ лицахъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго.

Таковы были дѣятели. Какова же была ихъ дѣятельность?

Она была крайне разнообразна и вполне соответствовала требованію устава. Само собою разумѣется, что мы не можемъ ее здѣсь излагать маломальски подробно и обстоятельно, ибо это потребовало бы отъ насъ цѣлаго тома; мы представимъ только перечень важнѣйшихъ дѣлъ и изложимъ нѣкоторые изъ нихъ, чтобы дать понятіе объ основномъ характерѣ и особенностяхъ ихъ; большую же часть чрезвычайно цѣнныхъ и важныхъ фактовъ, извлеченныхъ нами изъ подлинныхъ журналовъ правленскихъ засѣданій, мы введемъ въ послѣдующія главы,

соотвѣтственно ихъ содержанію, а вопросомъ о распредѣленіи штатной и хозяйственной суммы займемся въ слѣдующей 4-й главѣ, посвящаемой учебновспомогательнымъ учрежденіямъ, которыя также составляли предметъ особенныхъ заботъ правленія; такимъ образомъ эта глава, а равно и нѣкоторыя части послѣдующихъ будутъ служить какъ бы дополненіемъ настоящей.

Въ 1805 году важнѣйшіе факты въ дѣятельности правленія были таковы. Оно посвящало свое время разсмотрѣнію прошеній разныхъ лицъ, желавшихъ вступить въ студенты Харьковскаго университета и слушатели приготовительнаго при немъ класса, принимало различныя мѣры къ обезпеченію пособіями и учебниками самого университета и училищъ Харьковскаго учебнаго округа, для чего составляло списки книгъ и выписывало ихъ изъ магазина главнаго правленія училищъ въ Петербургѣ, получало часто транспорты книгъ, инструментовъ для университета изъ-за границы, выработало планъ контракта съ петербургскимъ книгопродавцемъ Цимсеномъ, желавшимъ завести въ самомъ Харьковѣ магазинъ иностранныхъ книгъ (русскія книги пріобрѣтались въ лавкѣ купца Большакова), составляло списки учебниковъ для гимназій, занималось судебнымъ разбирательствомъ дѣлъ о нанесеніи побоевъ учителю фехтованія въ университетѣ Сивокту, жалобы проф. Умляуфа на его квартирнаго хозяина Фаворова, разсматривало отчетъ о ботанической экскурсіи въ Крымъ адъюнкта Каретникова, старалось разрѣшить извѣстный уже намъ трудный и сложный вопросъ о ремесленникахъ, выписанныхъ изъ Петербурга В. Н. Каразинымъ для нуждъ Харьковскаго университета; эти ремесленники получили впередъ деньги и теперь нужно было заставить ихъ отработать долгъ; часть ихъ оставлена была для этой цѣли при университетѣ (и нужно сказать, съ пользою для него: имъ, между прочимъ, отдавались въ науку ученики училищъ); другая была передана въ вѣдѣніе полиціи; а остальныхъ предложилъ правленію взять къ себѣ въ имѣніе Кручикъ самъ В. Н. Каразинъ; предметомъ постоянныхъ заботъ правленія были учебно-вспомогательныя учрежденія университета и въ числѣ ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ тогда ботаническій садъ, о которомъ чрезвычайно заботился попечитель, графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, можно сказать, что это было его излюбленное дѣтище, предметъ особенныхъ его симпатій и заботъ; по его планамъ дѣлались въ немъ всѣ посадки; онъ вошелъ въ сношеніе съ владѣлицей знаменитаго Уманскаго сада „Софіївки“ и получилъ въ даръ отъ нея для университета цѣлую массу рѣдкихъ экземпляровъ (сохранился списокъ этихъ деревьевъ) и т. п. Разсмотрѣніе денежныхъ счетовъ и распоряженія объ уплатѣ по нимъ

происходили едва ли не въ каждомъ засѣданіи правленія—приходилось платить за книги для университетской библіотеки, за инструменты для физическаго кабинета, за матеріалы для химической лабораторіи, разсматривать и такіе расходы, какъ вознагражденіе пѣвчимъ и музыкантамъ, принимавшимъ участіе въ музыкальной и вокальной части университетскихъ актовъ, угощеніе публики, приглашенной на эти послѣдніе. Много усилій было потрачено, чтобы разрѣшить, если можно такъ выразиться, „кирпичный вопросъ“. Дѣло въ томъ, что университетъ рѣшилъ строить новыя зданія для себя на своихъ земляхъ, расположенныхъ по Сумскому шоссе; но остановка была за кирпичемъ—требовалось такое громадное количество кирпича (15 мил. штукъ), что его не въ состояніи были доставить мѣстные заводчики и потому приходилось обращаться съ предложеніями и къ иногороднимъ предпринимателямъ, и выслушивать заявленія отъ разныхъ лицъ, вырабатывать проекты, соглашенія. Въ виду тѣхъ же хозяйственныхъ соображеній, правленіе вело переговоры съ разными лицами (напримѣръ, съ Ковалевской, Щербининымъ) о приобрѣтеніи отъ нихъ на срубъ лѣсныхъ участковъ, и для осмотра ихъ командировало своихъ членовъ. Завѣдуя и распоряжаясь денежными суммами, правленіе по поводу ихъ должно было входить въ сношенія съ такими вѣдомствами, какъ приказъ общественнаго призрѣнія, казенная палата, почта, банки и т. п. Оно разрѣшало выдачу жалованія профессорамъ и отпускало имъ авансы на приобрѣтеніе разныхъ необходимыхъ предметовъ; такъ, напримѣръ, воспользовавшись отправленіемъ въ Москву проф. Осиповскаго, оно поручило ему купить тамъ сукна для казеннокоштныхъ студентовъ. Подъ часъ оно и само дѣлало заказы въ столицахъ и даже заграницей; такъ профессору академіи художествъ Щукину заказано было 3 портрета—одинъ (государя) въ ростъ, а два (министра Завадовскаго и попечителя Потоцкаго) поясные; за нихъ уплачено было ему 1000 руб.; въ Москвѣ заказывались различные предметы, необходимые для фехтованія студентовъ; заграницей разные принадлежности для университетской типографіи. Университетское хозяйство вообще было очень сложно; университетъ содержалъ на своемъ иждивеніи казенно-коштныхъ студентовъ—давалъ имъ столъ, квартиру, одежду, учебныя пособія и т. д. и, чтобы урегулировать это дѣло, долженъ былъ находить лицъ, которые бы согласились за опредѣленную по штату сумму давать имъ все необходимое. Университетъ держалъ воловъ и имѣлъ экипажи для разѣздовъ лицъ, командируемыхъ на визитаціи училищъ, нанималъ землекоповъ для земляныхъ работъ и вообще разныхъ рабочихъ. Массу хлопотъ, какъ мы знаемъ уже, ежегодно доставляло правленію дѣло о полученіи дворянскихъ и городскихъ

„патріотических“ пожертвованій на устройство въ Харьковѣ университета: приходилось вести по этому поводу обширную переписку съ разными вѣдомствами, учрежденіями и лицами, дѣлать постоянныя напоминанія, запросы, просьбы; не были окончательно сведены еще и расчеты съ В. Н. Каразинымъ и они отняли у правленія также не мало времени, причинили много непріятностей и одной, и другой сторонѣ (впрочемъ это не помѣшало В. Н. Каразину сдѣлать пожертвованіе книгами въ университетскую бібліотеку). Приходилось разрѣшать правленію и разные вопросы научно-практическаго характера, съ которыми къ нему обращалась администрація; такова была, напримѣръ, просьба губернатора объ изслѣдованіи торфа и разныхъ частныхъ лицъ объ анализѣ ихъ минеральныхъ водъ. Чрезвычайно важною и вмѣстѣ съ тѣмъ сложною сферою дѣятельности правленія были заботы обо всѣхъ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа — онѣ касались какъ хозяйственной, такъ и учебной стороны дѣла и выражались не только въ посылкѣ имъ учебниковъ, но и въ постройкѣ зданій, увольненіи и назначеніи педагогическаго персонала, разсмотрѣніи взаимныхъ жалобъ и обидъ преподавателей и постороннихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, правленію пришлось, по предложенію попечителя, принимать мѣры къ устройству Нѣжинскаго лицея, гимназій, многихъ училищъ, разбирать жалобу рыльского купца Выходцева на учителя Шолкова и одного харьковскаго купца на учителя Андріевскаго. Часто слушались выписки изъ постановленій совѣта, которыя нужно было приводить въ исполненіе, а еще чаще рапорты кассира Дзюбина, приходилось заботиться объ имуществѣ умершихъ чиновниковъ университета, отсылать списки служащихъ въ академію наукъ для печатанія въ адресъ-календарѣ, принимать мѣры, чтобы ни профессора, ни студенты не просрочивали своихъ отпусковъ.

Аналогичныя дѣла разсматривались и разрѣшались и въ послѣдующіе годы. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ 1806 году правленіе продолжало обсуждать столь же многочисленныя, какъ и въ 1805 году, предложенія попечителя Потоцкаго, въ особенности о ботаническомъ садѣ, и его письма касательно визитаціи училищъ; разбирало судебныя дѣла (дѣло учителя Андріевскаго, кожевника, одного учителя, оскорбившаго чиновника, дѣло о похищеніи собаки, разводъ Шада съ женою), разсматривало списки книгъ, пожертвованныхъ въ университетскую бібліотеку извѣстнымъ уже намъ харьковскимъ епископомъ Христофоромъ Сулимою и екатеринославскимъ архіепископомъ Платономъ, минераловъ и монетъ, пожертвованныхъ Потоцкимъ; обсуждало просьбу В. Н. Каразина объ отдачѣ ему одного типографскаго станка для печатанія его изданій; давало отвѣты на запросъ харьковскаго губернатора Ив. Ив.

Бахтина о травахъ, полезныхъ для пчелъ и объ изслѣдованіи обрушившейся въ г. Сумахъ церкви; заботилось о принятіи въ университетъ студентовъ изъ Харьковскаго коллегіума; командировало для осмотра предположеннаго къ покупке лѣса своихъ членовъ; заботилось о пріобрѣтеніи труповъ для анатомическаго театра; выписывало изъ-заграницы при посредствѣ Стойковича шрифтъ и изъ Москвы бумагу для своей типографіи, обсуждало вопросъ о дарованіи дворянскаго достоинства проф. Шмерфельду; рассматривало различные планы и смѣты своего архитектора адъюкта Васильева, которому за особые труды выдалъ награду попечитель (онъ между прочимъ представилъ планъ постройки новыхъ грандіозныхъ зданій для Харьковскаго университета по Сумскому шоссе, ибо то помѣщеніе, которое занималъ университетъ, считалось все-таки временнымъ); обращались въ правленіе и разныя учрежденія съ просьбой о переводѣ на русскій языкъ иностраннаго текста паспортовъ и разныхъ другихъ бумагъ; пришлось разрѣшать жалобы лаборанта Чернича за невыдачу ему жалованія, отправить составленное проф. Тимковскимъ описаніе торжественнаго собранія университета 30 августа и открытія Павлоградскаго уѣзднаго училища въ Москву для помѣщенія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, бывшихъ тогда официальнымъ органомъ Московскаго университета, хлопотать о доставкѣ монетъ и медалей, пожертвованныхъ Харьковскому университету адмираломъ Чичаговымъ, и различныхъ приборовъ и инструментовъ, выписанныхъ изъ Лондона; много времени, какъ и прежде, требовали занятія правленія по части училищнаго комитета. Часто приходилось читать донесенія директоровъ училищъ по разнымъ губерніямъ, давать по нимъ заключенія и т. п.

Въ 1807 г. правленіе издало правила для казеннокоштныхъ студентовъ и вообще заботилось объ ихъ матеріальномъ обезпеченіи; вошло въ соглашеніе съ харьковскимъ купцомъ (переѣхавшимъ сюда изъ Вереи) Щелковымъ о доставкѣ изъ Москвы разныхъ предметовъ, необходимыхъ для университета; давало свои заключенія на запросы проф. Якоба о тѣхъ преимуществахъ, которыми могутъ пользоваться иностранные профессора въ Россіи; обсуждало дѣло объ изданіи въ свѣтъ поэмы „Игорь“ почетнаго члена Харьковскаго университета А. А. Палицына (изданіе приняли на свой счетъ нѣкоторые профессора, а доходъ предназначали на пособіе земскому ополченію); слушали донесеніе отправленнаго въ качествѣ визитатора проф. Рижскаго о найденныхъ имъ древностяхъ и получили нѣсколько древнихъ монетъ изъ черниговской губерніи, нѣсколько книгъ въ даръ отъ В. Н. Каразина и нѣсколько уродцевъ изъ Рязанской губерніи; рассматривали любопытное дѣло о

предоставленіи свободной врачебной (спеціально глазной) практики еврею Соколовскому, искусно снимавшему катаракты; и наконецъ, разрѣшали дѣлѣй рядъ дѣлъ судебного свойства — производили слѣдствіе о самоубійствѣ проф. Умляуфа, исключили изъ службы адъютанта Гамперле и учителя фехтовальнаго искусства Сивокта за ложный доносъ ихъ на проф. Дюгурова, разбирали дѣло о побояхъ, нанесенныхъ откупными смотрителями учителю, разсматривали жалобы на проф. Пильгера, дѣло о разводѣ проф. Шада съ женой, дѣло о повѣсившейся у проф. Дюгурова служанкѣ, о буйствѣ секретаря Флавицкаго, о дракѣ, учиненной въ типографіи.

Въ 1808 году въ правленіи продолжалось дѣло о разрѣшеніи Соколовскому глазной практики; разсматривался вопросъ о наймѣ музыкантовъ для танцевальнаго класса; принимались книги, пожертвованныя въ университетскую бібліотеку Хлапонинымъ; велись обширныя сношенія съ консуломъ и корреспондентомъ университета Шварцомъ; выписывались книги отъ Рижскаго книгопродавца Гартмана и комиссіонера Бѣлоусова; разсматривали дѣло о постройкѣ въ университетскомъ саду дома для проф. Деливина; разрѣшали вопросъ о безпошлинномъ провозѣ изъ-заграницы вещей проф. Коритарк; разсуждали о приѣмѣ въ студенты нѣкоторыхъ лицъ изъ иностранцевъ, изъ купеческаго званія и крѣпостного состоянія, о правѣ иностранныхъ профессоровъ держать у себя въ услуженіи крѣпостныхъ, объ освобожденіи отъ постоя домовъ, занимаемыхъ чиновниками университета, объ изслѣдованіи цѣлебныхъ минеральныхъ водъ, находящихся въ изюмскомъ уѣздѣ въ дачахъ помѣщика Денисенкова, о ботаническомъ садѣ; видное мѣсто по прежнему занимали также дѣла судебного характера — ссора Флавицкаго, вопросъ о наслѣдствѣ проф. Умляуфа, дѣло Пильгера, претензіи уволеннаго изъ университета адъютанта Гамперле, драка учителя Вертоградова, жалоба проф. Шада на побои, нанесенные ему смотрителемъ откупа и дѣло о покупкѣ имъ дома, слѣдствіе о студентахъ, утонувшихъ въ р. Ловани.

Въ 1809 году правленіе разрѣшило иностраннымъ профессорамъ отправлять свое богослуженіе въ университетскомъ помѣщеніи; поручило профессору ботаники Деливину сдѣлать научное опредѣленіе присланныхъ губернаторомъ сѣмянъ; распорядилось о покупкѣ коляски для профессоровъ, отправлявшихся на визитаціи; получило отъ попечителя графа Потоцкаго нѣсколько ольвійскихъ древностей и передало ихъ въ университетскій музей; занималось устройствомъ обсерваторіи, манежа и проектомъ другихъ университетскихъ зданій; заботилось объ упорядоченіи содержанія казеннокоштныхъ студентовъ, объ освобожденіи отъ

воинскихъ постоевъ домовъ, занимаемыхъ профессорами и учителями, о выдачѣ студентамъ медалей за успѣхи въ наукахъ; выписывало изъ заграницы разные предметы для университета, при посредствѣ своего лондонскаго комиссіонера Рейнагеля; занималось дѣлами о принятіи и увольненіи студентовъ разныхъ званій, о безошлинномъ провозѣ изъ заграницы вещей проф. Коритари (токайскаго вина и фортепьянъ), и, наконецъ, разными дѣлами слѣдственнаго характера — слѣдствіемъ о буйствѣ квартирнаго хозяина, желавшаго насильственно выселить изъ квартиры своего постояльца—учителя, объ умышенномъ поджогѣ, учиненномъ 11-ти лѣтнимъ ученикомъ народнаго училища, о жалобѣ слуги проф. Коритари, о буйствѣ харьковскихъ гимназистовъ, самовольно желавшихъ идти въ театръ, о нападеніи зрителей откупа на учителя Дебуше, о пьянствѣ казеннокоштнаго студента Башинскаго, о бродягѣ Денисѣ, стоявшемъ у проф. Шумлянскаго.

Въ 1810 году правленіе занималось дѣлами о принятіи разныхъ лицъ въ студенты, о непосредственной выпискѣ изъ заграницы поврежденныхъ изданій, о запрещеніи выписывать журналы политическаго содержанія, вопросами о новыхъ постройкахъ, о выдачѣ наградъ визитаторамъ, объ увольненіи и отъѣздѣ на службу въ Петербургъ профессора Якоба, рассматривало предложеніе гр. Потоцкаго касательно училищъ и присланныя имъ Ольвійскія древности, церемоніаль торжественнаго собранія университета, патенты нѣкоторыхъ профессоровъ на ученые степени: производило слѣдствіе о студентахъ Башинскомъ, Гречановскомъ и друг. донцахъ, о кражѣ у проф. Делявина, о наслѣдствѣ, полученномъ въ Венгріи учителемъ Паратичемъ, о смерти гимназиста Зубкова, высѣченнаго начальствомъ и схватившаго вслѣдствіе этого нервную горячку, о побояхъ, нанесенныхъ объѣздчиками откупа проф. Шаду, о предосудительномъ поведеніи студента Спасскаго, о ссорѣ въ Черниговѣ учителей французскаго и нѣмецкаго языка.

Наиболѣе характерными дѣлами правленія въ 1811 году могутъ быть признаны слѣдующія: дѣло о безошлинномъ провозѣ изъ-заграницы вещей проф. Стойковича; о запрещеніи казеннокоштнымъ студентамъ увольняться изъ университета; о составленіи инструкции для заграничной командировки маг. Архангельскому и Громову; о представленіи проф. Дюгурова по выдачѣ награды переводчику Фирсову за его участіе въ визитаціи; о разрѣшеніи Соколовскому врачебной (глазной) практики; о выдачѣ удостовѣренія Осташевскому въ томъ, что онъ привлекъ къ пожертвованію помѣщика Алымова; о командировкѣ профессоровъ для изслѣдованія древняго камня, найденнаго въ г. Славянскѣ; находка во время визитаціи рукописнаго сочиненія князя Курбскаго;

объясненія на замѣчанія министра по поводу нѣкоторыхъ расходовъ, произведенныхъ правленіемъ; церемоніаль торжественнаго собранія 30 августа; измѣненіе правилъ касательно вызова иностранныхъ профессоровъ; уменьшеніе расходовъ на ботаническій садъ; задача на премію, предложенная этикополитическимъ факультетомъ; просьба проф. Нельдехена объ отводѣ ему опытнаго поля; выговоръ, сдѣланный министромъ правленію; Высочайшій указъ о студентахъ изъ податнаго званія; слѣдствіе о студентѣ Спасскомъ; жалоба помѣщика Ковалевскаго на проф. Пильгера (о чрезмѣрномъ гонорарѣ этого послѣдняго), слѣдствіе о директорѣ Харьковской гимназіи Шредерѣ, примѣнявшемъ у себя противозаконно тѣлесныя наказанія; притизаніе торговли Розаліи на имущество умершаго учителя Билинскаго; обыскъ у кассира Дзюбина по поводу оказавшейся у него фальшивой десятирублевой ассигнаціи; рядная (свадебная) запись учителя рисованія Матеса и дочери проф. Белленъ-де-Баллю; безпошлинный провозъ проф. Стойковичемъ изъ-заграницы вина; жалоба правленія на проф. Пильгера министру; жалоба проф. Нельдехена на шумъ, производимый офицеромъ постояльцемъ въ занимаемомъ имъ домѣ.

Въ 1812 г. были разрѣшены между прочимъ слѣдующія дѣла: о пожертвованіи на уѣздное училище Харьковскаго городского головы Ломакина; о студентахъ изъ податнаго состоянія; просьба проф. Дюгурова о внесеніи его въ дворянскую родословную книгу Харьковской губ.; проэктъ проф. Нельдехена объ устройствѣ опытнаго поля; рѣшено было выписать за 2000 р. полное собраніе сочиненій Гумбольдта; разсматривались новыя цензурныя правила, вопросъ объ изданіи въ Харьковѣ книгопродавцемъ Лангнеромъ газеты и о запрещеніи издавать календари; разсуждали о награжденіи студентовъ медалями, о расширеніи казеннаго интерната для недостаточныхъ учениковъ при Харьковской гимназіи; о командировкѣ кандидата Робуша для изученія военныхъ наукъ; о собираніи проф. Делявинымъ въ свою пользу травы въ университетскомъ саду; учрежденъ былъ комитетъ „о разборѣ иностранцевъ“, т. е. собраны были свѣдѣнія о профессорахъ Харьковскаго университета иностраннаго происхожденія; разбирались жалобы на проф. Нельдехена и Пильгера; продолжался разборъ дѣла о побояхъ, нанесенныхъ проф. Шаду; производилось слѣдствіе о карточной игрѣ университетскихъ чиновниковъ и самоубійствѣ зрителя Изюмскаго уѣзднаго училища, о побояхъ, нанесенныхъ турецкими плѣнными слугѣ проф. Роммеля, о растратѣ денегъ учителемъ Домбровскимъ.

Изъ дѣлъ правленія 1813 г. отмѣтимъ слѣдующія: получено было предложеніе министра народнаго просвѣщенія о составленіи медицинскимъ факультетомъ особаго наставленія для предохраненія отъ заразы;

отклонена была просьба иностранца Нагеля объ изданіи въ Харьковѣ журнала; рассмотрѣвъ вопросъ объ изданіи на счетъ университета сочиненій А. А. Палицына; доложена жалоба полиціи на неисполненіе санитарныхъ правилъ университетомъ; рассмотрѣны жалобы адъюнкта Болгаревскаго на Хлапони́на, дѣло о пощечинѣ, нанесенной студентомъ Шуманомъ другому студенту въ лабораторіи проф. Гизе, жалоба на объѣзчиковъ откупа служителей университетскаго сада, на побои смотрителя Погодина и на звѣрство смотрителя Сѣвскаго училища, на буйство нѣкоторыхъ учителей, жалоба на проф. Нельдехена въ захватѣ имъ огорожи сосѣдняго двора, на проф. Пильгера по поводу побоевъ, причиненныхъ имъ слугѣ помѣщ. Квитки, на Потемкина, обмазавшаго деттемъ чужія ворота.

Наконецъ, въ 1814 году между прочимъ рассмотрѣны были слѣдующіи отдѣльныя дѣла: о неприемѣ въ казеннокоштные студенты допцовъ, о запрещеніи по случаю войны отправлять письма за границу безъ предварительнаго прочтенія ихъ въ правленіи; объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ училищахъ; о командировкѣ профессоровъ для извлеченія изъ земли костей мамонта, объ увеличеніи суммы для содержанія казеннокоштныхъ студентовъ; о правилахъ храненія денежныхъ суммъ; о приготовленіяхъ къ празднованію мира; объ экзаменѣ купца Хлапони́на; о наводненіи въ университетскомъ саду и запрещеніи пускать изъ него воздушные шары; о выпискѣ инструментовъ изъ Англіи; о выговорѣ, сдѣланномъ министромъ народнаго просвѣщенія учителю Гонорскому за изданіе книги „Духъ Горація и Тибулла“; о безпорядкахъ по хозяйственной части въ Харьковской гимназіи; о шалостяхъ ученика Харьковскаго уѣзднаго училища; о ссорѣ директора Полтавскаго училища съ учителемъ; о самоубійствѣ крѣпостного мальчика, принадлежавшаго студенту университета, о студентѣ, утонувшемъ въ р. Лопани ¹⁾.

Такова была въ высшей степени разнообразная дѣятельность правленія. Сколько-нибудь полный перечень его дѣлъ мы дали только за первый 1805 годъ; что же касается остальныхъ лѣтъ, то тамъ мы отмѣтили только немногія отдѣльныя дѣла, выдѣлившіяся, такъ сказать, изъ обычнаго круга дѣятельности правленія; большую же часть своихъ засѣданій правленіе посвящало текущей работѣ.

Мы дали номенклатуру дѣлъ; (содержаніемъ ихъ займемся позже; а теперь остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ виду огромной канцелярской переписки правленіе въ 1805 г. постаралось урегулировать дѣятельность своей канцеляріи. Рѣшено было производить

¹⁾ Для составленія этого перечня дѣлъ мы пересмотрѣли 28 фоліантовъ правленскихъ журналовъ (съ 1805 г. по 1815 г.).

дѣла сообразно съ требованіями генеральнаго регламента. Коллежскому регистратору Дмитріеву поручены были всѣ дѣла, касающіеся непосредственно университета и веденіе реестровъ (входящаго, докладнаго и исходящаго); Ярославскому — всѣ дѣла, относящіяся къ гимназіямъ и училищамъ; Фесенкову — писать начисто журналы засѣданій, отмѣчать время ихъ исполненія, хранить въ должномъ порядкѣ и дѣлать изъ нихъ для исполненія копіи: каждому изъ этихъ трехъ лицъ было дано по одному помощнику ¹⁾. И нужно прибавить къ этому, что чиновники правленія выполняли свою работу весьма добросовѣстно. Это можно видѣть, напримѣръ, изъ представленія, сдѣланнаго правленіемъ министру о кассирѣ Дзюбинѣ и секретарѣ Ванновскомъ. „Кассиръ Дзюбинъ, писало правленіе министру въ 1813 году, находясь въ нынѣшней должности болѣе 10 лѣтъ (онъ былъ назначенъ еще до официальнаго открытія Харьковскаго университета) и исправляя вмѣстѣ съ кассирскою должностію и должностію университетскаго эконома, сопряженную при новомъ устроеніи сего университета съ многотрудными занятіями, заслужилъ своею дѣятельностію и стараніемъ о соблюденіи казеннаго интереса особенное одобреніе; сверхъ того кромѣ своей должности въ теченіе 2-хъ лѣтъ занимался повѣркою и составленіемъ годовыхъ отчетовъ, представляемыхъ отъ училищнаго комитета о суммахъ училищныхъ, и вообще по всѣмъ дѣланнымъ ему отъ начальства порученіямъ оказывалъ отличное усердіе и расторопность. Въ продолженіе же службы его при семъ университетѣ удостоился за свою дѣятельность и расторопность получить отъ начальства въ 1805 и 1807 гг. денежное награжденіе. Секретарь правленія Ванновскій сверхъ настоящей должности за небытностію при университетѣ бухгалтера исправлялъ его должность съ начала 1807 г. по 8-е сентябри 1811 г.; также при неоднократныхъ и долговременныхъ отлучкахъ переводчика, отражаемаго съ визитаторами, незнающими русскаго языка, переводилъ въ случаѣ надобности при университетѣ дѣла съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и польскаго языка на русскій. По препорученію правленія сочинилъ первоначальныя основанія латинскаго языка, кои, по одобренію совѣта, отпечатаны и издѣвненіемъ университета и употребляются въ уѣздныхъ училищахъ. Кромѣ составленія отираваемыхъ ежегодно къ высшему начальству вѣдомостей о занятіяхъ сего правленія и цензурнаго комитета занимался съ 1805 г. по нынѣ, исключая 1812 годъ, составленіемъ вѣдомостей о дѣлахъ, происходившихъ въ совѣтѣ университета. Въ продолженіи службы при семъ университетѣ за отличное

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., январь—іюнь; засѣданіе 3 апрѣля 1805 г.

исполненіе должности получить въ 1808 и 1811 гг. отъ начальства денежное награжденіе" ¹⁾.

Въ 1814 году были приняты и утверждены правленіемъ особыя очень строгія правила храненія денежныхъ суммъ. „Деньги, поступающія въ кассу, читаемъ мы въ этихъ правилахъ, принимаются слѣдующимъ порядкомъ: а) изъ казначейства при членѣ правленія; б) изъ почты по предварительнымъ увѣдомленіямъ почтовой конторы, записываемымъ въ журналъ, изъ коего составляется отношеніе въ почтовую контору о выдачѣ кассиру полученныхъ денегъ (сюда включаются и посылки). Принятые деньги или посылки кассиръ представляетъ правленію въ первое присутствіе, а въ случаѣ долговременнаго его небытія г. ректору при членѣ надъ кассою; с) деньги, представляемыя кѣмъ-либо лично въ правленіе, принимаются кассиромъ по записавіи оныхъ въ настольный реестръ. Одинъ же кассиръ можетъ принимать деньги лично представляемыя до ста рублей, а большія сего суммы получать при членѣ правленія, имѣющемъ въ вѣдѣніи кассу университета. Самая большая сумма ввѣряется кассиру въ слѣдующихъ случаяхъ: а) во время отпращиванія денегъ въ банкъ или другія мѣста; б) при выдачѣ жалованія чиновникамъ университета; с) при платежахъ производимыхъ по важнымъ подрядамъ—на поставку бумаги и пр. На сіи случаи поставляются слѣдующія мѣры въ обезпеченіе: а) въ деньгахъ, отправляемыхъ кассиромъ съ почтою, получается изъ почтовой конторы квитанція, предъявляемая тотчасъ члену, имѣющему смотрѣніе за кассою, а симъ въ слѣдующее засѣданіе присутствію; б) о полученіи жалованія и выдачѣ по подрядамъ значительныхъ суммъ предъявляются въ слѣдующемъ засѣданіи росписки въ книгѣ получившихъ. Никакихъ издержекъ, даже самыхъ малыхъ, не позволено дѣлать кассиру безъ журналовъ или по крайней мѣрѣ словеснаго приказанія г. ректора. Кассиръ никакой суммы ни внести, ни взять изъ кассы не можетъ безъ члена правленія и для того опредѣленная касса хранится за ихъ печатями. Коль скоро положено произвести выдачу денегъ, то внеся оную въ настольный реестръ, изъ коего членъ, опредѣленный для сохраненія казны, получа справку, выдаетъ деньги кассиру, сообразно назначенію. Въ деньгахъ, выдаваемыхъ кассиру на мелочные расходы и непредвидимые случаи членъ при денежной казнѣ требуетъ по издержаніи оныхъ отчета, а потомъ вновь выдаетъ сумму сообразно предполагаемымъ расходамъ. Сія сумма не должна быть болѣе двухъ сотъ рублей. Сумма, выдаваемая по представленіямъ кассира на разныя потребности, одобренныя и означенныя въ

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія за 1813 годъ, сентябрь—декабрь; засѣданіе 20 октября.

журналъ правленія, вынимается изъ кассы сообразно назначенію. Всѣ счета, подаваемые кассиромъ въ правленіе, повѣряетъ и подписываетъ бухгалтеръ. Всѣ справки по журналамъ протоколистъ вѣрно и подробно выписываетъ и при подачѣ рапортовъ о выдачѣ денегъ докладываетъ. Коль скоро донесено правленію о поступленіи купленныхъ или принятыхъ вещей въ вѣдомство кассира, то, смотря по важности и количеству оныхъ, правленіе свидѣтельствуетъ оныя само или поручаетъ члену правленія, или тому чиновнику, до котораго они касаются. Въ вещахъ, купленныхъ для поступленія въ вѣдомство другого чиновника, представляется росписка въ принятіи имъ оныхъ. При приѣмѣ и покупкѣ вещей, поступающихъ въ распоряженіе другихъ чиновниковъ, долженъ быть и тотъ чиновникъ, къ коему оныя поступать будутъ, дабы сей не могъ послѣ опорочивать доброту оныхъ; таковыя вещи суть принадлежащія къ типографіи, экзекуторскимъ и архитекторскимъ матеріаламъ, классическимъ, учебнымъ и канцелярскимъ потребностямъ. Заготовленіе матеріаловъ для построекъ производится всегда по предварительнымъ въ правленіе донесеніямъ о цѣнѣ оныхъ, засвидѣтельствованіи доброты и справкѣ со смѣтою. Членъ правленія въ наличности, архитекторъ въ качествѣ строевыхъ матеріаловъ свидѣльствуетъ на кассирскомъ рапортѣ. Архитекторъ по крайней мѣрѣ ежемѣсячно подаетъ вѣдомость, сколько чего для построекъ принято и употреблено. По издержаніи купленныхъ вещей, кассиръ, представляя правленію о новой покупкѣ оныхъ, всегда долженъ прилагать отчеты, куда именно употреблены прежнія вещи. По истеченіи же года онъ представляетъ о всѣхъ вещахъ общую вѣдомость о приходѣ, расходѣ и остаткѣ. Приходы и расходы по журналамъ и роспискамъ повѣряются секретаремъ, а остатки свидѣльствуются назначенными для сего членами. Кассиръ въ началѣ каждаго новаго года представляетъ также вѣдомость, показующую, сколько къ 1-му числу января протекшаго года числилось у него по описи въ наличности мебели и вообще всѣхъ прочихъ вещей, сколько къ тому котораго числа и какихъ вещей въ теченіе цѣлаго года вновь причислено, какія изъ нихъ и по какимъ журналамъ исключены и сколько затѣмъ почитается въ наличности, какія именно находятся у кассира въ кладовой и какія поступили въ вѣдѣніе другихъ. Вещи, поступившія для употребленія въ вѣдѣніе другихъ чиновниковъ, кассиръ обзрѣваетъ въ концѣ года, находятся ли оныя на лицо и въ цѣлости, о потерянныхъ же и испорченныхъ, получа записки отъ завѣдующихъ, съ изъясненіемъ причины, представляетъ правленію. Къ письмоводству кассира принадлежатъ: кассирскія: а) книги, б) выписки изъ журналовъ о выдачѣ денегъ и пр. с) отчеты, вѣдомости и всѣ прочія дѣла. Кассиръ

употребляетъ въ расходъ деньги не прежде, какъ по состоявшимся уже о выдачѣ оныхъ журналамъ правленія; никакіе расходы, даже самыя малые, не записываются въ книгу до полученія выписки изъ журналовъ; послѣ записки въ расходную книгу, а отнюдь не прежде, выдаются деньги съ роспискою получающаго. Въ случаяхъ, требующихъ скорости, составляется особый журналъ на таковыя статьи. Какъ члену правленія, опредѣленному для соблюденія казны, должно быть всегда извѣстно, когда бываютъ большія выдачи денегъ, то онъ обязанъ смотрѣть, есть ли по ней росписка подъ статью въ той значительной суммѣ, которая недавно вынута изъ сундука. Статьи записываются въ кассирскихъ книгахъ писцомъ или бухгалтеромъ, но за исправность оныхъ отвѣтствуетъ какъ бухгалтеръ, такъ и кассиръ. Выписки изъ журналовъ сверхъ секретаря скрѣпляются повѣтчикомъ. Всѣ отчеты и вѣдомости кассирскія прежде подачи оныхъ въ присутствіе повѣряетъ бухгалтеръ и потомъ подписываетъ. Протоколисту поставляется въ особенную обязанность сличать подаваемые кассиромъ рапорты съ прежде состоявшимися журналами. Для лучшей исправности опредѣляется для письменныхъ кассирскихъ дѣлъ исправный писецъ. Какъ при внесеніи, такъ и выниманіи суммъ изъ кассы долженъ быть присяжный, то объ опредѣленіи онаго представить его сіятельству г. министру¹⁾.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, благодаря какимъ обстоятельствамъ появилась эта инструкция—существовали ли для этого какія-нибудь особенныя причины или она вызвана была желаніемъ тогдашняго правленія упорядочить веденіе университетскихъ финансовъ. Въ дѣлахъ университета мы не находили никакихъ указаній на злоупотребленія по этой части университетскихъ чиновниковъ; слѣдовательно, можно думать, что правленіе просто желало создать точныя и опредѣленныя правила въ интересахъ такого сложнаго и отвѣстнаго дѣла, какъ финансы, и для удобства тѣхъ, которымъ приходилось непосредственно ими завѣдывать. Впрочемъ, быть можетъ, нѣкоторое вліяніе на появленіе въ свѣтъ этихъ правилъ могли оказать тѣ споры и распри, которыя имѣли мѣсто въ правленіи и совѣтѣ въ ректорство Стойковича, а также и извѣстное намъ предосудительное поведеніе этого послѣдняго. Имѣли, по всей вѣроятности, также нѣкоторое основаніе и слухи о взяткахъ, получаемыхъ предсѣдателемъ правленія (Стойковичемъ). Неспроста же они нашли себѣ выраженіе у современниковъ—профессора Роммеля и студента Розальонъ-Сошальскаго. Новый составъ правленія, куда вошли ректоръ Осиповскій, непремѣнный засѣдатель

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1814 г., май — августъ; засѣданіе 15 іюня.

проф. Каменский, деканы—проф. Шумлянский, Шадъ, Гизе и Успенский—а все это были самые видные представители оппозиции Стойковичу—естественно желалъ устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы въ немъ не было мѣста никакому личному довѣрію, чтобы все дѣлалось по уставу, чтобы каждое дѣйствіе имѣло оправданіе въ документахъ и чтобы надъ дѣятельностью каждаго лица былъ контроль учрежденія и его органовъ. Справедливо полагали, что въ финансовой дѣятельности строгая отчетность является совершенно необходимой, обязательной и что она нисколько не оскорбительна для тѣхъ лицъ, которые подвергаются контролю. Какъ бы то ни было, уставъ этотъ очень наглядно рисуетъ намъ ту сложную канцелярскую процедуру, которую исполняли правленскіе чиновники подъ непосредственнымъ наблюденіемъ предсѣдателя, непремѣннаго засѣдателя и членовъ правленія, ихъ ежедневную заурядную обычную работу, независимо отъ разныхъ „особенныхъ“ дѣлъ, образцы которыхъ мы приводили выше. И эта работа исполнялась правленіемъ удовлетворительно. По крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ одинъ только случай, когда высшее начальство (министерство) выразило свое неудовольствіе. На этомъ случаѣ мы теперь и остановимся.

Дѣло относится къ 1811 г., когда ректоромъ былъ Стойковичъ. Въ журналѣ правленія по этому поводу записано ¹⁾: „слушали предложеніе его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія о томъ, что его сіятельство, усматривая въ доставляемыхъ отъ сего правленія за прошедшую половину сего года вѣдомостяхъ о приходѣ и расходѣ по университету суммъ, статьи, требующія поясненія, и препровождая при семъ составленную таковымъ статьямъ выписку, предлагать изволить на сдѣланныя по онымъ замѣчанія доставить его сіятельству надлежащее объясненіе. Замѣчанія же сдѣланныя на нижеписанныя статьи суть слѣдующія.

По вѣдомостямъ, между прочимъ, показано въ расходѣ:

Въ январь мѣсяцъ:

1) Изъ штатной суммы куплено для ректорскихъ покоевъ восковыхъ свѣчъ одинъ пудъ.

По какой причинѣ покупаются для ректорскихъ покоевъ восковыя, а не другія свѣчи и изъ какой статьи, по штату положенной, берутся на такую издержку деньги?

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1811 г., май—августъ; засѣданіе 24 августа.

2) Изъ хозяйственной суммы отправлено къ Рижскому книго-продавцу Гартману за доставленные отъ него книги вмѣсто 443 талеровъ и 9 фердинговъ—2325 рублей.

Заимообразно на счетъ училищъ заплочено за провозъ изъ Радзивилова ящиковъ съ книгами, выписанными изъ Лейпцига для гимназій университетскаго округа—228 руб. 76³/₄ коп.

Въ февраль мѣсяцъ изъ хозяйственной суммы отправлено къ банкиру Ралю въ возвратъ издержанныхъ имъ на переводъ въ Лейпцигъ 1000 руб., посланныхъ для выписки иностранныхъ книгъ для гимназій—25 руб.

Въ мартъ мѣсяцъ:

Заимообразно на счетъ другихъ училищъ:

Заплочено за купленные для гимназій книги о селитровареніи.

Отправлено къ банкиру Ралю для перевода въ Лейпцигъ къ консулу Шварцу на заплату за книги, выписываемыя для гимназій—1000 рублей.

Изъ хозяйственной суммы выдано переплетчику Ведде квартирныхъ денегъ за треть года, окончившуюся 22-го апрѣля сего 1811 г.,—50 рублей.

Для какого заведенія куплены сіи книги, для университета или училищъ, и по чьему приказанію употреблена на сей предметъ сумма?

Изъ сего заключить слѣдуетъ, что за книги прежде уже заплочены деньги, во сколько неизвѣстно. Почему, показавъ количество таковой суммы, объяснить, какія то книги, по чьему приказанію оныя выписаны и деньги за нихъ заплочены.

Объяснить, какого рода книги выписаны на упомянутыя 1000 р., когда деньги сіи доставлены Ралю и по чьему приказанію, при чемъ приложить вѣдомость, сколько когда вообще употреблено на выписку изъ чужихъ краевъ для гимназій книгъ и по чьему приказанію каждая выдача на сей предметъ денегъ сдѣлана.

Для какой гимназій куплены сіи книги и почему оныя для нея нужны?

Объяснить, какія то книги, по чьему приказанію выписаны и деньги за нихъ заплочены.

По чьему утвержденію производятся переплетчику квартирныя деньги, и когда оное послѣдовало?

Въ *мая мѣсяцъ* изъ хозяйственной суммы выдано на проѣздъ профессору Роммелю, отправленному въ городъ Славинскъ для осмотра надписи на камнѣ, найденномъ въ землѣ, — 75 руб.

Въ *июнь мѣсяцъ* выдано ему же, Роммелю, передержанныхъ имъ по сему случаю — 8 р. 50 к.

Объяснить, по какому поводу поѣздка сія сдѣлана, какую пользу университетъ надѣлся имѣть отъ сего путешествія и приложить донесеніе проф. Роммели объ успѣхахъ сдѣланнаго ему порученія, также мнѣніе университета, на донесеніе сіе послѣдовавшее.

Правленіе дало на это слѣдующія подробныя объясненія.

На первый вопросъ (о восковыхъ свѣчахъ). „Еще въ 1806 году 18 января правленіе университета, разсуждая, что въ ректорскихъ покоехъ перѣдко собираются какъ университетскіе чиновники для разныхъ совѣтованій по должности, такъ и постороннія osoby по разнымъ надобностямъ и, признавъ сіи покои публичными, положило освѣщеніе оныхъ принять на счетъ университета, для чего и назначило отпускать въ годъ по 8 пуд. сальныхъ и по одному пуду восковыхъ свѣчъ. Деньги на сію покупку употребляются изъ положенныхъ 8800 руб. по штату университета на содержаніе строений, ихъ отопленіе, освѣщеніе, чистоту и прочее“.

На 2-й вопросъ (о 2325 руб., отправленныхъ къ книгопродавцу Гартману). „При открытіи въ 1805 году университета библіотека его не имѣла почти никакихъ книгъ, кромѣ небольшого числа купленныхъ въ 1804 г. его превосходительствомъ Николаемъ Николаевичемъ Новосильцевымъ во время правленія его должности попечителя сего университета. Посему университетъ и представлялъ попечителю его графу Северину Осиповичу Потоцкому о снабженіи библіотеки его книгами, и его сіятельство предложеніемъ отъ 25 мая 1806 г. позволилъ на первый разъ употребить на сей предметъ до 14000 руб. Вслѣдствіе чего составлены факультетами списки нужнѣйшихъ для каждаго книгъ и заключенъ на доставленіе ихъ контрактъ съ Рижскимъ книгопродавцемъ Гартманомъ, по которымъ спискамъ значительная часть еще по сіе время не доставлена. Какъ въ теченіе 1809 и въ началѣ 1810 годовъ курсъ ассигнаціонныхъ денегъ весьма упалъ, то въ 1810 году положено университетомъ и утверждено г. попечителемъ въ продолженіи выписки книгъ остановиться и дано знать Гартману, что отъ него тѣ только будутъ приняты книги, кои отправлены будутъ въ теченіи 1810 года,

а далѣ сего срока принимаемы не будутъ. Гартманъ въ исходѣ 1810 г., отправивъ ящикъ съ книгами въ университетъ, между тѣмъ, далъ знать ему, что еще прежде полученія сего отзыва отъ университета выписано имъ на счетъ его изъ Парижа книгъ на значительную сумму, кои уже находятся въ дорогѣ, но къ концу сего года не успѣютъ быть отправлены въ университетъ, а потому бы университетъ сей транспортъ принялъ, хотя отправленъ будетъ уже въ 1811 г., безъ чего онъ потерпѣть можетъ напрасныя убытки. Такимъ образомъ университетъ принужденъ былъ согласиться принять и сей транспортъ; почему университетъ и заплатилъ за сей ящикъ, посланный въ 1810 году, означенные 2325 рублей, да и за симъ долженъ будетъ заплатить за упомянутыя полученныя имъ, Гартманомъ, изъ Парижа книги, кои уже въ трехъ ящикахъ отправлены въ университетъ и коихъ цѣны по присланной отъ него фактурѣ простираться будутъ до 10000 франковъ“.

На 3-й вопросъ (о 228 рубл. 76³/₄ коп., заплаченныхъ за книги для гимназій и о 25 руб., заплаченныхъ г. Ралю). „По открытіи университета училищный комитетъ, приступая къ преобразованію главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи, усмотрѣлъ изъ доставленныхъ отъ директоровъ училищъ каталоговъ находящихся въ библіотекахъ оныхъ училищъ книгъ недостатокъ даже въ самонужнѣйшихъ классическихъ сочинителяхъ, безъ коихъ учителя не могутъ ни себя усовершенать въ наукахъ, ни приготовляться какъ слѣдуетъ къ преподаванію оныхъ; почему составилъ каталоги книгъ, коими снабжены должны быть гимназическія библіотеки. Между тѣмъ гимназіи были открываемы и какъ оныя первоначально не имѣли полнаго числа чиновниковъ, то оставались въ нихъ экономическія суммы. Когда таковыхъ суммъ накопилось въ нѣкоторыхъ столько, что можно было приступить къ снабженію библіотекъ, то комитетъ, съ позволенія г. попечителя въ 1808 году отправивъ оный каталогъ къ находящемуся въ Лейпцигѣ російско-императорскому консулу Шварцу, поручилъ искупать по одному книги для шести гимназій и по мѣрѣ искупленія препровождать въ университетъ съ тѣмъ, что университетъ разсылать будетъ оныя по гимназіямъ. Такимъ образомъ оный консулъ, покупая въ Лейпцигѣ книги по каталожнымъ цѣнамъ съ уступкою 20⁰/₀, буде деньги въ теченіе 6 мѣсяцевъ заплачены будутъ, препровождаетъ ихъ изъ Лейпцига въ Броды къ университетскому комиссіонеру Ласкевичу, а сей отправитъ уже ихъ въ университетъ. Какъ скоро консулъ отправитъ какой транспортъ въ Броды, присылаетъ въ университетъ фактуру цѣнъ книгъ и счетъ, почему договорено имъ за провозъ ихъ отъ Лейпцига до Бродъ; и когда Бродскій комиссіонеръ увѣдомитъ университетъ, что транспортъ на границу

прибыль, то университетъ отправляетъ деньги какъ къ консулу на за-
плату за книги, такъ и къ Бродскому комиссіонеру за провозъ отъ
Лейпцига до Бродъ. Къ числу таковыхъ отправлений денегъ въ Броды
принадлежатъ и оныя 228 руб. 76 $\frac{3}{4}$ к. По сіе время университетомъ
переслано на заплату за оныя книги и за провозъ ихъ 22951 р. 31 $\frac{3}{4}$ к.
(слѣдуетъ подробная вѣдомость, которую мы опускаемъ), въ возвратъ
коихъ получено уже изъ Слободско-украинской, Курской и Екатерино-
славской гимназій по 2500 р., всего 7500 р.“.

На 4-й вопросъ (о 55 руб., заплаченныхъ за купленные для гим-
назій книги о селитровареніи). „Правленіе сіе, почитая нужнымъ и по-
лезнымъ имѣть въ библіотекахъ гимназій сію книгу, какъ принадлежа-
щую къ технологіи, которой въ гимназіяхъ обучаются, положило купить
по экземпляру оной для 11 гимназій, заплативъ по 5 р. за экземпляръ,
и разослало въ оныя гимназіи, изъ коихъ деньги за сію книгу почти
изъ всѣхъ уже въ университетъ возвращены“.

На 5-й вопросъ (о выданныхъ переплетчику Ведде 50 р. квартир-
ныхъ денегъ). „Оный переплетчикъ вызванъ въ Харьковъ для универ-
ситета еще до открытія его вмѣстѣ съ прочими мастеровыми. По до-
говору, сдѣланному съ нимъ отъ университета, онъ, получая 250 руб.
жалованія и квартиру съ дровами, долженъ переплестать даваемые уни-
верситетомъ книги съ уступкой третьей доли противъ той цѣны, за ко-
торую переплетаетъ частнымъ лицамъ, и съ тѣмъ, чтобы переплетено
имъ было въ годъ не меньшее число книгъ, какъ такое, за переплетъ
коихъ слѣдуетъ по оному расчету получить до 1000 руб. Прежде сего
пользовался онъ квартирою въ университетскомъ строеніи, но какъ въ
1809 году для приумноженія аудиторій понадобились университету за-
нимаемые имъ покои, то по сдѣланному съ нимъ о квартирѣ договору
отпускается ему по 50 руб. въ треть квартирныхъ денегъ“.

На 6-й вопросъ (о 83 руб. 50 коп., выданныхъ проф. Роммелю на
проѣздъ въ Славинскъ для освидѣтельствованія камня). „Въ маѣ мѣ-
сяцѣ сего 1811 г. Слободско-украинскій гражданскій губернаторъ увѣ-
домилъ университетъ, что Изюмскій земскій исправникъ доносилъ ему
о найденномъ въ заштатномъ городѣ Славянскѣ близъ состоящей тамъ
Степановской больницы въ песчаномъ грунтѣ дикомъ камнѣ, обдѣлан-
номъ на подобіе треугольника или сердца съ выбитыми сверху и подъ
низомъ вокругъ иностранными словами и имѣющимъ въ окружности
около шести сажень, а въ толщину $\frac{3}{4}$ аршина; почему онъ, г. губер-
наторъ, предполагая, что при рачительномъ осмотрѣ и освидѣтельство-
ваніи онаго камня кѣмъ-либо занимающимся науками можетъ быть
иногда открыто достойное любопытства происшествіе древности, про-

силѣюбъ отряженіи кого-либо изъ университетскихъ чиновниковъ въ Славянскъ для освидѣтельствования того камня. Правленіе университета, основываясь на отношеніи г. губернатора, откомандировало по сему случаю въ упомянутый заштатный городъ Славянскъ профессора латинской словесности и древностей Роммеля и выдало ему на проѣздъ туда и обратно изъ хозяйственной суммы 75 руб. Именованный профессоръ по исполненіи сего порученія доведъ правленію что, по осмотрѣ имъ означеннаго камня, не оказалось на немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ надписи и что одна фантазія и необузданное воображеніе могутъ находить на томъ камнѣ изображенія, имѣющія видъ коней и на концѣ камня татарскую стрѣлу, которая относится должно болѣе къ игрѣ природы, нежели къ искусству. Причемъ онъ г. Роммель представилъ и счетъ объ издержкахъ, произведенныхъ имъ въ сію поѣздку, изъ коего усморгно, что онъ употребилъ на прогоны, на промѣнъ ассигнацій на мѣдные деньги и на другія въ пути издержки сверхъ выданныхъ ему 75 р. еще 8 р. 50 к. Почему правленіе выдало ему и сіи передержанные имъ 8 р. 50 коп. изъ хозяйственной же суммы. Поелику же въ университетѣ на таковыя расходы суммы не положено и тѣмъ менѣе сіи расходы на счетъ университета поставить можно, что поѣздка сія сдѣлана безъ всякой пользы, то правленіе тогда же отнеслось къ г. губернатору съ тѣмъ, чтобы онъ, взыскавъ, съ кого слѣдуетъ, означенныя деньги, всего 83 р. 50 коп., доставилъ въ университетъ. Однако-жъ отъ него г. губернатора и доселѣ оныя не получены¹⁾.

Нельзя не признать всѣ эти объясненія болѣе чѣмъ достаточными и вполне основательными. Можно даже сказать, что въ дѣлѣ о командированіи проф. Роммеля правленіе проявило излишнюю расчетливость въ соблюденіи „казеннаго интереса“. Въ самомъ дѣлѣ: едва ли справедливо было взыскать возмѣщенія расхода, понесеннаго Роммелемъ, съ тѣхъ, „съ кого слѣдуетъ“, какъ довольно не опредѣленно выражается документъ, только потому, что экспедиція не удалась; лица, доносившія губернатору о находкѣ камня, могли дѣйствовать bona fide (и конечно, такъ именно и дѣйствовали); задача заключалась въ томъ, чтобы выяснить, опредѣлить значеніе находки—для этого-то и былъ командированъ специалистъ. Мало того: приведенное нами объясненіе Роммеля находится въ странномъ противорѣчьи съ тѣмъ, что онъ говоритъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ. Тамъ онъ выражается въ такомъ смыслѣ, что на камнѣ была надпись, только на неизвѣстномъ ему языкѣ; впоследствии онъ открылъ сходство между этими письменами и

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1811 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 7 сентября.

скиескими или гунскими рунами ¹⁾; отсюда же видно, что Роммеля сопровождали профессор Шмерфельдъ (въ качествѣ живописца), университетскій писецъ и унтеръ-офицеръ. При такомъ составѣ экспедиціи сумма въ 83 р. 50 к. должна быть признана очень скромной.

Чтобы быть вполне точнымъ, я долженъ замѣтить, что кромѣ требованія этого разъясненія министерство обратилось къ правленію еще съ формальнымъ выговоромъ, который мы приведемъ здѣсь въ буквальномъ текстѣ. Выговоръ былъ вызванъ медленностью, обнаруженной правленіемъ въ дѣлѣ описанія минералогической коллекціи, купленной Харьковскимъ университетомъ въ Ганноверѣ. Изъ дѣла выяснилось, что коллекція эта не имѣла каталога и составленіе его поручено было адъюнкту Крюгеру, который однако этого порученія не исполнилъ. Тогда правленіе обратилось къ министру народнаго просвѣщенія (графу А. К. Разумовскому) съ просьбой командировать для этой цѣли адъюнкта Московскаго университета Таубера, но въ отвѣтъ получило отъ него слѣдующее письмо. „Я не могу не отнести къ крайней безпечности университета, что доселѣ не сдѣлано описи купленному у Груннера минеральному кабинету. Мало того, что университетъ поручилъ сдѣлать опись, надобно было смотрѣть, чтобы порученіе сіе дѣйствительно исполнено было. Правленіе представляетъ теперь о семъ, когда выбыли уже чиновники, на рукахъ которыхъ кабинетъ находился и когда перемѣнено посольство, отъ котораго каталогъ кабинету требовать можно было. Я не имѣю теперь никакихъ средствъ отыскать каталогъ; остается университету узнать отъ попечителя, не получалъ ли онъ его. Не могу также для описанія кабинета командировать изъ Московскаго университета адъюнкта Таубера, который имѣетъ тамъ свои занятія. Если при университетѣ дѣйствительно не находится никого, кто бы могъ сдѣлать опись упомянутому кабинету, то остается трудъ сей возложить на учителя естественной исторіи при Харьковской гимназіи, который долженъ знать минералогію. Наконецъ, не могу не отнести также къ небреженію университета, что доселѣ не приготовилъ изъ воспитанниковъ своихъ никого, кто бы по сей части могъ занять мѣсто въ университетѣ“ ²⁾.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что это желчное и ѣдкое письмо является *единственнымъ* замѣчаніемъ, сдѣланнымъ министромъ правленію; по крайней мѣрѣ, пересмотрѣвъ журналы правленія за все первое

¹⁾ Пять лѣтъ изъ исторіи, стр. 59.

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1811 г. сентябрь—декабрь; засѣданіе 13 ноября.

десятилѣтіе его дѣятельности, мы не нашли больше никакихъ выговоровъ и неудовольствій министерства по его адресу.

Судебной функціи правленія мы не будемъ здѣсь касаться; замѣтимъ только, что приведенными нами случаями исчерпывается, кажется, вся его дѣятельность въ этомъ отношеніи. Для того, чтобы дать реальное представленіе и объ этой сторонѣ дѣла, мы остановимся только на одномъ любопытномъ инцидентѣ — слѣдствіи по поводу обидъ, нанесенныхъ полиціей учителю фехтовальнаго искусства въ университетѣ Сивокту.

Широкая университетская автономія того времени нашла себѣ яркое выраженіе между прочимъ въ судебныхъ функціяхъ правленія. Въ качествѣ самоуправляющейся юридической единицы университетъ стоялъ на стражѣ интересовъ всѣхъ лицъ, входившихъ въ составъ его корпорации и долженъ былъ охранять ихъ личность и имущество отъ всякихъ посягательствъ. Онъ справедливо разсуждалъ, что незаслуженное оскорбленіе, нанесенное отдѣльному члену его, является оскорбленіемъ для всей коллегіи и требуетъ законной реабилитаціи. Такой точки зрѣнія правленіе держалось и въ дѣлѣ фехтовальнаго учителя Сивокта. Этотъ послѣдній подалъ въ правленіе жалобу слѣдующаго содержанія. Между первымъ и вторымъ часомъ ночи, писалъ онъ, я услышалъ сильный шумъ и стукъ въ окно своей квартиры; на вопросъ, кто стучитъ, я не получилъ отвѣта и потому долженъ былъ выйти въ одной рубахѣ съ небольшою тростью въ рукахъ изъ горницы и увидѣлъ человѣка, который перелѣзалъ черезъ заборъ противоположнаго дома; ему по русски я замѣтилъ, что поговорю съ нимъ утромъ, какъ вдругъ у самой калитки двора оказалось четыре неизвѣстныхъ человѣка, которые напали на меня и желая схватить разорвали даже на мнѣ рубаху; я вынужденъ былъ защищаться палочкой и всѣхъ ихъ повалилъ на землю; въ числѣ ихъ я узналъ майора Познякова; между тѣмъ къ этимъ четыремъ подоспѣло еще 6 человѣкъ и они, несмотря на заявленіе, что я состою учителемъ при университетѣ, отвели меня въ сѣзжій домъ, въ которомъ, думалъ я, меня хотятъ лишить жизни; по утра-жѣ, около 8 часовъ, отвезли меня на дрожкахъ въ полицію, въ которой городничій хотѣлъ меня допрашивать, а когда я объявилъ свое званіе, то велѣлъ полицейскому офицеру отвести меня въ университетъ. Въ заключеніе Сивоктъ просилъ разсмотрѣть дѣло о причиненномъ ему насиліи и доставить удовлетвореніе и справедливость. При этомъ приложено было свидѣтельство, выданное Сивокту профессоромъ и докторомъ медицины Делявинымъ, въ которомъ значилось, что на обѣихъ рукахъ, особенно же на правой и на плечѣ, имѣется у него отъ пяти до шести синебагровыхъ знаковъ. Выслушавъ все это,

правление постановило: изъ обстоятельствъ дѣла, изложенныхъ въ прошеніи, видно, что открытое нападеніе на просителя, сдѣланное въ самой его квартирѣ, въ ночное время, безъ всякой вины съ его стороны, и отводъ его, почти нагого въ связную избу, а также причиненные ему при этомъ побои, которые доказываются медицинскимъ свидѣтельствомъ доктора Делявина, и пребываніе его въ теченіи цѣлой ночи вмѣстѣ, можетъ быть, съ какими-нибудь преступниками „есть оскорбительное нарушеніе достоинства всякаго благороднаго человѣка (а таковъ и проситель Сивоктъ) и такого нарушенія менѣе всего можно было ожидать отъ полиціи, долженствующей ограждать спокойствіе и безопасность каждаго обывателя. Такъ какъ по 154 § Высочайше утвержденнаго устава даже въ уголовныхъ дѣлахъ первоначальное изслѣдованіе и взятіе подъ стражу чиновника университета принадлежитъ правленію, то поступокъ учиненный (полиціей) съ учителемъ Сивоктомъ, благороднымъ чиновникомъ университета, является несообразнымъ со всемилостивѣйше дарованными членамъ его правами и преимуществами тѣмъ болѣе, что взявшій его подъ стражу чиновникъ полиціи не могъ не знать, что тотъ, кого онъ бралъ, принадлежитъ къ вѣдомству университета, потому что онъ живетъ въ домѣ, находящемся противъ квартиры Сивокта и этотъ послѣдній, при взятіи его и веденіи въ связную, называлъ себя учителемъ вѣдомства университета. Наконецъ, правленію извѣстно, что членъ его профессоръ Шадъ также не нашелъ удовлетворенія въ полиціи по розыску убѣжавшей отъ него служанки и по жалобѣ своей на квартирнаго хозяина купца Кувшинникова. Сопоставляя все это съ тѣмъ, что произошло съ учителемъ Сивоктомъ, правленіе „считаетъ своею священнойю обязанностію, какъ въ семъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, употреблять съ своей стороны настоящее и бдительное попеченіе о соблюденіи правъ и преимуществъ, Всемилоостивѣйше дарованныхъ членамъ Харьковскаго университета, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ, тѣмъ болѣе что это необходимо должно имѣть вліяніе на положеніе всего университета, столь новаго въ этомъ краю. Вотъ почему правленіе рѣшило представить копію прошенія Сивокта и медицинскаго свидѣтельства Делявина, со своимъ отзывомъ, г. Харьковскому губернатору и просить его, чтобы онъ, употребивъ всѣ зависящія отъ него мѣры, повелѣлъ произвести законное разслѣдованіе поступка, учиненнаго надъ учителемъ Сивоктомъ, и виновныхъ предать сужденію по всей строгости законовъ, чтобы этимъ оградить ненарушимость преимуществъ и правъ членовъ сего университета; при изслѣдованіи же этого дѣла поручено быть представителемъ университета совѣтскому архивариусу и правленскому переводчику

коллежскому ассесору Александру Фирсову, а при самомъ судопроизводствѣ члену правленія профессору Стойковичу¹⁾.

Не будемъ останавливаться на дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія по этому дѣлу. Замѣтимъ только, что оно затянулось на долгое время: процессъ въ тогдашнихъ судахъ отличался вообще крайнею медленностью; за тѣмъ полиція съ своей стороны дала нѣкоторыя объясненія, которыя представляли дѣло въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ оно изображено Сивоктомъ; въ объясненіи этого послѣдняго было вообще много неяснаго, недоговореннаго и потому непонятнаго; самъ Сивоктъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ далеко не безупреченъ въ нравственномъ отношеніи; это былъ, очевидно, неспокойный характеръ, и его за ложный доносъ на профессора Дюгурова министръ отрѣшилъ отъ службы въ университетѣ. Но для насъ въ данномъ случаѣ интересны не столько сущность и исходъ этого дѣла, сколько отношеніе къ нему правленія, тѣ принципиальныя воззрѣнія, которыя были высказаны имъ по поводу его. А эти воззрѣнія таковы, что дѣлаютъ честь правленію и его членамъ (Рижскому, Осиповскому, Умлюфу, Шаду и Стойковичу): они, во 1-хъ, основательны по существу, во 2-хъ, находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ автономіей, предоставленной университету уставомъ, и, въ 3-хъ, отличаются благородствомъ своего внутренняго содержанія и внѣшней формы. Къ этому можемъ прибавить, что въ общемъ въ судебныхъ дѣлахъ правленіе стояло на высотѣ своего призванія. Количество дѣлъ, которыя ему приходилось разрѣшить (а мы отмѣтили почти всѣ ихъ), было довольно велико; но его нельзя назвать чрезмѣрнымъ, если принять во вниманіе, что подъ вѣдѣніемъ университета находились не только профессора и студенты, но и весь вообще педагогическій персоналъ гимназій, уѣздныхъ и народныхъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа.

Кромѣ совѣта, факультетовъ и правленія, университетская автономія нашла себѣ выраженіе еще въ цензурномъ и училищномъ комитетахъ. Особое довѣріе правительства Императора Александра I-го къ университетамъ выразилось въ предоставленіи имъ цензуры надъ всѣми научными и литературными произведеніями, печатавшимися въ предѣлахъ ихъ округовъ. Въ университетскомъ уставѣ цензурныя правила формулированы такимъ образомъ. При каждомъ университетѣ учреждается цензурный комитетъ, членами котораго состоятъ деканы всѣхъ факультетовъ. Онъ поручаетъ разсмотрѣніе рукописей профессорамъ, адъюнктамъ и магистрамъ; одинъ изъ этихъ послѣднихъ назначается его секретаремъ. Комитетъ обязанъ не допускать изданія сочиненій;

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., январь—іюль; засѣданіе 11 мая.

„коихъ содержаніе противно закону, правительству, благопристойности, добрымъ нравамъ и личной чести частныхъ лицъ“. Черезъ него должны были проходить всѣ сочиненія, кромѣ тѣхъ, которыя предоставлены были вѣдѣнію духовной цензуры и которыя издавались отъ имени совѣта или правленія (безъ всякой цензуры). При разсмотрѣніи рукописей комитетъ долженъ былъ руководиться слѣдующими правилами. Всякая рукопись или книга вносилась въ журналъ и отдавалась для просмотра кому-либо изъ профессоровъ, адъюнктовъ или магистровъ. По прочтеніи лекторъ докладывалъ комитету свой отзывъ о прочитанномъ имъ сочиненіи. Въ случаѣ рѣшительнаго одобренія со стороны лектора, комитетъ дѣлалъ опредѣленіе о разрѣшеніи его къ изданію. Если же лекторъ давалъ отрицательное заключеніе или же затруднялся дать отзывъ, то представлялъ свои мотивы въ комитетъ и отмѣчалъ сомнительныя мѣста; въ такомъ случаѣ комитетъ сообща разбиралъ вопросъ и рѣшалъ его по большинству голосовъ; а иногда переносилъ на разрѣшеніе совѣта, который рѣшалъ его также по большинству голосовъ. Если сочинитель или издатель былъ недоволенъ рѣшеніемъ комитета, то могъ апеллировать въ главное управленіе училищъ. Всѣ содержатели типографій, находящихся въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа, обязаны были печатать только то, что было пропущено университетскою цензурою и по отпечатаніи книги доставлять въ комитетъ подлинную рукопись и одинъ печатный экземпляръ сочиненія со своей подпискою, что въ него не включено ничего, что могло-бы измѣнить его смыслъ. Университетъ и каждый его профессоръ въ отдѣльности могли выписывать безпрепятственно „всѣ сочиненія какого бы они содержанія ни были“; но цензурный комитетъ обязанъ былъ просматривать тѣ изъ нихъ, которыя предназначались для университетской бібліотеки, и отмѣчать среди нихъ вредныя или соблазнительныя (впрочемъ, и этими книгами могли безпрепятственно пользоваться профессора и адъюнкты; онѣ не выдавались только постороннимъ лицамъ).

Таковы были цензурныя правила, отличавшіяся, какъ мы видимъ, духомъ широкой свободы и ограждавшія только то, что дѣйствительно могло нуждаться въ огражденіи. Полной свободы книгопечатанія не было, была введена цензура, но она, во 1-хъ, предоставлена была такому просвѣтителъному учрежденію, которое по самому характеру и задачамъ своимъ должно было содѣйствовать распространенію научно-литературныхъ интересовъ въ публикѣ, а, во 2-хъ, и самыя цензурныя постановленія были въ высшей степени мягки и не могли поэтому стѣснить дѣйствительной свободы печати: кругъ сочиненій, на которыя цензура должна была накладывать свое veto, былъ точно опредѣленъ; довѣріе

къ отдѣльнымъ лекторамъ, какъ представителямъ автопоммага университета, было столь велико, что въ случаѣ положительнаго рѣшенія вопроса съ ихъ стороны, сочиненіе и не разсматривалось въ комитетѣ, а просто разрѣшалось къ выпуску въ свѣтъ; безпристрастное рѣшеніе дѣла въ комитетѣ было достаточно гарантировано коллегіальнымъ его устройствомъ; наконецъ, для окончательнаго огражденія авторовъ была допущена апелліяція на рѣшенія комитета въ высшую инстанцію. Однимъ словомъ, все клонилось къ огражденію интересовъ литературы и ея дѣятелей и не должно было допускаться только то, что подрывало основы правительства и нравственности; научному изслѣдованію здѣсь была предоставлена полная, можно сказать, безграничная свобода; для себя лично профессора университета могли, какъ мы видѣли, свободно выписывать изъ-за границы и запрещенныя книги. Очевидно, правительство стояло на той точкѣ зрѣнія, что запрещенная или вредная книжка вредна не всякому, что ее можно смѣло дать въ руки челоуѣка науки, стремящагося къ раскрытію объективной истины. Въ высшей степени сочувственное, доброжелательное отношеніе правительства къ свободѣ книгопечатанія нашло себѣ яркое выраженіе въ цензурномъ уставѣ 1804 года, заключавшемъ въ себѣ основныя постановленія по сей части, которыми долженъ былъ руководствоваться и цензурный комитетъ Харьковскаго университета.

Цензурный уставъ 1804 года представляетъ изъ себя въ высшей степени отрадный фактъ въ исторіи нашего умственнаго и общественнаго развитія. Въ немъ нашло себѣ выраженіе то либерально-просвѣтительное теченіе, которое началось у насъ немедленно послѣ воцаренія императора Александра I-го и явилось реакціей противъ прежняго царствованія. Извѣстно, что императоръ Павелъ хотѣлъ совершенно отгородить китайскою стѣною Россію отъ Европы и запретилъ вывозъ изъ заграницы всѣхъ произведеній литературы. „Такъ какъ, гласилъ его указъ, чрезъ вывозимыя изъ заграницы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ повелѣваемъ запретить впускъ изъ заграницы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были безъ изыятія, въ государство наше, равнобѣрно и музыку“. Почему музыка подверглась такой же опалѣ, какъ и книги, сказать не беремся; остается только предположить, что и она наносила „развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія“. Этому акту внѣшней, такъ сказать, политики по части литературы и искусства соответствовали и аналогичныя внутреннія мѣропріятія въ царствованіе императора Павла. Благодаря всему этому, положеніе литературы сдѣлалось невыносимымъ. Императоръ Александръ, по восшествіи своемъ на престолъ, немедленно

силь тяжелыя нуты, въ которыя закована была русская наука и литература, издавъ такой указъ: „желая доставить всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ: запрещеніе на впускъ изъ заграницы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя частныя типографіи распечатать, дозволяя какъ провозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства“. Одно сопоставленіе этихъ двухъ указовъ объясняетъ намъ расцвѣтъ научно-литературной дѣятельности въ Россіи въ началѣ царствованія имп. Александра I-го. Цензурный уставъ 9-го іюля 1804 г. дышетъ мягкостью и умѣренностью. Преслѣдуя опасныя для государства мнѣнія, онъ не нарушалъ свободы изслѣдованія въ области наукъ, касающихся какъ природы, такъ и человѣка, и допускалъ даже оцѣнку религіозныхъ, государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. „Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законодательства, государственнаго управленія или какой бы то ни отрасли правительства, говорится тутъ, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется *совершенною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія*“. Сомнительныя мѣста—что въ высшей степени характерно, — велѣно было толковать въ пользу авторовъ: „когда мѣсто подверженное сомнѣнію, имѣетъ двойкій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать“; цензоры не должны были задерживать рукописей; въ случаѣ запрещенія сочиненія они обязаны были сообщать автору мотивы такого рѣшенія; если въ рукописи оказывались неудобныя мѣста, то ихъ отнюдь не должны были поправлять сами цензоры, а обязаны были возвращать для исправленія авторамъ. У представителей и дѣятелей правительственной власти существовало такое воззрѣніе на цензуру: „неоспоримо, что строгость цензуры всегда влечетъ за собою пагубныя слѣдствія; истребляетъ искренность, подавляетъ умы и, погашая священный огонь любви къ истинѣ, задерживаетъ развитіе просвѣщенія. Неоспоримо и то, что свобода мыслить и писать есть одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ возвышенію народнаго духа и что свободное высказываніе даже ложной мысли ведетъ только къ большому торжеству истины: едва заблужденіе отважится заговорить во всеуслышаніе, множество умовъ готово будетъ вступить съ нимъ въ гибельную для него борьбу“¹⁾.

Такъ благородно мыслили лучшіе люди того времени, ревнители и дѣятели просвѣщенія, члены главнаго правленія училищъ, академики

¹⁾ М. И. Сухомлинова. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 414—415, 418.

Озерецковскій и Фусъ. Къ сожалѣнію, не долго держалось такое устройство въ правительственныхъ сферахъ — не прошло еще и десяти лѣтъ съ изданія устава, какъ начались уклоненія въ сторону реакціи, которая въ слѣдующее десятилѣтіе проявилась съ полною силою и нашла себѣ, наконецъ, яркое выраженіе въ цензурномъ уставѣ 1826 года. Подъ вліяніемъ реакціи дѣлались различныя дополненія и разъясненія къ цензурному уставу 1804 года, которыя мало по малу видоизмѣнили его основной духъ и характеръ. Первое такое ограниченіе относится къ 1811 году.

17-августа 1811 года министр народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій обратился въ Харьковскій университетъ съ такимъ циркуляромъ. „Для приведенія въ дѣйствіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія статей Высочайше утвержденнаго министерства полиціи, касающихся до цензуры и типографій, предлагаю принять по харьковскому учебному округу слѣдующіи мѣры:

1. Наблюдать, чтобы вѣдомости о разсмотрѣнныхъ цензурнымъ комитетомъ книгахъ и сочиненіяхъ доставляемы были ко мнѣ непременно по истеченіи каждаго мѣсяца.

2. Новыя театральныя сочиненія и отдѣльные ежедневные листы, содержащіе какія-либо частныя или публичныя извѣстія (т. е. газеты), буде бы поступили впредь въ цензуру, обращать по принадлежности въ министерство полиціи.

3. Сдѣлать распоряженіе, чтобы для помѣщенія въ газетахъ не было принимаемо отъ частныхъ людей никакого объявленія, ежели оно не было прежде представлено на разсмотрѣніе полиціи.

4. Ежели представлены будутъ отъ частныхъ людей прошенія о заведеніи новыхъ типографій, то не давать имъ на то дозволенія пока не представятъ со стороны министерства полиціи свидѣтельства въ благонадежности ихъ да и въ такомъ случаѣ предварительно представлять мнѣ о дозволеніи открыть типографію“.

Этими распоряженіями, какъ мы видимъ, часть тѣхъ цензурныхъ правъ, которыми пользовался университетъ, переходила къ министру полиціи, другая—ставилась подъ постоянный, бдительный контроль министра народнаго просвѣщенія; университетъ, очевидно, уже не пользовался прежнимъ довѣріемъ!

17-го августа 1811 года графъ А. К. Разумовскій предупреждаетъ цензурный комитетъ Харьковскаго университета, чтобы онъ не разрѣшалъ перевода польскаго сочиненія графа Стройновскаго „объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“, буде ему представить таковой.

7-го сентября 1811 года графъ А. К. Разумовскій, въ отиѣтъ на представленіе совѣта, обратился къ нему съ такимъ распоряженіемъ: „вслѣдствіе представленія совѣта за № 358, предлагаю оному всякую учебную книгу, которая сочинена будетъ и по разсмотрѣніи совѣтомъ найдена будетъ полезною для университета или гимназій, до напечатанія ея, представлять мнѣ. Какое же награжденіе выдавать сочинителямъ, о томъ въ свое время сдѣлано будетъ постановленіе“¹⁾. Тутъ опять нѣтъ былаго довѣрія къ университету!

Въ 1812 г. Харьковскій губернаторъ препроводилъ въ правленіе Харьковского университета циркуляръ министра полиціи слѣдующаго содержанія: „по препорученію отъ комиссіи духовныхъ училищъ членъ оной его сіятельство князь Александръ Николаевичъ Голицынъ увѣдомилъ меня, что не всѣ содержатели типографій исполняютъ обязанность свою, состоящую въ томъ, чтобы на основаніи проекта устава для духовныхъ академій (3 части, 3 гл., §§ 77 и 78) представляли они для освидѣтельствованія и повѣрки въ учрежденный при духовной академіи цензурный комитетъ каждую одобренную имъ рукопись вмѣстѣ съ печатнымъ экземпляромъ, прежде нежели отдадутъ его переводчику или сочинителю. Вслѣдствіе сего я прошу васъ, милостивый государь мой, обязать подписками находящихся по вѣренной вамъ губерніи типографщиковъ въ томъ, что они сію ихъ обязанность впредь неизмѣнно исполнять будутъ во всей точности“. Правленіе постановило передать этотъ циркуляръ фактору своей типографіи²⁾.

Въ томъ же 1812 г. министръ народнаго просвѣщенія запретилъ печатаніе харьковскихъ календарей, потому что эта монополія принадлежала тогда Императорской академіи наукъ. Правленіе просило разрѣшить ихъ изданіе въ виду того, что въ нихъ помѣщаются „экономическія наблюденія и замѣчанія, нужныя для здѣшняго края“; но получило отказъ, мотивированный тѣмъ, что они во 1-хъ, будутъ служить подрывомъ для академіи; что же касается экономическихъ свѣдѣній, то они могли бы, по словамъ министра, печататься отдѣльно³⁾.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1812 г. правленіемъ полученъ былъ отъ министра народнаго просвѣщенія слѣдующій циркуляръ: „Комитетъ министровъ положилъ, чтобы въ настоящихъ обстоятельствахъ всѣ издатели періодическихъ сочиненій въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ *такія только извѣ-*

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта, 1811 г., № 12.

²⁾ Харьк. универс. архивъ. Журналы правленія 1812 г., январь—апрѣль; засѣданіе 4 января.

³⁾ Ibidem., засѣданіе 29 апрѣля.